

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

СВАРОГ

ВРАГ КОРОНЫ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РУССКИЙ ПРОЕКТ

10 НЕВА
лет
с вами!

Александр БУШКОВ

СВАРОГ. ВРАГ КОРОНЫ

Санкт-Петербург
Издательский Дом «НЕВА»
2005

Бушков А. А.

Б 90 Сварог. Враг Короны: Роман. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. – 320 с.

ISBN 5-7654-4147-5

Чужой мир навязал Сварогу бешеный темп, и у него просто не было времени, чтобы остановиться и подумать над массой обрушившихся на него загадок. Но теперь многие тайны находят свое объяснение... и Сварогу открывается многое. Слишком многое становится явным, и Сварог оказывается перед выбором: выжить и погубить близких ему людей – или самому погибнуть в неравной схватке со Злом...

ББК 84. (2Рос-Рус) 6

ISBN 5-7654-4147-5

© А. Бушков, 2005

© Издательский Дом «НЕВА», 2005

Он не задал мне ни единого вопроса и даже, казалось, не спрашивал самого себя, что поделывает этот чужак в его компании; насколько я понял, он уже рассматривал меня как часть своего окружения. Я предпринял несколько попыток догадаться, какой могла бы быть уготованная мне роль. Должен ли я стать зрителем, чей наблюдающий взгляд призван удостоверять его действия? Не требовал ли его нарциссизм постоянного свидетеля? Или же у него были на меня другие планы – не подразумевалось ли, что я стану для него еще одним развлечением?

Анджела Картер,
«Адские машины желания доктора Хоффмана»

Часть первая

ВСЛЕД ЗА СУДЬБОЙ

Глава 1

ЭТЮД В БЛЕКЛЫХ ТОНАХ

Небо было серым. Армады пузатых клокастых туч на крейсерской скорости неслись по серому небу куда-то на закат, целеустремленно и бесшумно, и не было им никакого дела до суетящихся внизу людей.

Впрочем, Сварог и не суетился. Поздно уже было суетиться.

Аллею окружали серые деревья с толстыми мшистыми стволами; их темные кроны таинственно шумели на влажном ветру, порой заглушая даже шелестящий гул множества ветряков. При особенно сильных порывах ветра над песком безлюдной аллеи возникали крошечные торнадо прелой листвы.

Крупный, зернистый песок тоже был серым.

Осень, вечер. В сумерках весь мир окрасился в серое.

На душе же у Сварога...

Ну, давайте будем откровенными.

А ежели откровенно, то нельзя сказать, чтобы он рвал волосы на голове и сыпал образующуюся лысину пеплом или, допустим, катался бы по песку, орошая землицу-матушку горькими слезами и насылая на себя проклятия за опоздание...

Нет.

В конце концов, Сварог был солдатом. Воином он был, как ни патетично это звучит. Его пытались убить, и он убивал; он видел смерть друзей и врагов так близко и так часто – и на Земле, и в иных мирах, – что давно уж привык к ней, как к постоянной боевой спутнице. Как патологоанатом привыкает к ежедневным жмурикам.

Поэтому на душе у Сварога было *серо*, как и все вокруг. Просто серо, вот и все. Как равнодушное небо над головой. Как холодный, грубо отесанный камень в половину человеческого роста перед ним. Камень с небрежно выбитой надписью, состоящей из двух слов. Только из двух слов.

– Слушайте, – наконец плаксивым голосом нарушил долгое молчание горбун, – я же слуга был при госпоже, убирал там, то да се, за домом присматривал, о ее делах знать ничего не знал, ведать не ведал...

– Дальше что было? – глухо перебил Сварог, не отрывая взгляда от камня.

– Дальше... – горбун поскреб лысину, неожиданно успокоился – понял, должно быть, что убивать его пока не собираются, и сказал: – А дальше, господин хороший, началась такая свистопляска, что я

совсем уж было распрощался со своей драгоценной жизнью... Короче, на рассвете налетели. Аккурат как вы отбыли, так и налетели. Целая армия, вот не вру – черно-зеленые, «карточники», «волосатые» – все. И еще какие-то в масках и серебристых балахонах. Будто не простой доктор здесь живет, а форменная банда колдунов-заговорщиков. В общем, дом окружили, орут в эти свои трубки: всем, дескать, не дергаться, так вас растак, а спокойно выходить по очереди и спиной вперед через парадную дверь, оружие – на землю, руки – в небо. При малейшем подозрении на попытку применения оружия или магии открываем огонь на поражение и без предупреждения... ну, и все в таком духе... И что прикажете было делать? Мы с госпожой... – тут горбун вновь чуть было не пустил слезу, но сдержался и просто шумно вытер нос рукавом. И продолжал неискренне трагическим голосом диктора, сообщającego об очередной аварии: – А что нам было делать? В доме никого, только мы и этот ваш... друг больной. А этих – прорва. «Не бойся, Чог-Атто, – сказала госпожа, – тебе ничего не грозит, ты всего лишь слуга». И больше ничего она мне не сказала. Вышла первой – не спиной, лицом вперед. Крикнула во весь голос: «Этот дом находится под протекторатом Императорского Регистратума Жизни! В доме присутствуют больные на стационарном режиме! Требую либо предъявить полномочия, либо немедленно покинуть территорию!»... Тут они и стрельнули. Один раз. Вот тебе и все полномочия...

Она упала, кровищи на всю дверь, а они опять, спокойненько так, за свое, будто и не случилось ничего: выходить, мол, спиной вперед, оружие на землю, огонь на поражение...

Горбун запнулся.

Что самое отвратительное, непоправимое, беспощадное – он не врал. Ни в единой букве не врал. Сварог, презрев всю эту долбанную опасность быть засеченным приборами Каскада, уже давно включил магический «детектор лжи» на полную мощность.

Тщетно.

Детектор, выражаясь научно, на выходе выдавал одни нули. Что означало: Сварогу сообщают правду, только правду и ничего кроме этой долбанной правды... Доктор мертва. И не только она. Как же ее звали? Ах да, Эйлони. Доктор Эйлони. Патронесса шестой королевской больницы. Одинокая, взбалмошная, храбрая Эйлони-Митрот...

В глубине темной аллеи тут и там неярко и поэтому таинственно переливались блекло-желтые, голубоватые, фиолетовые огоньки. *Здесь*, в Короне, было принято... как бы это сказать правильно? – было принято *украшать* могилы электрическим светом, словно в утешающее напоминание о том, что человеческая душа не умирает со смертью брэнного тела, но продолжает сиять и в мире потустороннем. Так что с наступлением ночи погосты Короны в темноту не погружались – на могильном камне, скажем, усопшего из бедной семьи мерцали кольца

и спирали тусклых гирлянд, у надгробного памятника почившего отпрыска из рода поблагороднее горели в специальной нише устройства посложнее — например, отдаленно напоминающие те, что любят устанавливать на барных стойках в некоторых земных кафе: наполненный газом шар, по внутренней поверхности которого скользят, извиваясь, неторопливые ветвистые молнии, исходящие из небольшого сердечника. И почти над каждым памятником шелестели лопасти ветряного двигателя. Десятки, сотни ветряков, в унисон, не останавливаясь, пели бесконечную заупокойную песнь... Что характерно: в вечерней полутьме сия электрическая иллюминация кладбища отнюдь не казалась чьей-то глумливой выдумкой, режиссерской находкой из чьей-то черной комедии. В вечерней полутьме это загадочное мерцание огней Святого Эльма, этот заунывный свистящий гул ветряных двигателей производили, надо признать, должное впечатление.

И где-то там, среди этих последних пристанищ, горит огонек и у могилы светловолосой Эйлони. Интересно, что за эпитафия выбита на ней. И есть ли там вообще эпитафия...

Грубо обработанный камень, перед которым стояли пришелец из другого мира по фамилии Сварог, малолетняя домушница по прозвищу Щепка и горбатый слуга патронессы Эйлони по имени Чог-Атто, не имел ни ветряка, ни иллюминации, ни эпитафии, да и располагался на самом краю кладбища — там, где испокон веков было принято хоронить

бродяг, нищих, нелегальных иммигрантов и прочих личностей без гражданства и документов. Хоронили их, главным образом, в общих могилах, особо не утруждаясь холмиками и уж тем более памятниками. Так что и на том спасибо, что на скромной могилке, возле которой сейчас стоял Сва-рог, сообразовали поставить хотя бы этот булыжник. И даже не поленились выбить надпись. Хотя бы и из двух слов.

Но – только из двух слов.

ГОР РОШАЛЬ.

И все.

А с другой стороны, что еще, собственно, ребята из Каскадовского похоронного бюро могли написать на этом камне? Для них непревзойденный контрразведчик, тактик, интриган и верный спутник в путешествиях по мирам как был, так и остался всего лишь – «человек без паспорта»...

Но какая все же дурацкая смерть – в одночасье сгинуть от редчайшей и практически неизлечимой болезни в двух днях от спасения... Сгинуть в мире, буквально-таки предназначенном для талантов Рошаля!

В мире, именуемом Гаранд. Море, где магия объявлена вне закона, а весь технический прогресс цивилизации основан на энергии электричества.

Воспоминания о событиях, которые привели его к могиле Гора Рошаля, отрывочными картинками вспыхивали где-то на задворках его сознания, вспыхивали и гасли.

...Безумная погоня по улицам столицы Короны...

...Арест бойцами всесильной Службы безопасности Каскад...

...Странная и неожиданная болезнь Гора...

...Бегство из застенков...

...Столь же неожиданная помощь со стороны патронессы госпиталя, сочувствующей магам-подпольщикам...

Лекарство для Гора можно было раздобыть единственно на каком-то паршивом острове на краю света, причем требовалось обернуться самое большое за десять дней – именно столько было отпущено Рошалю. Срок нереальный в принципе, но Сварог успел бы. При пособничестве трех нанятых оборотов, беспутных мелкоуголовных элементов здешнего разлива – Босого Медведя, Монаха и девчонки по прозвищу Щепка – он, оставив Рошалья на попечение Эйлони, в наглуую угнал самый скоростной корабль Империи и бросился на поиски лекарства... И они успели бы. Если б им не помешал один сумасшедший фигляр, дешевый и самонадеянный выскочка, который возомнил себя как минимум самым знаменитым магом-бунтарем Короны по имени Визари, а как максимум – чуть ли будущим Владыкой Гаранда. Потому лишь только возомнил, что случайно стал обладателем таинственного кристалла Око Бога. Даже не кристалла, а предмета, аналога по эту сторону Вселенной не имеющего...

Но все эти воспоминания были какими-то незнакомыми, посторонними, словно бы и не имеющими

к Сварогу никакого отношения – совсем как чужие фотографии, как застывшие фигуры пассажиров в окнах проносящейся мимо электрички... Сейчас Око Бога мирно тлел, истекая тусклым изумрудно-желтым свечением, на груди Сварога, в специально сшитом Щепкой мешочке на шнурке, но меньше всего Сварог сейчас думал о нем. Не до артефакта было Сварогу. А терзала графа Гэйра мерзкая мыслишка: не он ли со всей своей магией стал причиной гибели не самых посторонних ему людей?.. Ведь предупреждали же, что ценой применения заклинаний в *этом* мире являются неожиданные смерти, хотя Эйлони и доказывала, что это не так...

Так или не так, но Сварог опоздал.

Щепка очень осторожно, неумело положила руку на его плечо, ободряя. Ладонь ее была горячей. Очень горячей.

– Когда вашего приятеля увозили, он был еще живой, только-только в сознание пришел, – плакси-во продолжал Чог-Атто; горбун опять принялся оправдываться, а Сварог вспомнил слова Эйлони: *«Перед самой смертью больной каменной лихорадкой выплывает из забытия, приходит в себя...»*. – А что я мог сделать?! Их столько было, все в масках, балахонах серебристых, застегнутые наглухо... Крутились, вынюхивали что-то, весь дом обшарили. Друга вашего увезли... а меня и в самом деле не тронули, как госпожа и говорила. Допросили, конечно, с пристрастием, но поняли все ж таки, что я ни сном, ни духом. И отпустили. А я ведь и в самом деле ни

сном, ни духом! А они: «Ну, в общем, плохи дела твои, парень. Пособничество магам, укрывательство преступника, сопротивление властям... На казнь через растворение, может, и не тянешь, но на пожизненное – эт-точно... Ладно, – говорят, – пока здесь живи, за домом присматривай. Пока Регистратум Планирования будет разбираться, к кому особнячок этот должен перейти. Может, у *этой* наследнички есть, поумнее *твоей*, может, они согласятся тебя оставить». Так и называли госпожу: «эта», «твоя». Будто и имени у нее не было... «А если нету наследников, – говорят, – то домик в пользу Метрополии определим, а ты уж сам как-нибудь... Но! – говорят на прощанье. – Если появится приятель этого хворого и если ты нам не сообщишь о нем – вот тогда, – говорят, – растворения не избежать». Библиотеку вот вывезли, приборы поломали, все вещи перевернули, твари...

И опять же: он не врал. Сварог раз за разом проверял на ложь каждое его слово, и каждое его слово оказывалось правдивым. Все было именно так, как рассказывал горбун... ☞

Сварог наклонился и положил на могилу кусочек прозрачного минерала. Лекарство, которое Рошалью уже не понадобится.

Все события, последующие за тем, как они отбыли с иллюзорного острова Визари-самозванца, и вплоть до того момента, как они узнали о смерти Гора Рошалья, казались Сварогу эпизодами плохого приключенческого фильма, к тому же прокручивае-

мого в режиме ускоренной перемотки. Нет, даже не фильма, потому что в приключенческом фильме, по логике, должны иметь место приключения.

С экипажем же «Пронзающего» не происходило ровным счетом ничего. До острова Навиль они добрались без происшествий. Мало сказать «без происшествий»: без малейших осложнений. Долетели как по воздуху – по спокойной воде, при хорошей погоде, ни на йоту ни отклонившись от курса, ни напоровшись на рифы и мели, без поломок и прочих технических проблем. Добрались, в общем. И Сварогу эдакая благодать не понравилась. Не привык он, знаете ли, чтобы все шло как по Уставу. А тут некие высшие силы словно сжалились, наконец, над скитающимся королем и деятельно, с энергией, достойной лучшего применения, принялись устраивать Сварогу райскую жизнь – в меру своего, разумеется, понимания.

На острове Навиль все прошло как по маслу. Да и пробыли-то они на острове – смешно сказать – часа два от силы. Высадились, сразу обнаружили на невеликой площади острова один из ориентиров – потухший вулкан, дошли до подножья, разбрелись в поисках «разлома с блестящей, как россыпь брильянтов, жилы». Разлом обнаружил Босой Медведь, о чем тут же просигнализировал остальным залпом из обнаруженной в арсенале «Пронзающего» ракеты.

В общем, откололи несколько кусочков минерала, вернулись на борт, отбыли. Наверное, будь у них

в распоряжении чуть больше времени, можно было обойти таинственный остров, а главное – осмотреть выброшенный на береговые камни изрядно проржавевший корабль. Не иначе, это был один из тех экспедиционных кораблей, некогда посланных к острову, но так и не вернувшихся. Наверное, поднимись они на борт погибшего корабля, удалось бы выяснить, что за трагедия постигла экспедицию. Но – на разгадывание тайн времени у Сварога не было. Может быть, тайну гибели экспедиционного судна удастся выяснить исконному экипажу «Пронзающего» – дежурной смене, которую при захвате Сварог со товарищи заперли на «губе». Теперь арестантов они освободили, однако исключительно ради того, чтобы высадить на берег и оставить робинзонить.

А куда их еще прикажете девать? В Корону возвращать небезопасно: мигом побегут в Каскад, все расскажут, всех опишут. Отправлять рыбам на прокорм – не по-людски, да и нет никакой необходимости. А остров Навиль подходит в самый раз: если эти Бен Ганы когда-то и выберутся с него, то произойдет сие нескоро, да и голодная им смерть не грозит – остров кишмя кишит птицами, фрукты какие-то растут как на плантации, рыба вокруг так и плещет, да и на старом корабле что-нибудь полезное обязательно отыщется...

До Короны Сварог со товарищи добрались, опять же, в высшей степени благополучно. Конечно, чего там говорить – кораблик под названием «Пронзающий» им достался легкокрылый и надежный. Еще

бы, адмиральский флагман, как-никак, однако Сва-рога отчего-то не покидало чувство, что кто-то то и дело подталкивает его в спину – с беззлобным раздражением сержанта, подгоняющего роту новобранцев. Не отвлекаться, строй держать, маму вашу, раз-два, раз-два...

Разумеется, и речи не могло быть о том, чтобы заходить в порты и вообще приближаться к местам оживленного судоходства. Следовало подобраться к материку незаметно и высадиться в безлюдном месте. И в решении этой нелегкой задачки им здорово помог Игой-Кион, бывший охранник четвертого причала военного порта. Высадки на остров Навиль он избежал по двум причинам: во-первых, оставлять его вместе с бывшим экипажем корабля означало для парня верную смерть: в глазах моряков с «Пронзающего» охранник четвертого причала был одним из главных виновников захвата корабля; ну, а во-вторых... Во-вторых, его отношения с девушкой по имени Ак-Кина развивались стремительно и бурно и зашли уже столь далеко, что разлучать их теперь было бы просто-напросто бесчеловечно. Да и опасности Игой-Кион не представлял – не стал бы он рвать когти и отдаваться в нежные руки Каскада, поскольку его самого ждет, по меньшей мере, бессрочная каторга.

Игой-Кион неплохо знал лоцию прибрежных северной и северо-восточной части материка – благодаря своему увлечению подводным плаванием. Он-то и подсказал укромную бухту в скалах, которую некогда активно использовали контрабандис-

ты... А может, и по сей день используют. Но контрабандисты волновать не должны: перевозчики запретных товаров почтут за неземное счастье убраться подобру-поздорову, когда в бухту войдет военноморской скоростник.

Никаких контрабандистов в бухте не оказалось. Как, впрочем, и никого другого. Так что на повестке дня оставался один вопрос: что делать с кораблем? Бросить или затопить? Щепка предложила не торопиться с окончательным решением. Затопить и бросить всегда успеется. А один из самых скоростных на Гаранде кораблей, как говорится, на дороге не валяется, да и кто знает, может быть, уже завтра вновь возникнет нужда в быстроходном водном транспорте. Так что же прикажете, брать на абордаж еще один скоростник? С Щепкой согласились все, и было решено оставить корабль в бухте с сокращенным дежурным расчетом на борту, то есть, на какое-то время, по крайней мере, придержать корабль «про запас».

Обошлись без жребия. Охранять корабль вызвались Ак-Кина и Игой-Кион. Что, в общем-то, особо никого не удивило. Конечно, охрана из влюбленной пары известная, но от них и требовалось-то немного – лишь находиться на борту и держать включенной охранную систему скоростника. А система была вполне надежная, Сварог имел возможность в этом убедиться.

...А потом пришла расплата за невиданную удачу, что сопутствовала им на протяжении всего по-

хода до Навиля и обратно. Высшим силам, как видно, надоело превращать Сварогову жизнь в мед, и они отвернулись

Грохнуло, когда Сварог, Щепка, Монах и Медведь добрались до вершины нависающей над бухтой скалы. И ничего уже нельзя было поделывать.

Тяжелый дым заволакивал бухту, еще не осел взметнувшийся столб пламени, еще вертелись в воздухе искореженные обломки скоростника «Пронзающий», поднятые взрывной волной. Эта картина до сих пор стояла перед глазами Сварога. И напряженные, застывшие лица Щепки, Монаха и Медведя.

— Как это? Почему? Не может такого быть... — бормотал Медведь. — Откуда?

Откуда... Знать бы откуда! Но, черт возьми, Сварог никак не мог выбросить из головы такой эпизод: на подходе к бухте ему показалось, будто бы вдали бликнул на солнце окуляр перископа. Он, конечно, сбегал за биноклем, осмотрел водную поверхность, однако ничего интересного не обнаружил. И самое прискорбное, что скоростник действительно мог быть подорван торпедой, пущенной с подлодки. И не просто с подлодки, а с той самой, где командиром властвовала черноволосая Мина-Лу. Ведь у нее свои счета со скоростниками того класса, к какому относился «Пронзающий»...

Словно некий могущественный игрок одним махом смел с доски отыгравшие фигуры. Добраться бы до этого игрока...

О ТЩЕТНОСТИ ГАДАНИЯ НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ

– ...А потом, дня через четыре, его – друга, то есть, вашего – привезли обратно, – продолжал горбун. – Уже того... мертвого. Распухший он был, сиреневый весь – смотреть страшно. «Принимай, – говорят. – Сдох пациентик-то, от воспаленья легких скончался... Что, – говорят, – не приходил товарищ его, не интересовался, куда этот пропал?»

– А ты? – тихо спросила Щепка.

– А что я? – вскинулся горбун. – Правду сказал: не приходил! А ежели придет, так сразу же сообщу! А они с ехидцей мне: так не сообщишь уж – тот тоже, мол, сгинул...

«А вот это непонятно, – подумал Сварог отстраненно, по-прежнему глядя только на могильный камень Рошаля. – В лучшем случае, Каскад мог решить, что я пропал без вести, но засаду-то возле могилы Рошаля на всякий случай оставить должен

был. Не мог не оставить – по всем канонам. Или я что-то не понимаю, или каскадовцы глупее, чем я думал, или... или же умнее...» Мысли путались.

Никакой засадой и не пахло. Перед тем, как встретиться с Чог-Атто, как прийти вместе с ним на кладбище, как отыскать эту незаметную могилку, Сварог почти сутки занимался разведкой по всем правилам: пустил вперед Медведя и Монаха на рекогносцировку, обшарил окрестности на предмет наличия *заинтересованных лиц*, обозначил пути возможного отхода, даже пару раз спровоцировал противника открыться – в частности, применив магию, чтобы сработал прибор каскадовцев и те выдали себя...

Ни-че-го.

Никто из заинтересованных лиц не ждал его ни в доме Эйлони, ни на погосте неподалеку, ни в задрипанной гостинице, где они сняли две комнаты – одну лично для командира, другую для остальных членов преступного сообщества. Сварог поинтересовался у Медведя, как человека бывалого и с Каскадом сталкивавшегося: как так, где комитет по встрече? Медведь честно пораскинул мозгами и выдвинул только одно предположение: легавые отчего-то уверены, что беглецы либо погибли, либо сбежали куда-нибудь в колонии. В общем, возвращаться не собираются. Почему уверены – неясно. Странно,стораживающе? Да, безусловно. Ну и наплевать. Даже если б батальон каскадовцев скрывался за деревьями, окружающими последний при-

ют Гора Рошала, Сварог все равно бы пришел к нему. Неизвестно, как, и не зная, чем бы этот поход завершился, – но пришел бы.

Однако кладбище было пустынно, молчаливо... и серо.

– И что ты теперь собираешься делать? – спросила Щепка у горбуна.

Чог-Атто передернул плечами, ответил неприязненно:

– Не знаю... Подамся в Гвидор, наверное, там у меня родня вроде была. Плевать на дом, все равно не мой... Проживу как-нибудь. Не пропаду. А здесь мне делать больше нечего... – и он снова хлюпнул носом.

Последние его слова эхом отозвались в душе Сварога: *здесь мне делать нечего.*

Он кашлянул и, наконец, отвел взгляд от могильного камня. Сказал устало, смотря на пасмурное небо, перечерченное черными силуэтами голых ветвей:

– Во всем происшедшем ты, Чог-Атто, обвиняешь меня.

– Господин...

– Тихо! Мал-лчать, – отрывисто перебил Сварог. – Я еще не договорил... Обвиняешь, обвиняешь, слуга, и не смей возражать и оправдываться, – даже для слуги это низко. Не забывай, я маг, я чувствую, когда лгут... Так вот. Может быть, ты прав, и я виноват. А может быть, виноваты обстоятельства... или кто-то еще. Маг Визари, например. Или Каскад. Или некто сторонний. Не знаю. Но ты считаешь, что

Эйлони-Митрот, твоя госпожа, погибла из-за меня и моего... друга. Не буду спорить. Все равно доказать ничего нельзя: оба мертвы, остался только я. И, если хочешь, я готов разрешить наш спор, как равный с равным. Выбирай оружие.

Повисла пауза. Со всех сторон гудели, жужжали, перемалывали воздух ветряки. Шелестели деревья. И близилась ночь. Сварог почувствовал, как горбун напрягся, мгновение всерьез обдумывая его предложение. Но тут же расслабился, обмяк. А потом горделиво распрямил плечи и проговорил преспокойнейше:

– Что толку от того, кто прав, кто виноват? Я не судья. Я знаю одно: госпожа мертва, и этого не поправить. Поэтому, если позволите, господин, я не держу на вас зла. Так что идите своей дорогой, а я... Я, с вашего позволения, пойду своей.

Сварог пожал плечами:

– Как скажешь, Чог. Я не господин тебе. Иди куда знаешь. Нам не по пути... увы.

Он повернулся и зашагал прочь.

...Всю дорогу до гостиницы, где они остановились на ночлег, Сварог машинально *сканировал* окрестности, но по-прежнему вокруг все было тихо. Уже стемнело окончательно, простой люд из всех сил наслаждался объятиями Морфея, извилистые улочки этого района Вардрона, застроенные самое большее трехэтажными строениями, освещались электрическими фонарями, горевшими через один

и вполне адекватно, а окна были сплошь темными. Декорации были – точь-в-точь в стиле «гоп-стоп, мы подошли из-за угла»: того и гляди, из полутьмы глухого тупичка выступит коллега Босого Медведя и ненавязчиво предложит купить кирпич...

Никто не выступил – ни братья-уголовники Медведя, ни спецназовцы Каскада с какими-нибудь там электрокалашами наперевес.

Всю дорогу до гостиницы они шли молча, Сварог и Щепка. Лишь у самых дверей девчонка остановила его, заглянула в глаза:

– А что *ты* собираешься теперь делать? Ты не передумал?

Сварог тоскливо огляделся, поразмыслил малость и вздохнул.

– Мне не нравится здесь, Щепка. Извини, конечно, но – это не мой мир... То есть настолько не мой, что теперь я собираюсь делать только одно: искать *выход* отсюда. Неважно куда, хоть обратно в Поток, хоть в гости к Великому Мастеру... Здесь красиво, да, интересно, необычно, но... не мое. Вот поэтому мне нужен этот чертов Визари. Вот поэтому я не передумал.

Щепка понимающе кивнула. Действительно ли она понимала? Судя по всему, да. Еще там, на борту «Пронзающего», на обратном пути в Корону, во время долгой ночной вахты, Сварог, сам не зная почему, поведал ей красивую сказку про одного нищего офицера, который волею случая был заброшен в другой мир, где и прижился, путешествовал, сражал-

ся, любил и терял друзей; где стал графом, маркизом, королем и все такое прочее... а потом в одиночестве потерял все и теперь вынужден скитаться по Вселенным, разыскивая обратную дорогу. Просто так рассказал, честное слово, не ожидая ни понимания, ни помощи, ни жалости. Девочка по прозвищу Щепка некоторое время сосредоточенно молчала и наконец сказала негромко: «Для солдата боевой поход – это судьба, остаться в живых – удача, вернуться домой – случайность...» Сварог посмотрел на нее с изумлением. Если это и была цитата, то на удивление точная и в полной мере отражающая его собственное состояние.

И вообще, Щепка день ото дня удивляла его все больше. Она была на подхвате у Босого Медведя и Монаха, но к ее мнению отчего-то прислушивались оба. Она редко открывала рот, но если и заговаривала, то только по делу. И Сварог всерьез подозревал, что она не просто пешка, внедренная Визари в шайку Босого Медведя и послушно исполняющая его волю – дожждаться Сварога и доставить на место встречи. Сварог даже проверил ее на предмет магических способностей и не обнаружил ничего. Ни малейшего проявления. Чего, впрочем, и следовало ожидать.

– Что ж, – сказала Щепка, – так тому и быть. Завтра, если все получится, ты встретишься с моим хозяином.

– Получится, – сказал Сварог. – Иначе нельзя.

...Покинув гостеприимный остров лже-Визари, несостоявшегося правителя мира, Сварог буквально припер Щепку к переборке «Пронизающего» и вытряс правду.

Надо признать, девчонка особо не запиралась. Да, она знает Визари. Более того: она давно служит Визари. Когда сорвалась встреча Сварога и Визари в предместье Васс-Родонт, хозяин очень рассердился. Он связался со Щепкой – для которой *работа* в банде Босого Медведя была лишь прикрытием, на самом деле она выполняла мелкие задания подполья – и приказал дожидаться встречи с человеком по имени Сварог. Дескать, этот человек сам выйдет на шайку и потребует выполнить некую задачу. Щепка должна была проконтролировать, чтобы Медведь согласился. О, для нее это были большая честь и большая ответственность. Но она справилась. Визари сказал, что когда они добудут Око Бога, она сможет открыться. Так все и произошло.

И больше Щепка ничего не могла сказать. Откуда Визари стало известно, что Сварог наймет именно банду Медведя, если сам Сварог до последнего момента ведать не ведал, кого и как будет вербовать в помощники? Тишина в ответ. Как Визари узнал, что Око Бога попадет в руки Сварогу, если Сварог целеустремленно пер исключительно за лекарством для Рошалья и на остров самозванца они угодили по чистой случайности?! В ответ – пожатие плечами. Визари что, провидец, бля?! Молчание. И большего Сварог от нее не добился.

Они вошли в полутемный холл гостиницы. При их появлении дремавший было Медведь вскочил с кресла, схватился за складень, но, разглядев вошедших, враз успокоился, доложил негромко:

– Атаман, все тихо, – с некоторых пор члены бравой шайки упорно звали Сварога «атаманом». Сварог не протестовал – нехай тешатся. Даже забавно было: атаманом ему еще быть не доводилось. – Постояльцы дрыхнут, слуги тож. Монах на втором этаже, в окна следит. Никого, ничего...Как у вас?

– Бывало лучше, – только и сказал Сварог.

– Атаман, – замялся Медведь, – мне, ей-богу, жалко вашего товарища... Я это... сочувствую.

– Не бери в голову, – махнул рукой Сварог. – И давайте-ка по койкам, завтра у нас большой маршбросок.

– Что, даже караул оставлять не будем?

Сварог помялся секунду, и устало покачал головой.

– Не-а. Смысла нет. Если б нас ждали, то давно б уже повязали. А нам отдохнуть надо. Караул, как говорится, устал...

Медведь в сомнении пошевелил губами, но перечь не стал. Командиру виднее.

Не спалось. Могильный камень с выбитым на нем именем не шел у Сварога из головы, и чтобы отвлечься, он принялся размышлять над собственным положением и систематизировать известные ему факты.

Положение, прямо скажем, было не ахти. Он много не понимал в этом мире и вынужден был плыть по течению, не в силах повлиять на ход событий. И это бесило. Масса непонятного происходила вокруг. Непонятного, странного... и настораживающего.

Сварог перебирал в голове факты и домыслы, тасовал так и эдак, пытался систематизировать, но стройной картины все равно не получалось. Дырок оставалось многовато.

Ну, во-первых, непонятная подводная атака субмарины.

Допустим, плюющийся фиолетовыми осьминожками сгусток черноты, который напал на подводную лодку «Дархская услада» в первый же день появления Сварога и Рошаля на Гаранде, был орудием Великого Мастера, лупящего со всей дури по Сварогу. Допустим. Хотя, признаться, это черное нечто из океанских глубин на посланца Мастера ну никак не походило. А походило оно, скорее уж, на ту тварь, плюющуюся зелеными соплями, что обстреливала броненосец «Серебряный удар», поспешно удирающий прочь от тонущего материка Атар... А *та* тварь – Сварог отчетливо помнил свои ощущения – никакого отношения а Великому Мастеру не имела, *та* была чем-то (вернее, кем-то) другим...

И все равно, для простоты и дабы не умножать сущностей сверх необходимого, предположим пока, что это было дело лап нашего inferнального друга. Тем более, что чуть позже Мастер проявился сам

– заговорив со Сварогом через Рошалья и бесшабашную капитаншу субмарины...

Так, стоп. Да стоп же! С чего он взял, что с ним беседовал именно Великий Мастер?

Сварог резко сел, вспоминая тот разговор во всех подробностях.

Существо, общаясь с ним посредством Гора и Мину, не представилось – ведь это Сварог сам назвал его. Голосом капитана Мины оно переспросило в некотором недоумении: «Великий Мастер?..», – а голосом Рошалья так и вовсе уклонилось от ответа: «Можно и так назвать – у меня много имен...»

И вообще, бляха-муха, складывалось такое впечатление – Сварог только сейчас это понял, раньше времени не было подумать, сопоставить и оценить, – что его визави беседовал с ним *впервые*. Потому что после неоднократных и далеко не дружественных встреч как лично, так и через посредников, ни один уважающий себя Дьявол не стал бы клеить Сварога столь по-бабьи: Сварогушка, ты мне нужен для одного страшно важного дела, без тебя никак, соглашайся, дескать, не обижу, давай найдем общий язык, объединим усилия и будем сотрудничать...

Похоже это на Великого Мастера? Да ни в единой букве!

Тогда кто же, позвольте узнать, выходил с ним на связь?..

Сварог запустил пятерню в волосы, потом помотал головой и набулькал себе вина.

Остается только Визари. Могуущественный, всезнающий лидер магического подполья. Загадка номер два. И еще какая загадка! Визари знал с точностью до минут координаты и время появления Сварога на Гаранде, предвидел, что Сварог сойдется с шайкой Медведя и завладеет Оком Бога. А если допустить, что именно он вербовал Сварога через Рошалья и Мину, то ему известно и о том, что заблудившийся Сварог скитается среди миров и больше всего на свете жаждет вернуться на Талар...

Да кто же он такой, черт возьми?!

Дальше. Существует еще одна загадочная сила, явственно противостоящая Сварогу и тоже знавшая о его появлении на Гаранде. Та сила, которая направила скоростник «Черная молния» в точку прибытия. Которая организовала зенитный огонь по аэропилу, на котором Сварог и Рошаль летели в пригороды столицы... И которая, судя по всему, спровоцировала взрыв «Пронизывающего». А вот во всех *этих* случаях Великий Мастер может быть замешан запросто: пакостить понемногу, исподтишка, но ощутимо – это вполне в его стиле...

А может, и не Великий Мастер, может, кто-то еще...

Голова пухла от непоняток, категорически не хватало информации. Версий было множество. Например: имеются на Гаранде некие апокрифические пророчества, в которых указано, что в такой-то день и в такое-то место явится скиталец по имени Сварог. Кто-то – Визари, скажем, – поверил этим предсказаниям и послал субмарину встретить Сварога, а

кто-то другой тоже поверил и послал «Черную молнию» на перехват. Или такая гипотеза: существует некая Гильдия путешественников по мирам, которая давно и пристально следит за Сварогом, планируя принять его в свои стройные ряды, для того подвергает всяческим испытаниям. А?! Чем не сюжетец?

Или, или, или... А чем больше версий, тем вероятнее, что ни одна из них неверна.

Но и это еще не все.

Загадка номер четыре: необъяснимые, невысказанные и на первый взгляд случайные смерти вокруг Сварога. Пилот аэропила, юноша в музее истории, Ак-Кина и Игой-Кион, Рошаль, наконец, со своей идиотской болезнью, о которой в Короне не слыхивали долгие десятилетия. Если официальная версия права, и несчастья есть результат применения магии, то при чем здесь, скажем, авиатор? Сварог в тот момент, помнится, никаких заклинаний не произносил. И напротив: в подлодке и после захвата «Пронзающего» он колдовал вовсю, однако никто не пострадал... Значит, кто-то палит по Сварогу, но постоянно промахивается?

Великий Мастер?

А на другой чаше весов – более чем подозрительная легкость, с которой им удалось ускользнуть от толпы после приземления в столице, бежать из здания Каскада, захватить «Пронзающий», завладеть Оком Бога, как по ковровой дорожке добраться до Навиля и вернуться. И почему-то их никто не ждал возле Рошалева могилы, почему-то они беспрепят-

ственно проникли на кладбище и столь же спокойно ушли оттуда. Все это опять же наводило на мысль о вмешательстве, но уже иных сил, к Сварогу благоволящих. Такое только в кино бывает.

Визари?

Не-ет, господа, разыскать этого супермага – задача не просто важная, но архиважная...

Кстати, загадка номер сто, и тоже не из мелких: Око Бога. Кристалл, дающий небывалую, невозможную и непредсказуемую мощь его обладателю. Надо лишь знать, как ею пользоваться.

Сварог не знал. И сильно подозревал, что никто не знает.

Он отставил бокал с вином, закурил, вынул из нагрудного мешочка артефакт, положил перед собой на стол. Тут же по комнате разлилось тусклое пульсирующее свечение, зеленовато-желтое, как лимон. Причем свечение неоднородное – полосы света скользили по стенам, подчиняясь некоему неслышному ритму, извивались и закручивались в спирали, и напрочь неясно было, как это лучи могут не рассеиваться и даже лениво извиваться. Струйка сигаретного дыма мерцала в них, как в луче дискотечного лазера. Сварог глянул на Око «третьим глазом» и тут же магическое зрение выключил – сияние кристалла было ослепительным, непереносимым. Но – к порождениям Зла он определенно не принадлежал, и на том спасибо.

Да и не кристалл это был вовсе, по большому счету: перед Сварогом лежало нечто, лишь по-

хожее на кристалл. Вообще не пойми что. Даже его габариты определить визуально было невозможно, мешал странный оптический эффект: с некоторого расстояния оно казалось размером с голову взрослого человека, вблизи – не больше куриного яйца... Тактильные же исследования, сиречь – на ощупь, так же ясности не приносили. Око не имело формы, хотя явственно были видны переливающиеся нутряным светом грани кристалла, и нельзя было понять, твердое ли оно, тяжелое, холодное, гладкое ли... Его можно было взять в руку, но пальцы при этом не ощущали ровным счетом ничего, будто горсть воздуха держишь. А начини сжимать пальцы в кулак, и постепенно возникало сопротивление – тем большее, чем сильнее ты сдавливаешь Око... Странное это было чувство: явственно видишь на ладони *твердый*, светящийся огранный камень, вязкое сияние сметаной течет сквозь пальцы, но осязание не соглашается с реальностью. Осязание утверждает, что у тебя в руке ничего нет. Если пальцы разжать, камень начнет падать – но не сразу и вяло, как воздушный шарик... На прочие эксперименты Сварог не отважился. Не тянуло как-то, знаете ли.

Одно было понятно: *это* – не материальная вещь. Не вещество. Сгусток энергии, волновой пакет, концентрированный айперон или еще какая хренотень – пусть специалисты разбираются. Сварог чувствовал лишь, что в Оке действительно сокрыта небывалая, нечеловеческая сила.

Око Бога, Око Бога... Что-то многовато глаз развелось в последнее время – и Глаза Сатаны, и Зеница Правого Ока, сквозь которую в мир Димереи проникали участники Королевской Охоты... Может, эта штуковина – тоже Дверь? Но как ее открыть?.. Эхе-хе...

Сварог спрятал ее в мешочек, повесил на грудь и откинулся на подушку. Ладно, что толку гадать. Давай-ка лучше еще раз просчитаем завтрашний день.

Вот с завтрашним днем, как ни удивительно, было более-менее ясно. Хотя задуманное ими выглядело даже не авантюрой – самоубийством. Итак.

Боевая задача: добраться до цитадели треклятого Визари и вытрясти из него ответы. В идеале – найти Дверь.

Маршрут: речным транспортом вверх по реке до селения Сагиран, оттуда – пешком до предгорий, оттуда – горными тропами до Сиреновой гряды, до развалин какого-то замка. Где их, по словам Щепки, и ждет предводитель магов-заговорщиков. Ни карты, ни снаряжения, ни обмундирования. Бред? Бред.

Боевой отряд: четыре человека. Пришелец из другого мира, разбирающийся в местных реалиях как свинья в апельсинах, и трое дешевых воришек, включая особу женского пола. Бред еще больший. За каким лешим шайке Медведя понадобилось участвовать в этой афере, Сварог долго не понимал, однако участие соратнички принимали активнейшее. Медведь попыттел немного, узнав, что Щепка, ока-

зывается, человек Визари, но ничего не сказал, более того – обрадовался даже, и до Сварога наконец дошло, что для воришек это был шанс одним махом подняться почти на самый верх криминальной лестницы, из мелких уголовников до полноправных членов разветвленной сети колдунов-революционеров. Из грязи в князи. Если, конечно, Визари захочет принять их в свои ряды. Но тут уж как карта ляжет.

Вооружение: несколько ножей, шокеры у Медведя и Монаха и шаур у Сварога. И все. Увы, на большее рассчитывать не приходилось. Огнестрельное оружие на Гаранде существовало, однако самый современный автомат выглядел в глазах Сварога даже не анахронизмом, а прямо-таки пародией на оружие: килограммов десять весом, длиной под метр, неуклюжий, громоздкий – не могло быть и речи, чтобы разгуливать с таким среди мирных граждан. Пистолеты и ружья, даже самое современное, «Кабарбаг», были не лучше – е-мое, они до сих пор заряжались с дула! – и Сварог, сжав зубы, оставил затею более-менее прилично вооружить бойцов.

В общем, авантюра чистой воды. А что прикажете делать?..

Оставалось лишь уповать на то, что удастся беспрепятственно добраться хотя бы до Сагирана.

Но, как водится, надежды эти были тщетны.

Глава 3

ПО ВОДЕ...

Это был обыкновенный речной трамвайчик, медленно чапающий вдоль берега и пристающий к каждой захудалой пристани. Более всего остального сей транспорт походил на самодвижущуюся баржу с высокой кормовой рубкой. Никаких других палубных надстроек не имелось, равно как отдельных кают и прочих излишеств – лишь открытая палуба, прикрытая от стихий парусиновым навесом на столбиках. Внешнюю неказистость и некомфортабельность электроход с лихвой компенсировал пышностью названия – «Звезда Короны», ни больше и ни меньше.

Таких электроходов плавало по реке количество преизрядное. Куда ни посмотри – снуют по реке самодвижущиеся баржи с парусиновыми навесами. Вот, скажем, сейчас навстречу плывет баржа под названием «Гордость Короны», и капитаны приветствуют друг друга тремя короткими гудками ревуна. А Сварог и Щепка буквально на какую-то мину-

ту опоздали к отплытию баржи под названием «Честь Короны»... Впрочем, следующей речной галоши пришлось ждать всего каких-то полчаса. Полстражи, если по-местному.

Собственно говоря, все эти «гордости», «звезды» и «чести» работают обыкновенными развозками, заменяют собой пригородные электрички, что в иных мирах доставляют на работу в столицу жителей пригородов и потом увозят обратно. А по-другому здесь до столицы простому народу не добраться, разве что пешком. Электромобили могут себе позволить не многие богатые счастливики, к тому же и не ко всем деревням проложены пригодные, покрытые трубином, местным заменителем асфальта, дороги... А бывает и так: дороги проложены, однако не оборудованы через положенное количество километров станциями электрозарядки, – стало быть, мобили оказываются бесполезны. Так что основное сообщение не только между столицей и пригородами, но и вообще между городами метрополии происходит по рекам и каналам. Каналы в Короне, по рассказам Щепки, роют активно. Рытье каналов напрочь снимает в Короне столь острую для иных стран и миров проблему, как безработица.

Дабы путешествовать себе спокойно, не привлекая внимания, нужен был подходящий образ. И они подобрали себе личины самые невзрачные из возможных – коммивояжеры. Щеголяли себе в серых трико и длинных дорожных накидках с капюшонами, в поясах с бляхами низшей торговой гильдии, с

непременными оранжевыми сумками – такие попадают на всех речных судах. Окружающим мало на кого так не хочется смотреть, как на торговцев. Ну а на тот случай, если кто-то все же привяжется – покажи да покажи образцы товаров, – они купили в первой попавшейся лавчонке отрез полосатой ткани. Вот ее-то и станут выдавать за образец – де, это и есть последний писк городской моды...

«Господи, – мельком подумал Сварог, – ну что ж это меня все по водным просторам мотыляет-то, а?..»

Босой Медведь и Монах находились тут же, на борту «Звезды Короны», но держались отдельно, знакомство со Сварогом и Щепкой не афишировали. Поскольку как их не наряжай, на торговцев они все равно походили бы как черт на херувима. Так что вырядились работники ножа и топора рабочими, так сказать, поближе к истинной сущности. Хотя, пожалуй, рабочих с такими прожженными физиономиями возьмут к себе лишь или самые экономные, или самые отчаявшиеся из предпринимателей. В данный же момент Медведь с Монахом облюбовали примыкающий к рубке буфет, давая задницами буфетные лавки, потягивали вино и попутно приставали к двум девчонкам в розовых накидках.

В отличие от нескучной парочки, Сварог сидел себе смиренненько на лавочке рядом со Щепкой, напустив на лицо скучающее выражение, озирал от нечего делать берега, пробегал взглядом по пассажирам...

И кое-кто из них ему очень-но не нравился.

Нет, тип, что беспокоил Сварога, не зыркал неустанно в их сторону колючими глазками. Сварог перехватил всего один его взгляд, но взгляд этот был предельно цепкий, оценивающий, который никак не мог принадлежать обыкновенному пассажиру. После чего странный тип отвернулся с самым незаинтересованным видом, едва ли не зевая, но Сварога не покидало ощущение, что он краем глаза не отпускает ни на миг их со Щепкой. *Пасет*, что называется.

Вообще-то, на судне легко мог оказаться шпик из речной полиции, тайно надзирающий за порядком на водном транспорте. Почему бы и нет? Однако следовало предполагать худшее.

А худшим в их положении мог быть только Каскад. Отсутствие засады на кладбище все же ни о чем не говорило, расслабляться нельзя было ни на секунду, вычислить беглецов могли в любую минуту.

Их галоша в очередной раз забрала к берегу и приблизилась к пристани, где уже выстроились в готовности встречающие, новые пассажиры, работники причала и непременные зеваки. Судя по габаритам пристани, количеству народа, даже чему-то вроде короткой набережной, где стояло несколько электромобилей, судя по многоэтажным домам на холме и ширине дороги, ведущей к тому холму, — судя по всему этому, городок был не из самых завалящих. Разумеется, название «Стангорт», украшающее пристань, ни о чем Сварогу не говорило.

— Крупное поселение? — спросил Сварог, наклонившись к Щепке.

– В последние годы пошло в гору, стало модным местом отдыха. Здесь что ни день открывают новые молния-клубы, заповедники для катания на лошадях и залы «придуманной жизни»... Между прочим, мелким торговцам вроде нас с тобой тут ловить нечего, нас тут гоняли бы отовсюду, как «белых плащей».

– Понятно, – сказал Сварог, не имея ни малейшего желания выяснять, что это за молния-клубы и, уж тем более, кто такие «белые плащи». – Значит, мы правильно делаем, что едем себе мимо.

Ага! Едва перекинули трап, как тип с колючим взглядом поднялся со своей лавки и поспешил на выход. Сбежал по трапу и, расталкивая народца на причале, скоренько направился к берегу. Вот он одолел сходни причала, выскочил на набережную. И, уже оказавшись на берегу, не выдержал. Оглянулся. Его взгляд, не рыская и не блуждая, сходу выцелил на судне Сварога. Наткнувшись на ответный взгляд, пренеприятный тип тут же отвернулся и продолжил свой путь. Сварог увидел, как он подходит к открытому электромобилю с неразличимой на таком расстоянии эмблемой на дверцах, засакивает в него и принимается что-то втолковывать водителю, сопровождая слова энергичными жестами. Видимо, призывает ехать как можно быстрее... М-да, сие нравилось Сварогу все меньше и меньше. Он вновь наклонился к уху Щепки:

– Сколько еще остановок до этого, до Сагирана? Города будут?

– Будут и города, один сравнительно крупный... А что? Тот гусь в поясе со знаками мелкого канцелярского служащего? – усмехнулась Щепка, демонстрируя, что и сама не лыком шита. – Тоже не понравился?

– Шпиком пахнет, понимаешь ли. Впрочем, если это не Каскад, волноваться вроде бы особо нечего. Но в том-то и дело, что он может быть откуда угодно...

Разумеется, они разговаривали тихим шепотом, что, впрочем, никого настораживать не должно – чем мельче торговец, тем более важными и таинственными кажутся ему собственные торговые операции.

– Даже если и Каскад, так быстро им не сработать, – уверенно сказала Щепка. – Пока этот гусь доберется до пункта связи, пока сообщится со своим начальством, а то, в свою очередь, со своим, пока разбираются, куда плывет наша лоханка, через какие населенные пункты будет проходить, пока связываются с подразделением в одном из ближайших городов и ставят задачу... В общем, думаю, мы уже доберемся к тому времени до места.

– В этом корыте, признаться, меня охватывают ощущения насквозь неуютные, – сказал Сварог, – настут прихватить, что высморкаться. А ежели, к примеру, рассмотреть такой вариант: для верности сойти на следующей станции? Насколько тогда мы удлиним и усложним себе путь?

– Может быть, не слишком удлиним, зато уж усложним наверняка. Впрочем, как раз на двух следу-

ющих пристанях неприятных сюрпризов нам ждать не приходится – глухие места, какие-то деревеньки, откуда там взяться каскадовцам...

Увы, жизнь сплошь и рядом протекает не по логике. Вроде бы все, что говорила Щепка, было разумно и справедливо, однако ж неверно. В чем они и убедились, когда «Звезда Короны» обогнула живописный мысок, где среди мшистых валунов росли корабельные сосны, и взорам открылся простенький причал из некрашенных досок, на котором поджидали прибытия речного транспорта около полуроты крепких парней. На первый и поверхностный взгляд – бригада шабашников возвращается домой, успешно завершив свои немудреные дела в этом поселке. Ребятки одеты в деревенские одежды, к ограждающим причал доскам прислонены обыкновенные вещевые мешки...

Только вот в мешках этих легко помещается прибор для регистрирования магии «Боро-4» или любых других модификаций. Только вот для простых работяг слишком уж ухоженный и самоуверенный у парней вид, да и одеты они чересчур единообразно для разношерстной компании. Шабашники – это ж все-таки вам не регулярные воинские формирования... Короче говоря, явно сработанная наспех маскировка не обманула ни Сварога, ни Щепку.

И сразу возникает вопрос: если каскадовцы пасли их как минимум от кладбища, то почему не подготовились более обстоятельно? Время-то было... А ежели нет, то как вычислили *сейчас*?

– Ну вот, началось, – вздохнул Сварог и поправил на груди мешочек с Оком Бога.

– Но как, откуда?! – изумленно прошептала Щепка.

Сварог пожал плечами.

– Их могли перебросить аэропилом.

– Аэропилом? – нахмурилась Щепка. – Да откуда здесь аэродром!

– Хороший пилот сядет и на лесной поляне, – сказал Сварог. – Уж поверь мне, знаю.

– Никогда не слышала про такое.

– Все когда-то случается впервые и вновь, – философски вздохнул он. – Итак, драгоценные мои, я вижу только один приемлемый выход из этого тупичка...

В голове его вспыхнула тоскливая неоновая надпись: «Опять...», – но он погасил ее, помотав головой. Занимало другое: если их *вели* от самого кладбища, так почему не попытались повязать раньше? В той же гостинице, к примеру, где всю честную компанию можно было брать буквально голыми руками...

Хоть Босой Медведь и Монах уже заметно напробовались вина из местного буфета и довольно тесно успели сойтись с девицами в розовых плащах, но стоило подойти *атаману*, враз посуровели, собрались.

– Значица так, хлопчики, *берем* эту лоханку. На вас – палуба и спокойствие пассажиров, на мне все остальное. Неясности?

Не последовало никаких глупых вопросов: «А зачем, командир, а почему, а нельзя ли обойтись...» Сварогу всегда нравилось такое поведение рядового и сержантского состава. Последовал лишь вопрос сугубо по делу, заданный Босым Медведем:

– Цацкаться обязательно?

– Не обязательно, – обрадовал Сварог.

Как и следовало ожидать, речной электроход – это вам не броненосец «Серебряный удар», захватить его оказалось не в пример проще.

Единственным препятствием оказалась запертая изнутри дверь рубки, но Сварог даже не стал с ней возиться. Он подпрыгнул, уцепился за перильца, окрашенные в бело-красную полосочку, подтянулся, закинул ноги на выступ, перехватился руками за верхний край перил, перевалился на ту сторону ограды и очутился в святая святых любого корабля – на капитанском мостике.

К Сварогу рванулся было крепыш при вишневого цвета бандане с белым якорем на лбу – видимо, первый и единственный помощник капитана, являющий собой штурмана, боцмана и весь остальной экипаж. Но как рванулся, так и осел после превентивного удара. Привалился спиной к полосатым перилам, закатив глаза и ухватившись обеими руками за живот. Вид у него сделался самый что ни на есть печальный и покорный.

Капитан «Звезды Короны», высокий, с прямой спиной и орлиным взором, в белой бандане с черным якорем, смотрелся типичным морским волком

(и неважно, что дело происходит на реке). Как и положено морским волкам, капитан гордо вздернул подбородок, скрестил руки на груди и не повел и кустистой бровью, когда ему прямо в якорь на лбу уперся ствол шаура.

– К берегу не приставать, – вежливо попросил Сварог. – Идти мимо. Что дальше, скажу.

– А не пошли бы вы, любезный? – сказал, как сплюнул, капитан.

– В таком случае, я сам встану за штурвал, – еще более елейно заметил Сварог. – Можете не сомневаться, *любезный*, обучен... Правда, при этом раскладе я вышвырну вас, драгоценный мой, за борт, как раздавленную крысу, а «Звезду Короны», за ваше глупое упрямство, вдребезги расшибу о камни. Если же короче, то считаю до двух. Раз...

– Что вам угодно? – холодно перебил капитан.

– О, пустяки, сущие пустяки. Не хочу я, видите ли, встречаться во-он с теми милыми ребятками на берегу. Ну не нравятся они мне...

Капитан мельком глянул на пристань и промолчал.

По металлическим ступеням трапа прогрохотали быстрые шаги, и на мостике появилась Щепка.

– Я же говорила, что замочек тут тьфу, – она поболтала в воздухе звенящей связкой отмычек.

– Ну так я не слышу вашего ответа, – поторопил Сварог капитана.

– Как будто от моего ответа что-то зависит... – Капитан смотрел исключительно поверх головы Сварога. – Я вынужден подчиниться грубой силе...

– Помилуйте, где ж тут грубость! – искренне оскорбился Сварог. – Не грубой силой, но – превосходящей. А лезть с голой пяткой да против заряженного конденсатора – это не храбрость, уважаемый... – Он повернулся к Щепке и передал ей шаур. – Держи-ка вот. Если мне потребуется внезапно отлучиться, я должен быть уверен, что это парочка в надежных руках. – И последнюю фразу он произнес нарочито громко: – Стреляй без раздумий. В случае чего, я доведу эту галошу до места не хуже, чем... чем...

Но ни одно сравнение на ум не пришло.

А на берегу тем временем наступила пора прозрения. Увидев, что электроход перед самым причалом вдруг закручивает крендель и показывает пристани корму, липовые шабашники встревожились. Более не прикидываясь наивными работягами, засуетились, забегали. Но вот только что они могли поделаться? Чтобы мчать по берегу в электромобилях, нужны те самые мобили, а есть ли они у архаровцев? Даже если и есть, здешний колесный транспорт по бездорожью не потянет, слабоват. Аэропил разве что может кое-как сесть на поляне, но чтоб взлететь, ему потребна мудреной конструкции стартовая площадка. Пришвартованных к причалу скоростных катеров, равно как и прочих плавсредств, не наблюдается. Так что каскадовцам ничего не остается, как бежать вдоль берега, куда силы не покинут.

Сварог отвел Щепку подальше от капитана и помощника и, наклонившись к самому уху, тихо произнес:

– Боюсь, через здешний населенный пункт положен-таки телефонный кабель, ребятки быстро свяжутся с кем надо, и в воздух поднимут уже целую эскадрилью. Или, что вероятнее, из ближайшего города нам навстречу выйдет каскадовский катер. Поэтому надо сойти раньше, чем они прижмут нас конкретно и старательно... Есть идеи, где это лучше сделать?

– Обойдутся и без кабеля, – возразила Щепка. – А, ну вот, что я говорила...

Высоко в небо со стороны пирса, который уже скрылся из виду за очередным изгибом реки, одна за другой взмыли три ракеты: зеленая, красная, оранжевая. «Вот тебе и телеграф с телефоном, – в сердцах сплюнул Сварог. – Теперь пойдут передавать по цепочке до ближайшего телефонного узла, и вскоре только самый слепой каскадовец не будет в курсе, где нас искать. Влипши, чего уж там...»

– Идеи есть, – сказала Щепка. – Скоро будем проплывать заброшенный причал, откуда раньше руду вывозили. От него доберемся до заброшенного рудника. Если до сих пор работает канатная дорога, поднимемся на отрог Сиреновой Гряды. Вместо того чтобы плыть, просто немного больше придется пройти пешком, только и всего.

– А если канатная дорога не работает?

– Придется карабкаться в горы самим, только и всего.

– Н-да... Ладно, за неимением других планов считаю утвержденным этот. Пойду гляну, как дела

внизу, и тут же обратно. В общем, в случае чего стреляй без предупреждения.

Босой Медведь и Монах расхаживали по центральному проходу от носа до рубки – каждый со своей стороны доходил до середины и поворачивал обратно. Оба держали в руках извлеченные из-под одежд складные ножи устрашающих размеров и шокеры-бабочки. Медведь прогуливался молча, Монах же, мягко говоря, наоборот.

– Ибо сказано Многоутом: смирение есть благо, – зычным басом вещал красноносый отставной служитель культа. – Покоритесь, и воздастся. Жена покорись мужу своему, слуга хозяину, а побежденный победителю...

Монах вдруг с удивительной для его комплекции проворством развернулся и рукоятью складня врезал по плечу человека, сидящего у самого прохода. Человек вскрикнул, согнулся от боли, а из его руки в проход выпал в точности такой же шокер-бабочка, какие были у Монаха с Медведем, за одним лишь отличием: эбонитовую рукоять этого шокера украшал золотистый знак – якорь, переkreщенный мечами. Знак принадлежности к речной полиции.

– Для тебя сказано было, охальник! – прогреготал Монах. – Че непонятного, бля?! Смирись покорно, и воздастся те! Так нет же! Своемыслить удумал, нелюдь!

Далеко не все пассажиры поглядывали на тихо скулящего от боли агента Сочувственно – некото-

рые смотрели со злорадством, радуясь, что лично их беда обошла, а иные взирали презрительно и даже безглаголиво отворачивались: простой люд полицию не любит, будь она хоть речная, хоть сухопутная...

Сварог понял, что палуба с пассажирами находится в надежных руках, и вернулся в рубку. А там тоже нашелся, оказывается, свой герой сопротивления. Помощник капитана сидел на полу возле опрокинутого стола с картами и полными ужаса глазами смотрел на зубастую серебряную звездочку, застрявшую у него в бедре.

– Чего любишься? Перехвати ногу банданой, кровь останови, – посоветовал ему Сварог.

– Хотел вернуть командование кораблем, – объяснила Щепка.

– Что ж непонятного, – хмыкнул Сварог. – Жить будет... Причал скоро?

– Плес видишь? Пройдем его, там будет небольшая заводь, сразу за ней причал. Почти на месте.

– «Почти» не считается. Ничего не слышишь?

– Не-а, – помотала нечесаными лохмами Щепка.

Сварог задрал голову, повел взглядом по серым облакам.

– Кажется, тарыхтит...

Словно этого замечания наверху только и дожидались: из разлапистых туч вынурнул аэропил. Да не простой, блин. И даже не золотой, что было бы полбеды. Гидроплан. Или, выражаясь по-местному, «водяной голубь». Судя по обалдевшим физиономиям речных мореплавателей, подобное чудо – само-

лет, садящийся на воду и с воды взлетающий – они созерцали впервые. Щепка, похоже, тоже. Одному Сварогу, выходит, доводилось сталкиваться раньше с эдаким техническим дивом.

А вообще-то, следовало отдать должное пилотам местной Унии Авиаторов – в такое непогодье они летают без надлежащих приборов, считай, вовсе без приборов, на одном наитии и мастерстве. Верно говорят некоторые, что нынешние летчики не чета прежним – тем, что летали на «этажерках». На заре авиации происходил естественный отбор – кто не разбивался, становился даже не просто первоклассным авиатором: он становился доподлинным богом летающей машины. А у летчиков эпохи умной электроники рефлексy почти не развиты, такое понятие, как слияние с машиной, им незнакомо напрочь, потому что за них все делают приборы, и если те вдруг откажут – пилот враз становится беспомощным. И сие не только пилотов касается...

Думая посторонние думы, Сварог одновременно решал главную задачу: что им сулит появление гидроплана и что теперь надлежит делать. Гидроплан же как раз прошел над головой, начал разворот и снижение.

– Он может садиться на воду? – Щепка еще раз доказала, что девочка она догадливая.

– Именно так, – мрачно ответил Сварог. – Садиться, передвигаться по воде, догонять по воде плавающие галоши и брать их на абордаж.

– Нам не дотянуть до причала?

– Не знаю. То, что аэропил *может* садиться на воду, еще вовсе не означает, что он *станет* садиться...

Гидроплан вновь прошел над электроходом, уже гораздо ниже. И что-то округлое, желтоватое промелькнуло слева. Сварог едва успел повернуть голову, как в десяти уардах по левому борту раздался взрыв, и в воздух поднялся водяной столб. «Звезду Короны» ощутимо толкнуло, вода обрушилась на палубу, брызги долетели до верхней части навеса.

Неизвестно, предупредительный это был бабах или же бомбометатели на первый раз промахнулись, но вдумчиво решать эту задачу не тянуло, да и некогда было, откровенно говоря. Оттолкнув капитана со словами: «Марш к помощнику и ни шагу из того угла», – Сварог метнулся к штурвалу, вывернул его до отказа. Причала ждать не будем, причаливать станем в экстренном порядке.

Как Сварог и предполагал, капитан не смог спокойно глядеть на то, что собираются сотворить с его кораблем, и бросился на захватчика. А раз Сварог предполагал, то оказался готов. И встретил как полагает: кулаком в солнечное сплетение. А дабы не возникло повторного желания безобразничать, легонько так надавил на яремную вену. Только чтоб ненадолго отключить.

Электроход, повинувшись рукам нового капитана, круто повернул к берегу, нацеливаясь на обширную, заросшую камышом заводь, о которой говорила Щепка. Трудно было даже предположить, что тво-

рится сейчас на пассажирской палубе. Одно несомненно – Медведю и Монаху приходится нелегко. Вполне возможно, бомбометатели добивались посеять панику на борту и никаких прочих целей не преследовали. По мысли гидропланщиков, вероятно, возмущенный народ, видя в небе явственные спасение и подмогу, должен изловить и скрутить негодяев. Кстати, расчет неглупый. И кто его знает, не скрутили ли уже Медведя с Монахом. Ведь придется в таком случае отбивать...

Речная галоша «Звезда Короны» сумела подобраться к берегу гораздо ближе, чем выходило по прикидкам Сварога. И только в дюжине метров от кромки берега посудина заскребла днищем по песку, заскрипела, как великанская несмазанная дверь.

– Держись! – закричал Сварог, притянул к себе Щепку, прижал покрепче и сам схватился за поручень.

Как и предполагалось по законам физики, все и вся швырнуло вперед, когда «Звезда Короны» окончательно увязла в песке и остановилась, накренившись на правый борт. Хоть Сварог и приготовился к толчку, но все же его слегка приложило боком к стойке штурвала. Впрочем, сейчас было не до того, чтобы растирать ушибленный бок.

– Вниз, – Сварог по толкнул Щепку в сторону трапа, переступил через проехавшего по всей рубке помощника капитана.

Охваченные паникой пассажиры с криками и воплями метались по палубе, толкая друг друга.

Некоторые, поди ж ты, прыгали в воду. Выискивать в толпе Монаха и Босого Медведя представлялось делом чрезмерно хлопотным, – ну ладно, сообразят, что к чему, чай, не дети малые. Сварог отшвырнул в сторону типа с очумелыми глазами, который клещом вцепился в его плащ и что-то визгливо кричал, протаскивал Щепку сквозь людскую массу, прокладывая дорогу тумаками, открыл калитку в фальшборте, или как там она называется по-морскому, скинул вниз трап.

По трапу они сошли в воду, можно сказать, с комфортом. Правда, пришлось метров пять проплыть, прежде чем ноги коснулись дна. Отметившись следами на песчаной отмели, выбрались на твердую землю, поросшую мелкой редкой травой. И только сейчас Сварог обернулся. Наконец-то удалось изыскать время и посмотреть, что поделывает гидроплан.

Гидроплан заходил на посадку. Ну, в общем-то, этого и следовало ожидать...

– Образцы товаров забыли, – усмехнулась Щепка, отжимая мокрую накидку.

– Может, вернемся? Нет? Тогда скоренько давай наверх.

Глава 4

...ПО ЗЕМЛЕ...

Берег здесь был высокий, осыпчатый, пришлось карабкаться, хватаясь за деревья и коряги, выискивая устойчивую опору для ног. Забрались. Сверху панорама бедствия просматривалась преотличнейшим образом, хоть пиши полотно в жанре «картина-катастрофа»: заводь, скрытая камышом, невезучий электроход, разноцветные человеческие фигурки, «водный голубь», который уже приводнился и скользил по речной ряби к электроходу. Ага, вот и две фигуры, трудно спутать еще с кем-то. Босой Медведь и Монах тоже карабкались наверх, правда, получалось у них не так ловко, как допрежь у Сварога со Щепкой, то и дело кто-нибудь из них соскальзывал и съезжал на брюхе по песчаному грунту. Запыхавшись и перепачкавшись, соратнички все же добрались до верха. Их тяжелое дыхание наполнило окрестный воздух ароматами кислого вина. На лбу Монаха набухла свежая шишка, весьма гармонично дополняя красный нос.

– Эти... с аэропила... не отвяжутся, – выговорил Босой Медведь, отсапываясь и отплеываясь.

– Ну, на их счет у меня имеются кое-какие мыслишки, – Сварог пружинисто вскочил на ноги. – Двадцать секунд на то, чтобы вылить воду из штиблет и продышаться.

– Опять бежать? – в вопросе Медведя слышалось страдание.

– Не так чтобы особо много, – успокоил Сварог.

Перед тем, как покинуть откос, Сварог бросил последний взгляд вниз и увидел, что в борту гидроплана открылся люк, и оттуда, из темного зева выпрыгивают фигуры в черно-зеленых, горбом вздымающихся на спине плащах. Каскадовцы, мать их, со своими электродубинками и конденсаторами в рюкзаках, со своими, это уж не извольте сумлеваться, замечательными приборами по улавливанию магических проявлений. И, сдастся отчего-то, приборам будет что улавливать...

Как и пообещал Сварог, они бежали не особо быстро и не особо долго. В переводе на земные меры длины, они проделали трусцой путь длиной около полукилометра. И оказались возле перелеска.

– Нам куда, чтобы попасть на рудник? – спросил Сварог, остановившись.

Щепка, после марш-броска не в силах вымолвить ни слова, махнула ладошкой налево.

– Ага, понятно. Значица, действуем по знаковой схеме... Предупреждаю всех: в обморок не падать, благим матом не вопить! – громко оповестил

Сварог. – Сейчас всем вам будет немножко удивительно...

Он прошептал нужные слова, температура воздуха вокруг одним махом упала градусов на пять, и...

И появился еще один воинственно выпятивший живот Монах, еще один сопящий Босой Медведь, еще одна невзрачная Щепка и еще один виновник всей затеи – Сварог.

Иллюзорная группа, предводительствуемая иллюзорным Сварогом, дружно отправилась в обход перелеска по тропинке. Их еще долго будет видно издали. Вот и пусть их видят – не перевидят те, для кого это видение, собственно, и предназначено. И пусть трезвонят пеленгаторы магии: на то и пеленгаторы, чтобы пеленговать, а не отличать иллюзию от реальности.

Банда злоумышленников реальных изумленно тарашилась вслед двойникам.

– Не отмолить мне дел бесовских, колдовских, в кои впутан оказался, – прошептал Монах, насупив кустистые брови, выпростал из-под одежды амулет и со звонким чмоком поцеловал его пухлыми губами. Борода его при этом тряслась мелкой боязливой дрожью.

– После будем переживать, братья, – Сварог ободряюще хлопнул Монаха по плечу. – Нам, волшебникам, это раз плюнуть. Айда дальше по маршруту.

Медведь лишь потрясенно покачал головой.

Все же Сварог ненадолго задержал отряд, отведя его под прикрытие лесных деревьев. Захотелось убедиться, что уловка сработала.

Сработала. Как обычно. Показавшиеся из-за взгорка каскадовцы, ничуть не колеблясь и ни в чем не усомнившись, потопали следом за обманкой. Заодно Сварог и пересчитал группу преследования: девять боевых единиц. Впереди идущий держит в руках похожий на амперметр, хорошо знакомый Сварогу прибор, который фиксирует колдовство. Ну и хорошо, что фиксирует, и пусть себе фиксирует дальше. Лишний повод каскадовцам поверить в иллюзию. Мол, бегут проклятые маги и колдуют на ходу. Главное, что этот прибор не отличает правдивые облики от лживых, не доработали тут конструкторы, понимаешь... Короче, пусть ребятки из Каскада малость порастрясут жирок в погоне за призраками. А призраки у нас прыткие...

«Собственно, все не так уж плохо, жизнь, можно сказать, удастся, – думал Сварог на ходу. – Пусть ненамного, но мы оторвались. Ни разу с момента высадки я магии поблизости не чувствовал, значит, в состав каскадовской группы преследования колдун не входит, что значительно облегчает нашу жизнь. Канатную дорогу, попользовавшись, можно испоганить со спокойной душой. Пускай шлепают горными тропами, по скалам взбираются. Короче говоря, у нас есть все шансы прорваться...»

Щепка вела их уверенно, выбирая среди переплетения тропинок верную стежку. Ни разу не остановилась в задумчивости, ни разу не завертела головой, высматривая знакомые ориентиры. Такое впечатление создавалось, что Щепка имеет прямое

отношение к рудокопам и путь к руднику знает как свои пять пальцев. На привале надо будет поинтересоваться, откуда ей знакомы здешние места. Ну а пока Щепка стала их командиром, потому что самому Сварогу никак не подворачивалось оказии покомандовать каскадошныч ничем о себе не напоминали, вокруг было тихо и покойно, ничего поганого наперерез не выскакнишало. Благоленне, одним словом. И, как обычно бывает в подобных случаях, Сварога раздражали именно эти благоленные тишина и безмятежность вокруг. Неизвестность и постоянное ожидание нападения натягивают нервы похлеще открытой схватки...

Они давно уже двигались среди скал, почему-то имевших здесь коричневый оттенок. Присмотревшись, Сварог понял в чем дело – скальную породу покрывал тонкий буроватый налет, более всего походивший на скверного цвета плесень. Он провел пальцем по камню, ощутил прикосновение к склизкому и влажному, а на коже остался бурый след – словно о ржавчину испачкался. Сварог вытер палец о штанину.

– Красная дистария. Верный признак, что где-то поблизости залежи дисторита, – сказала Щепка, оглянувшись на Сварога. – Здесь добывали руду, содержащую дисторит, из которого делают элементы для аккумуляторов.

– А почему забросили добычу? Выгребли запасы под чистую, одна плесень осталась?

– Нет, тут еще добывать и добывать... Просто решено было оставить возле столицы стратегичес-

кий запас. После того, как обнаружили месторождения дисторита в колониях. Оттуда теперь и возят.

– Эт-то нам знакомо, – усмехнулся Сварог. – Сплошь и рядом случается в отношениях между колониями и метрополией...

Обогнув похожую на огромный палец скалу, они увидели впереди постройки, что называется, сарайного типа. Ага, вот в луче солнца – точно светило специально для этого впервые за день прорвалось сквозь тучи, – сверкнула длинная тонкая нить, уходящая вверх, к нависающим над головами горам. Металлический трос, вот что это такое, причем не тронутый ни плесенью, ни ржой. Зато кабина подъемника и подъемные механизмы были ржавыми-прержавыми. Еще более изъеденным коррозией выглядел вездеход, застывший на груде породы в серебристых прожилках – может быть, как раз на груде той самой руды.

– Вот ты какая, дорога канатная, – пробормотал Сварог. – Кин-дза-дза форменная, право слово...

– Сюда направляли на работы приговоренных к большим срокам, – вдруг заговорил Босой Медведь. – Здесь год за три шел... Сперва, знамо дело, добровольцев отправляли. Но охотники вскоре перевелись – слишком мало доживало до освобождения. Уж больно нехорошие разговоры кружили вокруг рудника, вот наш брат и предпочитал досиживать в лагерях. Тогда стали насильно отправлять.

– Заключение сюда привозили каждый день? – спросил Сварог, с сомнением рассматривая раскачивающийся на ветру трос.

– Не, канатной дорогой пользовались вольнонаемные. А заключенные жили где-то там, – Медведь махнул в сторону гор. – Где-то в горах оборудованы под содержание пещеры. Там их и держали... – Он помолчал малость, потом добавил шепотом: – А еще говорят, рудник прикрыли из-за того, что призраки одолели. Ну, души не то тех работяг, кто здесь сгинул, не то вообще незнамо кого... Знавал я одного бродягу – Папашу Черное Ухо. Когда речь заходила о Стоногом руднике – так это место называется – он прямо сам не свой становился. А если кто начинал его подначивать, типа: «Эй, слышь, Черное Ухо, а сколько ног у того рудничка?..», – так хватался за нож и длинные языки-то укорачивал...

– Ладно, отставить предания старины глубокой, пошли кататься, – мрачно сказал Сварог. – Кто-нибудь из вас управлял такой штукой?

– Приходилось, – неожиданно подала голос Щепка. – Дело немудреное...

Кабинка с ужасающим скрипом закачалась, приняв четверку людей. Сварог с лязгом задвинул дверцу, Щепка дотянулась до коробки, приваренной к вбитой в скальную породу рельсине. Но крышка пульта управления девичьим пальцам не поддавалась.

– Прикипела, – констатировал Сварог. – Монах!

Опальный служитель культа раздвинул складень, сунул лезвие в щель между крышкой и панелью, надавил – и крышка отскочила, слетела с насквозь проржавевших петель, упала на землю, подняв вокруг себя коричневое облако ржавчины.

– Дурные места, вестимо вам глаголю: дурные, и ждет нас тут погибель лютая... – необычайно тихо для себя проговорил Монах, убирая лезвие складня.

На панели обнаружилось два перекидных рычажка: на деревянном набалдашнике одного вырезана стрелка вверх, на другом – стрелка вниз. Так что не бином Ньютона, и ребенок разберется. Щепка перекинула нужный рычажок...

Под навесом, где располагался подъемный механизм, что-то щелкнуло, будто замкнуло реле, потом послышался протяжный, громкий до зубной боли скрип, что-то задребезжало, что-то загудело, скрежетнул над головой трос, кабинка встряхнулась и... и стронулась с места, пошла помаленьку – медленно поползла к горным вершинам.

...И ПО ВОЗДУХУ

А вот интересно: почему технику не отключили от электропитания? Загадка. Хотя...

Сварог вспомнил Землю, армию, заброшенные военные «точки». В годы лихолетья и междувременья те «точки» закрывали одну за другой – и тоже, промежду прочим, не отключали от электропитания. Равно как и от телефонной связи. Таков был приказ с самых верхов. Считалось, что в любой момент «точка» должна быть готова к возвращению прежних обитателей. Железо ржавело, имущество потихоньку разворовывалось, а свет включи – и горит. Думается, и здесь имеет место та же история...

Кабинка между тем, поскрипывая и покачиваясь, рывками двигалась вверх. Стекла давно уже были то ли выбиты, то ли сняты. Сварог облокотился на край кабинки и молча глазел по сторонам. Вокруг – горы, внизу – предгорье, вдали – равнины и холмы... А вот открылась взглядам с высоты казавшаяся твер-

дой и неподвижной та самая широкая судоходная река, по которой они немного не доплыли до намеченного места. А там – что это? – ба, да это ж железная дорога! Ну да, никаких сомнений: практически прямая серебристая полоска то исчезала *за* горными уступами и *под* ними, в тоннелях, то вновь змеилась, змеилась.

– Единственный рельсовый путь в Короне, – сообщила Щепка, проследив за его взглядом. – Через весь материк тянется...

Сварог понимающе кивнул.

Панорама казались мрачной и враждебной. И не только из-за того, что над головой нависало серое непроглядное небо, но в большей степени из-за понимания, что где-то по этим пейзажам бродит группа каскадеров. А может, уже и не одна группа...

О чем совсем не хотелось думать, так это о том, что будет, если электропитание неожиданно отключится или отвалится какая-нибудь насквозь проржавевшая шестерня. Тогда они повиснут на высоте в несколько сотен уардов над бездной... Конечно, кое-какие способности Сварога помогут выбраться из передраги, но вот сколько на это уйдет времени? Может быть, как раз хватит, чтобы группа преследователей вышла к канатной дороге и перекинула бы рычажок со стрелкой, недвусмысленно указывающей вниз...

– А это еще что такое?! – Сварог вытянул руку, указывая на поросший чахлым лесом склон ближайшей горы.

Там, по-над куцыми, блеклыми деревцами, плыл огромный плоский треугольник ярко-алого цвета; плыл неторопливо и величественно, по идеальной прямой, основанием вперед. Истинные его размеры оценить было невозможно, потому как конструкция эта совершенно не отбрасывала тени и могла находиться как над самыми верхушками сосен, так и в пятидесяти метрах над ними, но все же чувствовалось, что размеры его, мягко говоря, исполинские. Ирреальное было зрелище – над сонными лощинами и перевалами совершенно бесшумно скользит по своим делам аккуратный такой кусок не то пластмассы, не то крашеной фанеры без всяких опознавательных знаков... В магическом зрении все осталось по-прежнему: лес и треугольник над лесом, так что никаким колдовством здесь и не пахло. Непонятно лишь было, почему эта хрень не отбрасывает тени... Тем временем неопознанный летающий объект перевалил за взгорок, на миг замер, развернулся на сто восемьдесят – и исчез, растворился в сизой дымке.

– Ну? И что это было? – спросил Сварог. И с удивлением заметил, что голос его малость дрожит. Страшно не было, просто как-то... как-то не по себе было, что ли.

– Первый раз вижу, – шепотом признался Босой Медведь. – Всякого насмотрелся, но чтоб такое...

– Какая-нибудь секретная разработка? – предположил Сварог. – Аэропил нового поколения?

– Не человеческих рук, но дьявольских лап порождение, – снисходительно, как детям малым, объяс-

нил Монах. – Вестимо, земли сии прокляты и отданы на поруганье силам, кои...

– Ясно-ясно, – перебил Сварог быстро, пока Монаха не понесло, – не продолжай. Армия Тьмы, бесовские козни и все такое прочее. Это мы пока еще понимать можем...

Щепка же, прищурившись, молча смотрела вслед треугольнику.

По железной крыше кабинки застучал мелкий дождь, панораму гор и их окрестностей замутила серая рябь. Эдакий нудный поганенький дождик, который и посреди комфорта навевает тоску, а уж в насквозь продуваемой скрипучей кабинке ощущения охватывают исключительно препоганые. Одно отрадно: неуклонно приближается конечная остановка. Уже можно разглядеть уступ, на котором темнеет невысокое корявое строение, куда заходит трос...

Они разминулись со встречной кабинкой. «Вот было бы здорово, если бы в ней кто-нибудь ехал и делал нам ручкой», – вяло подумал Сварог. Встреча кабинок, не иначе, знаменовала прохождение экватора, то бишь середины канатной трассы. Полпути, значица, одоле...

Сварог круто повернулся к спутникам. Нет, не одному ему показалось. Встрепенулся Босой Медведь. Монах, с самого начала поездки насупленный и задумчивый, сидел на железном крепеже сгнившей лавки, но сейчас голову поднял и вопросительно вскинул брови.

– Похоже на пчелиный рой, – проговорила Щепка, с непонятым выражением глядя на Сварога.

– Н-да, это «ж-ж-ж» неспроста... – раздумчиво сказал Сварог и прикурил сигаретку. – Но это ж сколько пчел должно быть... Скорее уж... Смотрите! Ах ты, мать твою!..

Из скопления туч на горизонте вывалились четыре черных крестика, закружились бестолково, как листья на ветру, потом вдруг выровнялись и образовали стройный клин. За этими показалась следующая четверка, и еще одна... Три клина, разойдясь, слаженно взяли курс аккурат на канатную дорогу. Фигурки на глазах укрупнялись, и уже можно было разглядеть мутное сияние пропеллеров, и уже можно было слышать стрекот винтов и тарахтение моторов...

Босой Медведь последним догадался, что происходит:

– Аэропилы, будь я проклят!

Да, двенадцать машин тремя звеньями неслись по воздуху несомненно в их сторону, в сторону еле ползущей кабинки. Нехило, чего уж там. Уж накрыли так накрыли... Но, блин, елы-палы, даже в такую непогоду – а как лихо шуруют сквозь облака эти местные уточкины! Были б подходящие настроение и ситуация, Сварог заплодировал бы.

– Что, думаешь, палить сразу начнут? – очень тихо спросил Босой Медведь. И голос его Сварогу не понравился. Как бы паника в отряде не началась...

– Думаю, палить начнут не сразу... – протянула Щепка. – Но от этого не легче. Достаточно уничтожить любой из механизмов, верхний или нижний, и мы застрянем здесь, между небом и землей, как мухи в паутине. И им останется лишь подогнать людей и стянуть нас вниз... Проклятье, лучше б мы потратили лишний день, забираясь в горы по козьим тропам...

Нет, показалось Сварогу: паникой в отряде и не пахло, Медведь просто впал в задумчивость.

– Вот режьте меня, но я не понимаю, как они вообще нас обнаружили, да еще так быстро... – с непонятым выражением проговорил он. – По любому, даже если *те* нагнали наши призрачные «отражения», атаманом созданные, даже если тут же сообщили на ближайший аэродром...

– Верно, – энергично кивнула Щепка, обменялась взглядом с Монахом, и ее скулы побелели. – Пока там разберутся что к чему, пока соберут авиаторов и подготовят аэропилы... А эти будто поджидали нас. Будто знали, что мы решим воспользоваться именно канаткой...

Та-ак... Паникой в отряде не пахло – пахло, оказывается, подозрениями и бунтом.

И Сварог неожиданно ощутил прилив слепой ярости.

– Так, бойцы, – едва сдерживаясь, процедил он сквозь зубы, – давайте-ка начистоту. Вы что, всерьез думаете, будто это я организовал погоню? Будто мне делать больше нечего, кроме как насылать толпу

каскадеров и целые эскадрильи за какими-то мелкими жуликами? Так, Щепочка?!

А жужжание все приближалось.

– Но кто-то же предупредил их... – вякнул было Медведь, но Щепка мотнула головой, отгоняя навязчивую мысль, и цепко взяла его за руку. Сказала твердо:

– Нет, Медведь. Это не он. Поверь мне, я знаю. Он не мог.

И, удивительное дело, Медведь заткнулся. Предводитель шайки послушался свою шестерку. Пробормотал лишь что-то неразборчивое и отвернулся.

А Сварог, сказавши: «Ладно, проехали», щелчком послал недокуренную сигарету за борт кабинки, механически проследив взглядом за тем, как ее тлеющий уголек искрами рассыпается в полете.

Высоконько они забрались, однако. Под ногами пропасть глубиной не меньше бездны – дна не видеть, все туманом затянуто... Лететь туда до-олго придется, в случае чего... «Короче. Собираются они нас расстреливать или же просто хотят остановить на полпути – не суть. Главное, не подпустить их на близкое расстояние. И не миндальничать. На войне, как на войне...» Сварог собрался. Прокручивая в уме последовательность действий, оглянулся на спутников. Лица сподвижников не выражали ни особой бравады, ни особого страха – просто все тягостно напряглись в ожидании. От подозрительности не осталось и следа. И то хорошо.

Итак.

Сначала выводим из строя ведуще...

И тут...

«Ну ни хрена себе...» – вот такой была первая мысль, молнией пронзившая сознание Сварога, едва он увидел, что сотворилось в небесах.

Все аэропилы почти одновременно – с незначительной и несущественной разницей в одну-две секунды – развалились на составляющие. Буквально на лету. Бесшумно и, главное, беспричинно. Полетели в стороны части фюзеляжа, отвалились крылья, отделились и отправились в свободный полет шасси, хвосты, пропеллеры. Среди заполнивших небо обломков выделялись подвижные черные точки, и было их немало, сыпались из развалившихся машин, как горошины из стручка. Это были...

Сварог аж головой помотал, не веря своим глазам. Хотя... Раз существует такая местная штука, как Купол Спасения – выстреливаемое катапультной кресло пилота под большим парашютом, – то логично предположить и наличие парашютов малых, индивидуальных. Правда, пока что эти человеки парашюты над собой не раскрывали. Они рассекали воздух в свободном полете, стаяй хищных птиц пикировали под углом, целеустремленно планировали в сторону канатной дороги...

Люди в кабинке, которая продолжала свое размеренное движение вверх, потрясенно молчали, замороженные зрелищем. А зрелище действительно потрясало. И стало потрясать еще больше, когда

черная человеческая стая сократила расстояние до фуникулера. То есть, когда стало возможным различить похожие на черные крылья, трепещущие перепонки между ногами и между разбросанными руками и туловищем.

– «Пауки»! – вскричал Босой Медведь, вцепившись в край кабинки. – Задери меня дьявол, это «пауки»!

– Кто такие? – быстро спросил Сварог.

– Боевой элитный отряд Каскада, – на удивление спокойно пояснила Щепка. – Все думали – миф, сказка, потому что слухи про них ходили такие, что... Но... Но это бесспорно они, потому что никто другой...

И тут на сцену выступил Монах. Со словами: «Элитные, братья, не значит бессмертные», – бывший служитель культа быстро скинул плащ, снял пояс и закатал верхнюю часть трико до пояса, оголив поросший рыжим волосом торс. Отнюдь не худое тулово украшали многочисленные татуировки, исполненные синей и красной тушью, некоторые из которых являли собой прямо-таки живописные полотна. Назначение накожных рисунков было очевидно – уstrasшить некрепких в вере врагов: все рисунки были религиозного содержания. Отвратное чудовище, одной лапой топчущее сосуд с вином, а другой – курительную трубку, попутно изрыгающее пламя на голую красотку с длинными распущенными власами; плачущие грешники, коих карает сверкающий меч, сжимаемый могучей рукой; какой-то семилапый великан с дубиной в каждом щупальце...

Вывалил Монах также и весь свой арсенал: складень, шокер-«мотылек», проволочную удавку, еще какие-то причиндалы, о назначении которых Сварог даже не хотел задумываться.

– Чую, планида наша – вынести схватку лютую и смерть принять на пути в небо, – сказал бывший поп, для проверки нажав на рычажок «мотылька», отчего раздался громкий треск, и между заостренными стержнями шокера пробежала извилистая синяя молния.

– А-атставить р-разговорчики про смерть!.. – рывкнул Сварог. – А бой примем... коль придется. И еще поглядим, кто кого!

Хотя, признаться, на душе у него кошки скребли. Крайне смутно, понимаете ли, представлял он себе, что должно произойти и как им удастся из всего происшедшего выпутаться. А пока действительно ничего не оставалось как, по примеру Монаха, готовиться к воздушному боестолкновению... Стоп, к воздушному ли? Зачем этим «паукам» воздушные схватки? Спланируют на парапланах к верхней площадке, там и встретят кабинку фуникулера...

Ошибся Сварог. Ошибся в главном. Оказывается, никаких парапланов людям-птицам просто не полагалось, никакие парашюты в снаряжение людей-птиц просто-напросто не входили.

Зато в их снаряжение входили прочные, эластичные нити с крючьями на конце.

Черт побери, это впечатляло. На сумасшедшей скорости черные фигуры проносились над канатной

дорогой, в определенной точке каждый из «пауков» вдруг совершал в воздухе замысловатый кульбит, выбрасывал руку с нитью, та летела, разматываясь в полете, обвивала металлический трос подъемника, крюк на конце нити цеплялся за него, – летун же падал вниз, пока его не останавливал прочный растягивающийся поводок. Тогда летуна подбрасывало, какое-то время он качался вверх-вниз, как праздничный раскидай на резинке, потом покачивание замедлялось, и человек-паук начинал ловко карабкаться вверх по веревке. Смотреть бы на это с видовой площадки или в местном синематографе...

Едва начался сей звездопад, тросы подъемника заходили ходуном, и фуникулер принялось немилосердно раскачивать.

Босой Медведь едва успел отскочить, когда один из крюков влетел внутрь, гроыхнул об пол, спустя какой-то миг подпрыгнул, стальной молнией пронесся через всю кабинку и впился острыми жалами в верхний край стенки, пробив ее насквозь. Лист металла сверху отошел от каркаса, выгнулся наружу, но из креплений не вылетел, лишь продолжал выгибаться под тяжестью человека, повисшего где-то внизу на своей «тарзанке».

Первым отреагировал Монах – он подскочил и перерезал лезвием складня нить возле самого «ушка» крюка. Сварог перегнулся через ограждение кабинки и увидел, как черный силуэт стремительно удаляется, а за ним анакондой вьется обрезанная «тарзанка». Но вот человек махнул рукой у пояса, в

его ладони блеснул металл, и веревка резко отклонилась в сторону. Сварог наблюдал это падение всего несколько секунд, но сумел почувствовать, что в нем нет обреченности. Падающий выравнивал полет с посредством своего чудного костюма, направлял себя к ближайшим скалам. Не иначе, эластичный трос был у него не единственным, и человек не терял надежду за что-нибудь зацепиться среди урочища камней и скальных обломков, амортизировать на каучуковом канате и выйти живым из передраги. Такой выдержке и храбрости следовало отдать должное. Да, все говорило за то, что и вправду они столкнулись с легендарной боевой элитой Каскада.

Глава 6

БЕСШУМНЫЙ БОЙ

«Пауков» было около двух дюжин. Против четверых.

Они обрушились на тросы подъемника со всех сторон. Некоторые уже добрались по своим «тарзанкам» непосредственно до тросов и теперь скользили по ним в направлении кабинки, ловко перебирая руками и ногами. Их лица были замотаны черно-зелеными платками, отчего все они походили друг на друга, как близнецы-братья. Кое-кто из человекопауков вцепился в трос встречного направления, ехал на нем и готовился, поравнявшись с кабинкой, перескочить на нее.

Высунувшись из кабинки, как Жеглов из автобуса, разве что не бросив Босому Медведю крылатую фразу: «Держи меня нежно», – Сварог поднял шаур и открыл бесшумный огонь.

Россыпи серебряных звезд брызнули всеором в поисках движущихся черных целей. Попадая в трос,

зубчатые кругляши высекали искру. Множество искр вспыхивало на фоне сумрачного неба, однако помимо световых эффектов пользы от стрельбы было мало. Сварогу удалось всерьез зацепить и отправить в свободное падение в бездну только одного из нападавших.

Каскадовцы, едва их начали обстреливать, мгновенно повернулись на тросах ногами вперед – их продвижение замедлилось, но так они обезопасили себя от попаданий в голову. А, как оказалось, уязвимой для звездочек частью у них была только голова. Что уж там они поддели под черную ткань, неизвестно, но кругляши застревали в телах, будто воткнувшись в дерево, никакого урона не нанося. А ведь – уж кому как не Сварогу это знать наверняка – зубчатые серебряные звездочки летают быстро и убойной силой обладают вполне даже внушительной. Ну а от подошв их сапог звездочки и вовсе, искря, отскакивали. Рикошетили и от перчаток.

Ничего себе! Это уже было из разряда каскадерства экстра-класса: этот хренов ниндзя скользил по металлическому тросу сверху вниз, стоя на тросе на полусогнутых ногах и балансируя руками. Лишь серебряный веер из шаура заставил его нырнуть под трос, обхватив его руками и ногами. Но стоило Сварогу перевести огонь на другого противника, как канатоходец вновь оказался сверху на тросе. И опять пришлось его сгонять.

Сварог бросил мимолетный взгляд в сторону верхней площадки – до нее еще кабинке скрипеть и

скрипеть. Потом он ободряюще оглядел спутников, но те и без того держались молодцом.

Ага, еще один каскадер сорвался с тросов и отправился на свидание с землей. Похоже, серебряная звездочка угодила ему в щель между доспехами... или что у них там под одежкой...

Сварог отпускал курок шаура, лишь чтобы выцелить новую мишень. Но каскадовцы неумолимо и неуклонно подбирались к кабинке.

А потом началась рукопашная.

Черное гибкое тело ногами вперед влетело в кабину, сбивая на пол Босого Медведя. На выручку своему атаману бросился Монах. Затрещали шоке-ры, пахло озоном. Зазвенело железо.

Сварог, сунув шаур за пояс, метнулся вперед, навстречу запрыгивающему в кабину человеку. Перехватил вражью руку с кинжалом, вывернул, заставив пальцы разжаться и выпустить оружие, локтем в челюсть отправил противника в нокдаун и перекинул обмякшее тело за ограждение кабинки. После чего нагнулся за кинжалом...

Два обстоятельства радовали среди всеобщей беспросветности: каскадовцы были вооружены теми же одноразовыми шокерами типа «мотылек» и короткими кривыми ножами с широкими лезвиями. Будь у них пресловутые телескопические электродубинки, у людей в кабине не осталось бы ни единого шанса. Но дубинки требовали ранцев с конденсаторами, а с такими по воздуху не больно-то летаешь. И еще что хорошо: у врага не получи-

лось навалиться разом, всем скопом. Тогда тоже пришлось бы несладко.

Краем глаза уловив движение сзади, Сварог обернулся. Вовремя. Едва успел отклониться и уйти от направленного в шею «мотылька». Впрочем, и от его, ответного, взмаха кинжалом противник в свою очередь ушел столь же легко.

И тут синяя разрядная, слепящая дуга пробежала через всю кабинку, вонзилась в живот противнику Сварога – и каскадовец задержался, словно на электрическом стуле.

Сварог оглянулся.

Синяя дуга исходила от Щепки.

Девчонка держала руки чуть разведенными, между ладонями крутился синего цвета клубок с ярким шаровидным центром, вокруг которого на бешеной скорости, оставляя за собой голубоватый светящийся инверсионный след, носились по запутанным орбитам шарики поменьше. Ни дать ни взять – модель атома в представлении господина Бора, но именно из него, из этого клубка Щепка лупила молниями по противнику.

Сварог отвлекся на эдакое чудо, чего уж грех таить, всего на секунду замешкался, но этого оказалось достаточно. Мощный удар в спину свалил его на пол. Перевернулся он на спину так быстро, как только смог, но... Но, наверное, не сумел бы все же избежать кинжала, разве что в самый последний момент ему удалось бы подставить руку и локтевой костью отклонить клинок, чтобы острие попало в

пол, а не в живот. Пришлось бы пожертвовать рукой. Однако Сварога выручил Босой Медведь.

Бывший главный специалист по опустошению портовых складов бросился каскадовцу наперерез и подставил свой складень под кинжал.

Неудивительно, что Медведь проиграл этот молниеносный бой на ножах. Все-таки ему противостоял *профессионал*, не один год упорно тренировавшийся в рукопашных схватках. Однако Медведь выиграл для Сварога время, за которое тот успел подняться на ноги и выхватить шаур...

Миндальничать, цацкаться и церемониться Сварог не стал. Засадил из шаура очередью, в упор, в голову. После чего склонился над зажимающим живот Медведем.

– Хана... кончаюсь, – просипел тот.

– Заткнись, – ласково попросил Сварог. И крикнул: – Эй, Монах! Лови!

Монах поймал брошенный ему шаур.

– Прикрой меня!

Более ничего никому не объясняя, Сварог скинул руку Босого Медведя с живота и накрыл рану ладонями. Сосредоточился. Проговорил необходимое заклинание, вспоминая навыки военно-полевой магии, что в свое время вложили в него лары.

Медведь тяжело дышал и вздрагивал. Сварог ощущал ладонями теплую кровь, которой все больше и больше пропитывалась одежда раненого, в которой уже почти тонули ладони Сварога.

Поможет ли магия ларов, удастся ли хотя бы остановить кровь? В любом случае, Сварог сделает все что сможет...

Из состояния предельной сосредоточенности его вывел громкий, закладывающий уши крик:

– Щепка!!!

Тряхнув головой, Сварог вернул себя в обычное состояние, а его уже тряс за плечо Монах:

– Там, там! – он тыкал пальцем в стену кабинки. – Не уследил! Моя вина! Не успел! Он ее «мотыльком», лист отогнуло, вывалились оба!..

Сварог вскочил на ноги, свесился за край кабинки и увидел две летящие к земле, сцепившиеся воедино фигуры. Каскадoveц и Щепка.

Раздумывать было нечего.

– Монах! Встречаемся на Сиреновой гряде! Костер разведи, что ли, чтоб я увидел! – крикнул Сварог, выхватил у Монаха шаур. – Продержись, до площадки уже недалеко!

И Сварог перемахнул через ограждение кабинки.

Глава 7

НИЖНИЙ МИР ПРИДУМАН НЕ НАМИ...

Ветер лупил по лицу наотмашь, заставляя смаргивать слезы и щуриться. А как ветру еще прикажете бить, когда ты камнем падаешь вниз?

Сварог видел цель впереди себя (или следует говорить – «ниже себя»?) двух сцепившихся людей. Вернее, одного человека, вцепившегося в другого. В общем, как ни назови, суть одна: Сварогу необходимо их догнать, догнать этих двоих.

Пока он находился на такой высоте, что, если б не ветер, скорость не ощущалась бы вовсе: далекие горные склоны были неподвижны, неподвижным было и дно ущелья с изломанной полосой расщелины, лишь немного поворачивалось, когда набегающий поток разворачивал тело Сварога. Ну да это ничего, это пройдет, когда он опустится ниже, тогда дно понесется навстречу с гипнотической скоростью, станет увеличиваться, станут видны детали –

валуны, деревья, трещины в скалах, сама расщелина... станет отчетливо видно место, в которое его тело должно будет влиться с ускорением девять и восемь десятых...

Дудки. Это мы еще посмотрим. Мы ж все-таки лары...

Ага, вот что сделал летающий каскадoveц – чем-то то ли привязал, то ли пристегнул к себе Щепку, чтобы освободить руки. И теперь разбросал в стороны конечности, натянув между ними ткань и сделавшись похожим на недовымершего птеродактиля. Или на гигантскую летучую мышь. Бэтмен, бляха-муха.

Чтобы еще больше замедлить падение, летун выгнул спину буквой «С», хребтом кверху. Получился своего рода мешок или даже, можно сказать, небольшой парашют, которым этот хренов дельтапланерист ловил встречный воздушный поток. А дальше каскадoveц начал показывать высший пилотаж свободного падения. Мало того, что он удерживался в принятом положении, хотя набегающий поток ударял в него с невероятной силой, норовя перевернуть и закрутить, он еще умудрялся *скользить* по воздуху, выходя на одному ему ведомую цель. Да-да, в этот момент он здорово напоминал серфингиста, летящего на доске по океанским волнам. И это с дополнительным-то грузом! Отчаянные каскадoveцкие ребята, бесспорно, нравились Сварогу все больше и больше.

Конечно, только человек, ни разу не испытывавший на себе свободное падение с огромной высо-

ты, полагает, что воздух – нечто однородное и при этом пустое. Фига. На самом деле воздух – это та же дорога, где-то ровная, где-то ухабистая, где-то и вовсе раздолбанная вдрызг. И можно умело *ехать* по воздуху, ежели, конечно, тонко чувствуешь кожей воздушные слои, течения и ямы и понимаешь, что тебе надлежит со всем этим делать. Свободное падение, как и все на свете, не столь уж и свободно, им тоже можно управлять. Только сколько ж для этого надо тренироваться... уму непостижимо!

Впрочем, замедляя свое падение, уменьшая скорость, каскадовец помогал Сварогу догнать себя. Дистанция между ними стремительно сокращалась. Однако почему он не отпускает Щепку, на кой ляд она ему сдалась? И без девчонки совершенно непонятно, на что он рассчитывает, а уж с нею-то – как пить дать расшибется вдребезги. Неужели боец столь фанатично верен приказу – во что бы то ни стало захватить живьем всех до единого? Кстати, вполне допустимо, что эти супермены зомбированы соответствующими методиками, вот откуда отчаянная храбрость, граничащая с безрассудством...

Сварог уловил краем глаза движение за левым плечом, повернул голову: его догоняли три черных тени. Трое каскадовцев, сейчас еще больше похожих на черных хищных птиц, летели, вытянувшись в струны, прижав руки к бокам. «Вот сволочи! – в который уж раз с восхищением подумал Сварог. – По доброй воле сигают в пропасть, будто это им бас-

сейн какой-то. Я-то ладно, лару разбиться не дано, но они-то, как я понимаю, простые смертные...»

Ну, в общем, отдал Сварог должное врагу, теперь следовало думать, как его, врага, уничтожить. Потому что в противном случае враг уничтожит тебя самого. И очень скоро. Они висят на хвосте конкретно и старательно, вот-вот догонят. Догонят, если Сварог хоть чуть-чуть пошевелится или просто изменит положение любой части тела, ладони, например, не говоря уж про то, что начнет крутиться: он враз потеряет скорость.

«Значит, вы у нас летаете, аки птицы-соколы, и в воздушных, стал быть, непобедимы? – подумал Сварог, сознательно заводя себя. – Ну так ща вы у меня узнаете, как летает советский десант!»

Маневр Сварог задумал самый сложный, который выполнял один-единственный раз в жизни, очень и очень давно, в давно позабытой жизни.

Но, как ни странно, получилось.

Бывший майор ВДВ скрестил руки на груди, наклонился, подставив под тугую воздушную струю затылок. А затем руки, голову и ноги резко откинул назад, вытянув носки и чуть прогнув спину – так входят в воду прыгуны с вышки.

Удалось. Он изменил траекторию полета! И сейчас Сварог неслся вниз, к земле под углом в сорок пять градусов.

Преследователи не ждали от противника ничего подобного, не приготовились к его маневру. А сотые доли секунды на такой сумасшедшей скорости

означают десятки уардов и полную смену диспозиции. Не успели миновать эти сотые доли, как каскадовцы поравнялись со Сварогом.

И тогда Сварог повторил маневр. Получилось вот что: если преследователи летели строго по вертикали, то Сварог двигался ломаной линией, и сошлись они в одной точке. Только Сварог к этой точке приближался, предварительно выхватив из-за пояса шаур. И обрушил на неприятеля дождь из смертоносного серебра. Одного «бэтмена» завертело и враз отнесло далеко в сторону, другой получил зубчатый кругляш в голову, и его полет превратился в безжизненное падение. Третий вовремя раскинул руки-ноги и его подхватила подъемная сила, уводя из-под обстрела. Этот третий опять оказался за спиной Сварога и, наверное, собирался продолжить преследование, только вряд ли уж успеет... Впрочем, Сварогу так и так некогда было отвлекаться на воздушную погоню. Ибо, во-первых, он сам нагнал каскадовца, в чьих руках трепыхалась Щепка, а во-вторых, они уже достигли расселины. У Сварога еще в самом начале этого безумного полета возникло ощущение, что «бэтмен» номер раз знает, куда летит. Выруливает, так сказать, к определенному месту. Может быть, он знал здешние места, или по карте изучил рельеф местности, или же обладал поистине орлиным зрением, но нет никаких сомнений: он держал путь именно к этой расселине...

Горная долина, над которой они путешествовали в кабинке фуникулера, представляла собой огром-

ную, казавшуюся бездонной чашу. И чаша имела дно. А дно разрезала трещина, разлом в горе, у которого тоже были своя глубина и свое дно.

Они провалились в эту узкую щель одновременно, рядом друг с другом. Справа-слева замелькали серые скалы, земля неслась в лицо стремительной, извилистой полосой тумана сизого цвета.

Сварогу оставалось вытянуть руку и вцепиться в черную ткань... Но не хватило даже не сотой, а тысячной доли секунды.

Правую руку каскадовца вдруг окрасила оранжевая вспышка, в сторону стены метнулась стальная молния, промелькнув перед лицом Сварога. Отдачей этого выстрела его отбросило от графа Гэйра, бывшего майора ВДВ, – последний, чья скорость была больше, ухнул вниз и пролетел мимо «черного бэтмена», так и не схватив его.

Сварог тут же перевернулся на спину и увидел, как «бэтмен» отвел от пояса левую руку. Еще раз полыхнул оранжевый огонь, промелькнула еще одна стальная молния – в сторону противоположной стены... Блин, его же шваркнет о скалу так, что в мокрое место обратится не только он сам, но и девчонка...

Но Сварог уже ничего не мог поделать. Мог только закончить этот безумный, невероятный полет.

И полет закончился секунды через три. Едва Сварог вонзился в туман, что клубился по дну ущелья, невидимые заботливые руки придержали его, он закачался в них, как выпрыгнувший из окна кас-

кадер в великанской надувной подушке, и эти руки мягко опустили его на землю.

Несколько раз шумно выдохнув, успокаивая расшалившееся сердечко, Сварог пощупал, на месте ли мешочек с Оком Бога – на месте – и огляделся. Прислушался.

Ага, ничего еще не потеряно. Хотя бы потому, что помирать каскадовец явно не собирался. Сварог его не видел – мешал туман, – но слышал. Поди тут не услышь... Тишина в ущелье стояла прямо-таки сверхъестественная. Словно обложили со всех сторон ватой. Поэтому любой звук был слышен отчетливо. Тем более *такой*...

Звук походил на размеренное поскрипывание матрасных пружин: «хыть-ху, хыть-ху». Только амплитуда – а она легко определялась по паузе между двумя явственно полярными звуками – была огромной, словно матрас глубоко продавливался под телесами некоего местного Гаргантюа. Сварог, задрав голову, старательно шарил взглядом над собой, но кроме тумана пока не видел ничего. Амплитуда уменьшалась, и чуть погода поскрипывание стихло вовсе. Потом последовало несколько щелчков – будто застегивали альпинистские карабины. Минуло еще несколько секунд, и раздалось долгое однообразное «в-ж-ж-ж», – Сварог почему-то представил себе раскручивающийся барабан лебедки.

Ущелье, и без того узкое в том месте, где очутился Сварог, было уже самого себя – всего каких-

нибудь пять уардов в ширину. Ага, вот наконец и «бэтмен» показался. Вышел «бэтмен» из тумана, вынул ножик из кармана... Из тумана он опускался на тросе. Как театральный бог – тот самый, который из машины.

Коснувшись ногами каменистого дна ущелья, каскадонец-человекопаук дотронулся до чего-то там на боку, последовал щелчок, и трос унесся наверх. Потом расстегнул ремень, которым была пристегнута к нему Щепка, и аккуратно положил девушку на землю. После чего принялся неторопливо разматывать закрывавший лицо платок. Тряпка черно-зеленого цвета полетела за спину, открыв короткие белые волосы и сумрачное скуластое лицо.

Каскадонец не видел Сварога, стоящего в нескольких шагах, и никак не мог увидеть, потому что граф Гейр применил то, что в колдовском лексиконе именуется «отводить глаза». Однако «бэтмен», покрутив головой, вдруг безошибочно остановил взгляд на Свароге. И ухмыльнулся.

Он никак не мог увидеть прикрытого заклинанием лара – но, похоже, услышал. Поскольку Сварог форменным образом обратился в соляную статую, оставалось лишь одно предположение: каскадонец расслышал дыхание.

Ладони местного спецназовца нырнули к поясу, и два коротких метательных ножа, бешено крутясь, туманно-серебристыми кругами просвистели слева и справа от Сварога, который стоял, не шелохнувшись, и зазвенели по дну ущелья.

Неудача, похоже, нисколько не расстроила каскадовца и уж тем паче не повергла в мистический ужас. Он вроде бы оказался доволен результатом эксперимента, если судить по вновь заигравшей на губах улыбке.

– Нас специально тренируют на борьбу с магами, – вдруг заговорил он. Голос у него был дискантный. – Мы готовы ко всем вашим штучкам. Так что ты не надейся, приятель, что уйдешь от меня. Нам известны все ваши приемчики, и против всех разработаны контрмеры. Человек, видишь ли, сильнее мага, потому что маг полагается не на самого себя, а лишь на силу чужих заклинаний, тогда как на самом деле возможности человеческого организма несравненно более велики и могучи, нежели какие-то заклинания, пассы, чары и прочие морочки. Надо только развить эти возможности. Вот как нас учили...

Продолжая проповедь, боец Каскада расстегнул черную куртку, достал из-за пазухи коробку, похожую на сигарную, выдвинул из нее раму, провернул коробку вокруг своей оси, откинул крышку.

А это что еще за напасть?..

Озарение, как ему и полагалось, полыхнуло словно бы ниоткуда. Только что его не было – и вот оно, в голове, и удивляешься, как раньше до этого не додумался. То-то он зубы заговаривает! Ему просто требовалось время, чтобы привести в готовность сетеметатель.

«Бэтмен» это время и выигрывал.

Забарахтаться под сетью, что твоя рыба, Сварогу никак не глянулось. Он поднял шаур, вдавил курок...

До того подобное граф Гейр видел лишь однажды – когда по настоянию Гаудина испытывал Мару. Лишь она уходила от звездочек шаура легко и непринужденно, будто те не летали со скоростью пуль, а ползали по воздуху, как жирные мухи по стеклу.

Каскадовец улизнул из-под смертоносного серебряного веера, демонстрируя невероятные реакцию, скорость, прыжки и перекаты. Нет, все же он поймал пару-тройку зубчатых кругляшей. Но именно *поймал* – принял на руку, защищая лицо, и звездочки застряли в поддевой под куртку защите, остались торчать нелепыми серебряными украшениями на темной ткани.

После чего ниндзя этот метнулся к отвесной скальной стене, взбежал играючи по ней на высоту в два своих роста, сильно оттолкнулся ногами, перевернулся в воздухе, ступней отбил серебряную звездочку – брызнули искры, громко звякнуло, – мягко приземлился, перекатился, снова взмыл в воздух, взмахнул рукой – и в сторону Сварога полетела та самая хреновина, похожая на коробку из-под сигар, а в его руке осталась та самая рамка, что он давеча выдвигал...

Впрочем, и Сварог не стоял, разинув рот, дожидаясь, когда та коробка стукнет его по лбу. Он метнулся к привалившемуся к скале валуну – запрыгнуть на него, взмыть с него как можно выше и пере-

прыгнуть через падающую сеть. Но сеть оказалась значительно более широкой, нежели он предполагал. Сварогу не удалось выскочить из-под ее купола и, хоть и краем, но сеть его накрыла.

МЕЧТА ОТШЕЛЬНИКА

Быстрый ниндзя незамедлительно оказался рядом. И застыл над поверженным, барахтающимся в сети Сварогом, с оттенком брезгливости наклонив голову. Тогда Сварог снял заклинание отвода глаз, – все равно не помогает ничуть – и открыл мерзавцу свое истинное обличье. Подумал мельком, с холодной тоской: «Вот так и попадают из князи в грязи... Секунду назад искренне был уверен, что являешься верхом неуязвимости – а теперь вот лежишь, как муха, спеленутая пауком...». В общем, почти по классику: «В свою же сеть кулик попался»...

– Вряд ли это лично ты виноват в смерти Ок-Сатло, – задумчиво сказал каскадовец. – Слишком невероятным было бы совпадение... Но такой, как ты, убил мою сестру. Я давно мечтал лично, вот этими руками прикончить колдуна. Сколько раз вы попадали мне в руки! Но рядом постоянно кто-то оказывался. И вот с одним из магов я остался наедине.

Каскадовец неторопливо потянул из ножен на поясе кинжал.

— Я знаю, что мне грозит. Коу-Икин по прозвищу «Пушечное ядро» тоже однажды не донес пленника, чем нарушил циркуляр... Ну и что? Его на год отстранили от работы, а потом все равно вернули. Потому что нас слишком мало, нами нельзя разбрасываться. Поэтому я убью тебя, колдун.

Чертыхнувшись про себя, Сварог признал, что выбора ему не оставили. Как говаривала одна незабвенная животиная по имени Белый Клык: «Ешь, или съедят тебя самого»...

Однако все ж таки жаль было убивать архаровца. И не потому, что они не были врагами. Просто досадное недоразумение столкнуло их лбами на одной дороге, так что не разойтись. К тому же, кому, как не офицеру-десатнику знать, насколько тяжело выпесковать столь совершенную боевую машину, что возвышалась перед ним в облике спецназовца из Каскада, машину, которой позавидовала бы любая армия, кому, как не майору ВДВ, знать и то, насколько редки подобные люди. Тут дело не в тренированности, так натренировать нельзя, тут все должно сойтись: незаурядные природные данные, какие выпадают одному из десяти тысяч, и умелое их развитие уже с раннего детства. А для этого требуется, чтобы человека выделили из общей массы уже в раннем детстве... да и много еще чего должно сойтись. Поэтому таких парней можно продавать на вес золота, любой спецназ любого мира возьмет, не торгуясь...

Но убить его придется.

Хотя...

Когда-то давным-давно, в самом начале новой жизни под именем граф Гейр, Сварог, помнится, развлекался... А каменного крошева подходящего размера вокруг полно.

– Не, ты чего... – выдохнул Сварог, для приличия барахтаясь в сетке и испуганно глядя каскадовцу в глаза. Сеть была прочной. – Постой, погоди, давай договоримся... Я... я – добрый маг...

Вон тот булыжник, размером с кулак взрослого человека, пожалуй, подойдет. Лишь бы не стукнулся ни обо что по дороге...

Брат неведомой Ок-Сатло покивал, переворачивая кинжал лезвием к себе и склоняясь над Сварогом:

– Но ты – маг. И бесполезно пробовать на мне заклинания голосом, взглядом, пассом или...

Черт, булыжник, поднимаясь в воздух, все-таки легонько царапнул о каменный выступ! А человек с ножом, надо отдать ему должное, не стал тратить время и рефлекторно оборачиваться: рефлекс у него были другие. Едва за спиной раздалось чуть слышное «тюк», тренированное тело каскадовца швырнуло себя в сторону, под защиту того самого валуна, от которого собирался оттолкнуться Сварог. И каскадовец успел бы – успел бы укрыться, перегруппироваться и контратаковать... если б камушек по-прежнему летел по прямой. Но мгновенным усилием воли Сварог изменил траекторию его полета,

и камень, описав в воздухе крутой вираж, с глухим стуком ткнулся во вражий затылок. Каскадовец беззвучно ткнулся мордой в землю, всколыхнув туман.

Сварогу пришлось еще малость повозиться, пока он взглядом выворачивал кинжал из сведенных пальцев безымянного противника. Наконец освобожденное холодное оружие послушно скользнуло к нему, и теперь выпутаться из кокона было делом плевым.

Отбросив ошметки сети, Сварог подошел к поверженному «пауку», ногой перевернул тело лицом вверх. В приоткрытых глазах каскадовца застыли решимость и спокойствие. Н-да, перестарались вы, ваше величество, долбанули камушком зело сильно... Или это опять сработало здешнее правило «нелепой смерти»?..

Как бы то ни было, он снял с трупа ножны, сунул в них кинжал, повесил на пояс. Обыскал труп, но ничего не нашел. Ни другого оружия, ни каких-нибудь ниндзявских штучек, ни документов. Увы. Тогда он нашарил в тумане метательные ножи – пригодятся – и огляделся.

Сизый туман распределялся по ущелью неравномерно: где-то гуще, где-то жиже, где-то и вовсе было свободно от тумана. Как пена на воде. Сварог опустился на колени рядом со Щепкой. Она все еще была без сознания. Неизвестно, только ли разряд шокера стал причиной столь долгого и глубокого забытья, или пленивший ее каскадовец применил какой-нибудь каскадовский трюк. «Сейчас, – подумал Сварог. – Минутку. Выкурю сигарету и займусь

Щепкой. Но сперва надо передохнуть. После эдаких полетов, не во сне происходивших, а наяву, надо, по-хорошему, восстанавливаться с недельку в бальнеологическом санатории, вот что я вам скажу, господа мои разлюбезные...»

Сварог сотворил сигаретку и выкурил ее в несколько энергичных затяжек. Не хватило. Пришлось сотворить еще одну. Вторую он принялся смаковать с нескрываемым удовольствием, прислонившись спиной к угловатому камню, но не чувствуя от этого никакого неудобства.

Опять навалилась эта невероятная тишина, живущая здесь, судя по всему, испокон веков. Тихий покойный мир, из которого не хочется уходить. Нижний мир, так его и растак...

— Мечта отшельника, — пробормотал Сварог под нос.

Наверное, нет большей противоположности мирской суете, чем такие вот места.

А Сварог вдруг подумал о том, что в воздушном бою уцелело еще два летуна, и хоть один из них вполне мог уцелеть при посадке. Будем исходить из худшего и допустим, что так оно и есть. И раз граждан «бэтменов» не было слышно ни до того, ни сейчас, возможно, они приземлились где-то вдалеке. Однако, отцепив свои замечательные шнурки и тросики, они примутся прочесывать расселину со всей скрупулезностью — в этом сомневаться не приходится, эти хлопчики, судя по всему, не умеют останавливаться на полпути и предаваться всяким меланхолиям.

ям и мерихлюндиям. Честно говоря, устраивать еще одни гладиаторские бои с такими подкованными ребятишками не тянуло ну совершенно и напрочь...

Застонала Щепка. Открыла глаза. Приподнялась на локтях.

– Кофе хочешь? – хмуро предложил Сварог.

– Кофе? – переспросила Щепка. – Кофе...

Она села, старательно огляделась. Помотала головой, потом прижала пальцы к вискам. Громко выдохнула:

– Кофе!

И расхохоталась. Вернее, зашлась истерическим смехом – аккуратно в тот момент, когда Сварог услышал...

– Тихо! – Он зажал ей рот, повалил на землю и зашептал в ухо: – Ни звука! Ну, пришла в себя?

Щепка, помедлив, кивнула. Сварог внимательно посмотрел ей в глаза – вроде бы взгляд совершенно нормальный – и убрал руку. На всякий случай еще раз приложил палец к губам. Однако Щепка девочка была сообразительная, несомненно она уже поняла, что к чему и что следует делать, а чего делать не следует ни в коем случае.

Оба замерли, превратившись в слух. Ага, вот опять повторился тот же звук, что насторожил Сварога: шарканье. Да, более всего это походило именно на стариковское шарканье. Хрустнул камешек, попав под чью-то подошву.

И был еще один звук, сопровождающий шарканье. Сварогу на ум неведомым образом пришло

странное сравнение: «сороконожье шебуршание». Да, несмотря на всю свою странность, сравнение как нельзя лучше подходило к случаю – звук вызывал на ум именно такую картину: множество мелких ножек, шустро перебирающих по камням.

Древние инстинкты призывали бежать прочь, любопытство призывало остаться и взглянуть, здравый смысл подсказывал, что позывы можно объединить, спрятавшись за... ну скажем, за этот выступ или забиться в эту подходящую нишу, сигнализатор опасности тренькал не то чтобы очень громко, но и не молчал. Дескать, а хрен его знает, товарищ командир, может, есть угроза, а может статья, что и нет...

Сварог подхватил Щепку и отнес за выступ. Правда, когда неизвестный... или неизвестные продвинутся дальше выступа, то непременно спрятавшихся углядят. Что ж, к тому времени следует принять какое-нибудь решение. Только и всего. Делов-то...

Звук приближался. Неизвестные, отгороженные от Сварога и Щепки туманом, явно не торопились прибыть к месту, откуда ранее доносились человеческие голоса, топот ног, тихое звяканье металла и некоторые другие интригующие звуки. Уверены, что все равно успеют?

Так. Вот шарканье и шебуршание затихло. Словно производители звуков остановились на короткое совещание. «Кто шебуршится – не знаю, – вспомнился некстати бородатейший анекдот, – но колбасу лю-убит!...»

Рядом Сварог слышал частое дыхание Щепки. Теплый воздух ее выдохов касался его шеи. Нетрудно догадаться, что девчонку прямо-таки распирает, ведь наверняка во время затыжного падения она пребывала в беспамятстве и не понимает, где находится, куда подевались те да эти, куда подевались, наконец, канатная дорога и высокогорный простор, но, молодец, дисциплинированно молчит...

А, ну вот и снова началось. Шарканье, похожее на стариковское, и шебуршание, похожее на царапанье по камню множества мелких ножек... Наконец они увидели...

Уф, твою мать! Девичья рука не по-девичьи сильно сжала Сварогу плечо.

Сварог и не заметил, как его ладонь легла на рукоять безотказного шаура. Да, похоже, серебро в ближайшее время им с Щепкой очень пригодится.

Из сизых клочьев тумана выплыли приземистые серые тени и скользнули, издавая то самое сороконожье шебуршание, к неподвижному телу каскадовца. И тут же облепили тело так, что черную ткань стало не видно под цевелящимся, копошащимся мохнатым серым покровом. Донеслось отвратительное хлюпанье, дополнявшееся чавканьем и окончившееся рыганьем.

Когда зверюшки, насытившись, отвалились от тела, Сварог наконец как следует разглядел этих тварей: размером с кошку, с крысиными мордами, на коротких ножках, число которых не поддавалось пересчету из-за закрывающего их меха, но число это

значительно превосходило традиционное четыре, с раздувшимися после сытного обеда боками и отвисшим брюхом. Сварог увидел, что тело каскадовца, подвергшееся нападению и осквернению, малость осело, вроде бы стало покороче, словно сдулось... И поспешно отвел взгляд.

Мысленно пробежался по их боевому арсеналу: шаур, кинжал каскадовский, два метательных ножа. Плюс возможности лара, плюс какие-то фокусы Щепки – вроде той хреновины, похожей на планетарную модель атома, которой она лупила врага на канатной дороге, странно, ведь хреновина явно колдовского происхождения, а он, Сварог, не унюхал в девчонке никаких магических способностей... не о том, блин, думаешь! Что еще? Больше ничего. Биться придется практически голыми руками...

Однако серые тварюги не спешили отыскивать новую жертву. Насытившись, зверьки сбились в кучу и повернули морды в ту сторону, откуда недавно выскользнули. Похоже, ждали хозяина.

И хозяин не заставил себя ждать.

Сперва послышались медлительные шаркающие шаги да глухое деревянное постукивание, потом раздался сдавленный кашель, приглушенный туманом. В той стороне, откуда пришли звери, нарисовался расплывчатый силуэт, по мере приближения силуэт обретал плотность, объем, четкие границы... а потом р-раз – и из тумана вышел дед. Обыкновенный такой дедуся вышел, тяжело уда-

ряя оземь сучковатой клюкой при каждом шаге, в сером армяке, дырявых шароварах и поношенных сапогах...

Более всего он был похож на какого-нибудь древнего старовера из глухой деревни. Или вот, скажем, граф Лев Николаевич, доживи он годочков эдак до ста двадцати, наверное, выглядел бы так же: согбенный, с высохшей морщинистой кожей, обтягивающей скулы и покрытой старческими веснушками, но – при густой, до пояса, совершенно седой бороде, с кустистыми бровями, нависающими над слезящимися глазками, с повязанной ремешком гривой белых как лунь волос, лохматыми космами обрамляющих обширную плешь. Плешь была похожа на тонзуру.

Сварог посмотрел на Щепку: кто это? Та недоуменно пожала плечами.

Старец же неторопливо приблизился, крайне неодобрительно оглядел Сварога и Щепку. Непонятно было, как он вообще что-либо видит – клокастые брови длиной с фалангу пальца, должно быть, совершенно закрывали ему обзор. Он пошамкал беззубым ртом и вдруг сказал зычным баритоном, совершенно не вяжущимся с его обликом:

– Расшумелись тут, с-сучьи дети... Чего надо? Чего приперлись?

Что интересно: вокруг самого старичка туман словно натыкался на невидимую преграду – клубился, шел водоворотиками, выпускал вялые сизые языки, но приблизиться к деду вплотную не мог, сохранял дистанцию примерно в метр. Так что дедуля

шаркал по голой скале, а туман образовывал вокруг его ног почти правильную окружность чистого воздуха, которая и перемещалась вместе с ним. Зверюшки крутились позади, как болонки. Разве что хвостиками не виляли.

– А вы, дедушка... – оторопело начала Щепка, но дедушка вдруг шарахнул о землю сбитым концом посоха и рывкнул на Сварога, чуть ли брызжа слюной:

– Ты меня еще посканируй, посканируй, жопа! Живьем ведь в скалу закопаю!

И Сварог, который и в самом деле по привычке попытался *прощупать* старого хрыча на предмет магии, вдруг получил такой силы ментальный удар, что едва устоял на ногах, – но так ничего магическим зрением и не разглядел. Не успел.

– То-то, – проворчал ветеран более миролюбиво. – А то ишь моду взяли... Эй, орел, курить есть?

– Курить?.. – Сварог помотал головой. В голове после удара прямо-таки бесновались колокола. – Ах, курить...

Точно в полусне он достал из воздуха незажженную сигарету, протянул дедуле. Дедуля узловатыми пальцами сигарету взял, оглядел со всех сторон, брезгливо понюхал, сунул между пергаментных губ... и сигарета зажглась. Сама собой.

Сварог озадаченно склонил голову набок. А древлянин затянулся, выпустил из ноздрей две струи дыма, прислушался к ощущениям в организме. И, кряхтя, сел.

Сел на чурбанчик, стоящий прямым за его спиной. Сварог мог поклясться, что мгновенье назад никакого чурбанчика там не было.

«Ах, в этом смысле...» – только и подумал он.

И неожиданно почувствовал, что – *отпускает*. Бегство по горам, бой на подъемнике, сумасшедший полет ко дну ущелья – все уходило куда-то, становилось мелким и блеклым, как детские воспоминания. Он посмотрел на Щепку – девчонка разглядывала старика исподлобья, и выражения ее лица было не видно.

– Можете звать меня дедом Пу. Так меня все кличут, кто еще помнит, – разрешил старец. Посох он поставил между ног и обнял обеими руками. Сигаретный дым путался в его бородине. – Ну и? Чего притащились, спрашиваю?

– Да нам бы наоборот, собственно, – выбраться отсюда... – осторожно сказал Сварог.

– Ага, выбраться, – пробурчал дед. – Сперва залезут, потом ноют: «Вы-выбраться»... А чё тебе, парень, дома не сиделось-то?! Чё ты все шатаешься туда-сюда-обратно?.. Я в твоём возра... Тьфу ты, пакость какая! И как ты это дерьмо кошачье в рот только суешь...

Он выплюнул недокуренную сигарету в туман и надрывно закашлялся. Потом вытер рот тыльной стороной ладони, руку вытер об армяк и признался горестно:

– Курить вот никак не брошу... Ну спрашивай, спрашивай, вижу ведь, что нейдет.

– Э... А вы кто? – спросил Сварог напрямик.

Дедушка посмотрел на него с удивлением и ласково произнес:

– Ты что, дурак? Сказал же: я – дедушка Пу.

– Понятно, – покладисто согласился Сварог. – А как насчет выбраться?

– Откуда?

– Отсюда.

– Откуда отсюда?

«Издевается, маразматик старый...», – раздраженно подумал Сварог, почему-то чувствуя себя как напроказничавший школьник в кабинете директора. И это чувство ему очень не нравилось.

– А ты спроси правильно, – обиделся старик, – тогда и отвечу. «Маразматик»... С мое поживи сначала, сопля!

– Дедушка Пу, – вдруг совершенно серьезно сказала Щепка, – вы не сердитесь. Это я виновата, что мы к вам без спросу...

– Ясный хрен, без спросу. Ясный хрен, виновата, – старый маразматик степенно огладил бороду. Настроение у него менялось, как ветер в штормовую погоду. – Мужика тебе, девонька, надо нормального, вот что. А то все в игрушки играешь, все никак не угомонишься, скачешь все...

– Вы о чем это? – насторожилась Щепка.

– Ой, дурочкой-то не прикидывайся, – отмахнулся дедушка Пу. – Сама знаешь, о чем. И парня этого неприкаянного зачем-то впутали... А ты что творишь? – накинулся он тут и на Сварога. – Камушки

кидать в голову живому человеку, пукалкой размахивать – это мы умеем, чего ж не помахать-то, коли пукалка есть! Бирюльку волшебную на шею повесил и думаешь, самый сильный? А человека угробил! – он ткнул концом клюки в сторону останков каскадовца.

Сварог едва не ляпнул: «Он первый начал», – но смекнул вовремя, *как* это прозвучит, и прикусил язык. Попросил о другом:

– Отец, как все же нам выбраться, а? И... как *мне* выбраться?..

– Ты с этой бирюлькой поосторожнее, – будто не слыша продолжал Пу. – Дел можешь натворить, а кто разгребать будет? Эх, молодежь... Ладно, остепенитесь еще, сам таким был. – Он сочувственно посмотрел на Сварога: – Как тебе выбраться, говоришь... Ну, уйти *отсюда* ты сможешь, не проблема... но куда ты от себя уйдешь-то, парень, а? Молчишь? Значит, умнеешь.

– Я поняла, – вдруг дерзко вскинула голову Щепка. – И я не согласна с вами. Нельзя же просто так взять и отказаться... от того, что тебе дает судьба! Потом никогда себе не простишь, если откажешься!

– Суета... – старик смотрел на нее печально и жалостливо.

Потом неторопливо поднялся, опираясь на посох, и посмотрел на заходящее солнце.

– Ладно, играйтесь, пока молодые... Вам во-он туда, видите дым от костра? Приятели ваши ждут не дождутся. Поторóпитесь, так до ночи успеете.

И он посмотрел на закатное солнце.

Стоп. Закатное солнце? Откуда?!

Сварог резко оглянулся... и беззвучно выматерился.

Да черт подери всю эту магию! Оказывается, они уже стоят на гребне ущелья! По колено в сизом тумане – да, но не на дне расщелины, а на ее краю! Выбрались! Как, когда – этого Сварог совершенно не заметил. Только что слушали старца в полутьме подземелья – и вот уже закатное солнце...

Он обернулся к дедушке... И никого не увидел. Никого не было рядом с ними. Только горы, скалы, камни... Исчез даже туман.

– Ты что-нибудь понимаешь? – негромко спросил он. – Кто это был?

– Не знаю, -- сказала Щепка, задумчиво глядя в черную пасть расщелины. – Но я все равно с ним не согласна.

Почему-то Сварог не стал спрашивать – в чем.

ВИЗАРИ, ДУБЛЬ ВТОРОЙ

Сварог сидел, подложив под себя сложенный в несколько раз плащ. Над головой бесконечной унылой чередой проносились плоские, как плиты, серые облака. И опять начал накрапывать дождь.

Дело происходило в середине следующего дня на пресловутой Сиреновой гряде, против ожидания выглядевшей самой что ни на есть заурядной грядой. Внизу расстилались выглядевшие дикими и безлюдными склоны: ни дымка, ни строения, ни малейшего движения. Разве что на закате, у самого горизонта виднелось нечто высокое, ярко-желтое, очертаний слишком правильных для творения природы форм, похожее на приземистую пирамиду. Однако рассмотреть загадочное строение вблизи им точно не удастся — их путь с перевала, к Сиреновой гряде, лежит в другую сторону. Сварог, любопытства ради, спросил, что за чудо поселилось среди гор, но про то никто не знал — ни Щепка, ни Монах, ни Босой Медведь.

Касательно встречи с дедом Пу Сварог со Щепкой по молчаливой договоренности решили не распространяться: все равно никто не поверит. А если и поверит, то что толку? Дед если и мог, то ни помогать, ни мешать им явно не хотел. Он жил в своем замкнутом мирке, словно в некоем параллельном пространстве... вот именно: «словно». Его мир походил на *действительно* параллельный, куда бы *действительно* мог уйти Сварог, не больше, чем, скажем, роман советского русофила-почвенника на всамделишную деревенскую реальность...

Так что Сварог и Щепка все больше помалкивали, а их неразговорчивость с лихвой компенсировал Монах.

– Высшая сила в тот день благоволила нам, а чернотелым упырям в подмоге отказала, ибо прогневали они Создателя, вообразив себя птахами летучими, – степенно рассказывал тот, поворачивая над огнем кинжал с насаженной на него тушкой кролика. – Ну мы и сами не оплошали, не подвели Создателя. Когда вы, атаман, – он повернулся к Сварогу, – вынудили броситься в погоню за вами аж трех чернотелых упырей, тем самым снимая с нас часть непосильной ноши, их осталось не столь уж много противу того, что было изначально. Всего трое их осталось... Хотя и одного эдакого нетопыря-зверя, возвращенного в злокозненном Каскаде, не пожелаешь себе врагом. Уж больно ловки прохвосты и увертливы зело!

Монах свел к переносице кустистые брови и неодобрительно покачал головой, когда Сварог наколдовал себе сигаретку. (Истины ради следует заметить, тот же Монах не выказывал ни малейшего недовольствия, когда несколько минут назад Сварог магическим искусством сотворил вино – бывший служитель культа как ни в чем не бывало опорожнил кувшинчик, да притом практически в один загллот, утер губы рукавом и одобрительно крякнул.)

– На наше счастье один из злыдней метнул свою сеть, – размеренно продолжал экс-священник, – не приметившись, не подумавши хорошенько, и накрыл ею половину кибитки, да в придачу товарища своего, который забился в ней, аки сей кролик в силках. Второй же нетопырь вознамерился попасть в кибитку, ступив ногой на тот железный лист, что крюком был отогнут и висел на одной сопле. Коли нетопырь ведал бы, что Медведь наш живой и дышит, то был бы осмотрительней, но в том-то и состояло его горе со злосчастьем, что не ведал. Хотя Медведь и недужил премного от ранений, однако ж сподобился пнуть тот лист посильнее, да и вышибить его. Нетопырь улетел ко своим птицам вместе с железякой оторванной...

Монах коротко хохотнул, огладил широкой короткопалой пятерней бороду и продолжил:

– А третий, сиречь последний из оставшихся, прыгнул на крышу кибитки, да не знал, что гнила она и ненадежна, потому и провалился вниз, пробив дыру и ободравшись. И прямо мне в руки...

Одной из тех рук, в которые на свое несчастье попал каскадовец, Монах прихлопнул на шее комара и со словами: «Гореть те, упырь, в огне», – смахнул размазанное насекомое с ладони в костер.

– Вот так мы уцелели в том злосудии. А тут кибитка прибыла на гору. Вытащил я Медведя на голы скалы, углядел пещеру поблизости, да и занес туда, дабы он малость отлежался и силу вернул. А сам пошел осмотреться окрест. Осмотрелся, возвращаюсь...

– А я до сих пор не могу дознаться, где он шлепал столько времени, за которое меня двадцать раз могли прикончить, – вступил в беседу Босой Медведь, возлежа возле костра на боку и подпирая голову рукой. – Я уже рассказывал, что заключенных держали где-то в подземных тюрьмах на вершине горы. Когда рудник закрыли, кого-то отправили досиживать в обыкновенные тюрьмы, а кое-кто, оказываясь, под шумок сбежал и остался жить в горах, в бывших пещерах-казематах. Здесь они и обитают до сих пор, пробавляются редкими вылазками на равнину, а так жизнь ведут все больше простую, незатейливую. Питаются корешками и горной козлятиной, ловят рыбу в ручьях... Зато на свободе, задери кабан, а не в камерах срока донашивают. Между прочим, они-то и следили, чтобы канатная дорога находилась в исправности, потому как сами нередко ею пользовались: чего ноги зря стаптывать... Вот, значит, эта банда и нагрянула в пещеру, когда Монах ходил по сторонам осматриваться. Зарезали

бы они меня, – Медведь широко зевнул, – за милую душу, чтобы тайну свою сберечь, да хорошо, я в тот момент в сознании находился и, углядев, кто там ко мне подкрадывается с ножами, начал называть *имена*. Заслышав голос, они остановились, а на *именах* ножички-то опустили. А когда выяснилось, что мы с Папашей Черное Ухо были лепшими друзьями, ихний теперешний атаман аж слезу пустил. Оставайся с нами, говорит, и нами верховодь...

Медведь сел, достал курительную трубку, пронесенную целехонькой сквозь лихие испытания, принялся неторопливо набивать ее табаком. А вот табакерку Медведь обронил еще во время высадки с электрохода. Некоторое время до появления Сварога он курил подаренный пещерными жителями дешевый кислый самосад, но с нескрываемым облегчением избавился от него, швырнув в огонь, когда появился Сварог. Правда, курить сигареты Медведь не стал, потому как не признавал эти «детские бумажные палочки», он предпочел добывать табак потрошением сотворенных Сварогом сигарет. Наверное, Сварог мог бы наколдовать вместо груды сигарет нормальный трубочный табак, только зачем напрягаться, когда гораздо проще использовать опробованные формы – штампуй и все...

– После вашего колдовского врачевания мне здорово полегчало, но совсем не прошло, – говорил Медведь, попыхивая трубкой. – Ходок по горам из меня в тот час был никудышный, если сказать и вовсе

никакой. Пришлось бы поступить так: Монах отправился б на перевал поджидать вас со Щепкой, а я отлеживался бы в пещере, пока не отлежался. Так бы и пришлось поступить, не повстречай мы бывших заключенных с рудника. Парни признали меня за своего, а когда я им сказал, что мы сцепились над пропастью не с кем-нибудь, с абагонами из Каскада – они наблюдали драчку из своих укрытий, – парни едва не обделались от восторга. По-моему, прикажи я им тогда прыгнуть в пропасть, – прыгнули бы, не задумываясь... Но они все равно пригодились. Если меня на носилках до самого перевала, как какого-нибудь Владыку Логача, ну того, из сказок про старые времена. А еще снабдили какой-то мазью из горных трав, каковая и помогла мне скоренько на ноги встать...

– Тут мы вас и дожидались, пока, хвала Создателью, не дождались, – подвел итог рассказу Монах и потыкал кинжалом в кролика.

– Готово? – поинтересовался Сварог.

– Ему бы еще с полчасика над угольками потомиться, – сказал Монах.

– Пора идти, нас ждут, – решительно сказал Сварог. – Дождь усиливается, вымокнем тут к чертовой матери с твоим кроликом...

...Как и говорила Щепка, переход от перевала до Замка-на-горе занял не более трех часов. Цель своего путешествия они увидели издали – замок возвышался на краю скалы и столь органично впи-

сывался в ландшафт, что запросто можно было пройти мимо и не заметить.

«Н-да, мрачноватая картина, – подумал Сварог. – Особенно на фоне черно-лилового неба. Не удивлюсь, ежели замок битком набит нечистью и привидениями...»

Разумеется, Сварог оглядел подступы к Замку-на-горе «третьим глазом». В общем и целом, ничего особенного. Наблюдается, конечно, некоторое свечение магической природы внутри самого замка, но слабенькое, можно сказать – допустимого уровня... А вот *вокруг* имеется кое-что примечательное.

Крепостной стены вокруг замка не было. Да и зачем она – на такой-то высоте, да еще среди неприступных скал и отвесных пропастей; бойцам из неприятельского отряда пришлось бы взбираться по единственной тропе гуськом, цепочкой, друг за другом, что лишь порадовало бы стрелков из отряда обороняющихся... Короче, в привычном понимании стены не было. Но при взгляде «третьим глазом» стена возникала – частокол лениво шевелящихся сиреневых щупалец окружал замок плотным кольцом, и Сварог сильно сомневался, что сквозь него проникнет не только незванный гость, но даже бронбойный снаряд, пущенный прямой наводкой. Чувство опасности молчало.

– Кто здесь жил? – спросил Сварог. Просто чтобы не молчать.

– Разное болтают, – ответила Щепка, как-то странно улыбнувшись. – Ходит легенда, например,

что тут обитал барон Пальх Ахт-Логон, который более всего на свете уважал рагу из печени юных девственниц. Косточки несчастных невинных дев до сих пор находят там, в Храмовой Расселине. Пальх Ахт-Логон, видишь ли, самолично выбрасывал их, распотрошенных, из окна замка... Еще говорят, что это резиденция Полуночи, что в большую неделю Раннего сезона сюда слетаются ведьмаки со всего Гаранда и устраивают собрание вперемешку с оргиями... Причем в оргиях непременно должны участвовать ожившие трупы самых уважаемых кро...

– Сказки, – перебил Босой Медведь. – А я ничего не слышал про этот Замок-на-горе. Знаю только, что нам, людям серьезным, в этих горах делать нечего. Тут ошивается всякая шелупонь, беглые в основном. Ну, вроде тех, что на горе нам повстречались.

– Не скажи, брат, – не остался в стороне и Монах. – О Сиреновой гряде шепчут всякое даже в Зеленой беседке... – и его передернуло.

– А сейчас в этом славном местечке поселился Визари, правильно я понимаю? – сказал Сварог. – И что, каскадовцы сюда не навешиваются?

– А что им здесь делать? – пожал плечами Медведь.

– Маленькая хитрость, – усмехнулась Щепка. – Видели по дороге деревянных сов? Они лучше всяких стражей будут...

За разговором незаметно одолели последние лиги пути.

Замок мало того, что был выстроен практически на самой вершине скалы, подставленный всем на свете ветрам, мало того, что вела к нему одна-единственная узкая тропка, вдобавок он стоял на площадке, отделенной от большей части горной вершины узким перешейком. Но и это не все. Перешеек имел посередине разлом (искусственного или естественного происхождения – бог весть), глубиной около двух десятков метров.

Они перешли через мост, перекинутый к замку над разломом. Мост был не подъемный, однако Сварог почему-то не сомневался, что в случае необходимости хозяевами замка был предусмотрен вариант обрушения моста. Например, взрывом. «Если кто засядет в замке с надежным запасом провианта, предварительно обрушив мост, то долгонько сможет держать оборону, – подумал Сварог. – Но поскольку мост стоит целехонький, делаем вывод, что штурму и осаде замок не подвергался...»

Замок был окружен высокой полуразрушенной стеной с раздвоенными зубцами, покрытой зелеными пятнами мха. От ворот сохранилась одна створа – висела, покосившись, на нижней петле. А от правой створы уцелела лишь железная оковка: бесславно валяется на земле, врастая в дерн.

Земля во дворе была каменистая, с проплешинами песка. Насыпная, следует полагать. Там и сям по двору валялись поросшие лишайником тесаные камни. Трава росла все больше мелкая и редкая, вот разве что вдоль стены с внутренней стороны

густо разрослись сочные лопухи. Во дворе сохранился колодец с ведром на цепи, прикованной к вбитому в каменную кладку кольцу. Поскольку трудно себе вообразить родник, бьющий из скалы на такой высоте, надо думать, что колодец призван собирать дождевую влагу. И до сего времени – Сварог из любопытства заглянул в него по дороге – колодец работает исправно, вода в нем стоит, отражая небо, чуть ли не у самого верха.

Замок нельзя было назвать ни большим, ни архитектурно достопримечательным. Архитектурно он представлял собой исполинскую прямоугольную башню, вздымающуюся над головой высотой, с многочисленными узкими окнами-бойницами, обросшую у основания, как пень опятами, одноэтажными пристройками.

Щепка вдруг ускорила шаг и первой, решительно распахнув дверь, вошла внутрь. Сварог догнал ее уже за порогом, отметив походя, что полукруглая дверь преотлично сохранилась и даже не скрипнула.

Полное и беспросветное запустение, какого вполне можно было ожидать, глядя со стороны, внутри замкам отнюдь не царило. Из стен торчали не слишком проржавевшие крюки для факелов, более того, в них были вставлены загодя приготовленные факелы – только спичку поднеси. Деревянные панели, облагораживающие длинную стену, конечно, почернели и потрескались, но все же от стены не отстали, в труху не превратились, рав-

но как и другое дерево внутри замка, не было трачено жучками-древоточцами. А в углу, в зале нижнего этажа, висели доспехи. Крайне любопытные доспехи, между прочим, и Сварог подметил для себя, что потом надо будет подойти и внимательно их рассмотреть.

– Что это за вой? – в голосе Медведя, трусостью не отличавшегося, можно было разобрать едва заметную дрожь.

– Ветер завывает, – сказал Сварог. – Ветер, который здесь не стихает никогда. Плюс полное отсутствие стекол в окнах.

– Я лучше снаружи подожду, – помявшись на пороге, заявил Монах, развернулся и вышел на улицу. Видимо, это решение стало результатом нешуточных внутренних борений.

Сварог пожал плечами, но уговаривать не стал. Не до того. Предстоящая встреча с Визари было важнее религиозных метаний какого-то воришки. Они с Медведем, едва поспевая за Щепкой, поднялись по винтовой каменной лестнице на второй этаж. Здесь Сварог еще раз осмотрелся «магическим зрением». Внешний мир исчез, надежно скрытый за стеной шупалец.

– Сюда, – Щепка прошла в открытую настежь дверь, изуродованную изнутри так, словно ее пытались изрубить топором на щепу, да что-то вдруг помешало, прервало на полпути к победе.

Последовав за спутницей, они попали в просторный зал со сводчатым потолком, с выложенным ше-

стиугольными каменными плитами полом. В дальнем краю темнела распахнутая пасть огромного камина.

В зале царила полутьма – стрельчатые оконца не давали много света, очень уж узкими они были, кошка разве что пролезет, хотя и довольно высокими. И все до единого забраны решетками. А одно окно закрывала плотная бордовая гардина с потрепанными кистями. Ветер шевелил ее складки и, казалось, что за ней кто-то прячется. Эффект был настолько правдоподобным, что Босой Медведь тотчас вознамерился проверить: отдернул занавесь рывком и тут же отступил на шаг, держа наготове нож-складень.

За гардиной, разумеется, никого не оказалось.

– Убежище, – буркнул Медведь, складывая нож, но далеко не пряча. Это чье-то логово, как пить дать. Вроде того, что возле Мышиного склада на Хромом Мысу. Им редко кто пользуется, но все же оно не пустует. И тут, смотрю, факелы приготовлены, занавеска висит...

Щепка тем временем прошла в другой конец зала, отворила полукруглую невысокую дверцу в стене и шагнула в темный проем.

– Эй, а ты куда еще?! – крикнул Сварог.

Голос ударился о стены, и эхо заметалось под сводами замка.

– Я ненадолго. Скоро вернусь. Ждите, – сказала она. И исчезла во мраке. В этом зале не требовалось напрягать голосовые связки, чтобы докричаться, акустика была прекрасная.

– Может, все-таки пойдем за нею? – предложил Медведь.

– Не стоит, – сказал Сварог, поразмыслив. – Мы гости, будем вести себя соответственно. Мало ли зачем даме нужно немного побыть в одиночестве... Да и, кажется, она здесь уже бывала, и не раз. В общем, думаю, она знает, что делает, а мы ей вроде как доверяем...

– Кто говорит про недоверие! – Медведь возмущенно взмахнул рукой. – Но вдруг случится что...

– Это вряд ли, – Сварог, закулив, подошел к окну. Чувство опасности молчало, как партизан в застенках. Да и, в самом деле, отчего-то он доверял Щепке. При всех ее взбалмошности, необычности и недомолвках – доверял почему-то, вот и все...

А за окном близился закат. Из-за гор поднималось закатное зарево, прорезанное полосами облаков, окрашивая в багровые тона склоны, вершины, заснеженные пики.

– Смотрите-ка, атаман!

Сварог обернулся на встревоженный голос Медведя. Тот сидел на корточках и показывал рукоятью складня на центр шестиугольной плиты. Подойдя, Сварог наклонился и разглядел вырезанный в камне знак: орел, который одно крыло отвел в сторону, другое держит прижатым. И на каждой плите был такой.

– Ну и что? – нахмурился Сварог.

– У Папраша Кривое Ухо была в точности такая же татуировка на плече. Ну, очень похожая. И он рассказывал, что это не что иное, как...

Оба одновременно обернулись на звук – сильный хлопок и шипение. Это в камине вспыхнули лежавшие там обгорелые дрова и в два счета запылал сильный огонь.

– Колдовство... – Медведь хотел сплюнуть на пол, но удержался в последний момент.

– Оно, родимое, – согласился Сварог.

Чувство опасности по-прежнему молчало... и как тут было не вспомнить, что и оно, бывало, подводило – в особенности когда начинаешь доверяться магии на все сто. И вполне возможно, что замок прямо-таки переполнен смертельной опасностью – но угрожает она, скажем, не лично Сварогу, а его непутевым спутникам. Или, допустим, в недрах мрачного сооружения скрываются некие силы (причем не обязательно колдовские, господа!), которые в настоящий момент не имеют никаких недобрых намерений. Вот именно – только в настоящий момент. А что случится через минуту, одному богу известно...

Он поднял голову.

С потолка свисал сделанный из тележного колеса светильник со множеством толстых, оплавленных свечей по кругу; и вот эти-то свечи принялись загораться одна за другой. А тут еще порыв ветра, ворвавшись в окна, заставил развеваться бордовую гардину.

– Не зря наш Монах не пошел сюда, он черно-книжье чует за версту, – слышался шепот Монаха.

– Отставить панику, – сказал Сварог, кладя руку на рукоять шаура. – Просто нам включают свет, а то скоро темнеть начнет.

– И кто включает? Щепка? – спросил Медведь, но остался без ответа.

Иллюминация продолжалась. Последовательно вспыхивали и факелы на стенах, будто сработал фотоэлемент. Или же, выражаясь сообразно обстановке, будто невидимый слуга, по причине надвигающихся сумерек, подносит к ним лучину. В зале становилось все светлей. Ничего нового при усиленном свете не открылось, разве что лучше стало видны трещины на плитах пола, копоть от факелов на стенах и ржавчину на оконных решетках.

А потом открылась та самая невысокая дверца, неизвестно куда ведущая, и появилась Щепка.

Хотя и не сразу они с Медведем ее узнали.

Дело даже не в том, что она переделалась – сменила дорожный костюм коммивояжера на наряд, в здешних краях Сварогом увиденный впервые: малиновые шаровары, высокие, до колен, сапоги с завязками, алую куртку с высоким стоячим воротником. Лоб стягивала широкая лента из прозрачного алого шелка, завязанная на затылке, и концы ленты спадали на грудь, доставая до пояса. А на пальцах обеих рук появились перстни... Нет, вовсе не в одежде было дело. В серой и незаметной мышке, кото-

рую исключительно по биологическим признакам можно было причислить к женскому полу, переменялось буквально все. Спина распрямилась, походка стала широкой и упругой, уверенной, смотрела она теперь прямо – с вызовом и гордостью. С превосходством мудрости, ежели так можно выразиться, смотрела она. И теперь выглядела старше, выше ростом, опытнее...

– Уф, – облегченно вздохнула она, – до чего же надоело ходить в обносках, если б вы знали. А встречать нашего... ну, назовем его визави – в том наряде как-то неприлично.

Даже голос у нее изменился, стал ниже, в нем появилась некая толика того, что зовется чувственностью.

– Эй... – булькнул Медведь. – Щ-щ... Щепка, ты, что ли?.. Это ты чего это... – Он оглянулся к Сварогу: видит ли предводитель то же, что видит он.

Предводитель видел. И пребывал в состоянии обалдения немногим меньшем, нежели Медведь. Да и то лишь потому, что ожидал нечто подобное. «Третий глаз» не помогал. «Третий глаз» был подавлен, ослеплен, выключен, называйте как хотите, но в магическом зрении не разглядеть было вообще ни черта, сплошная серая хмарь клубилась перед взором. Однако же чувство опасности по-прежнему признаков беспокойства не подавало... хотя в голове Сварога звенел, звенел тревожный колокольчик...

Медведь озадаченно поскреб в затылке и на всякий случай обнажил лезвие складня.

А Щепка, громко цокая набойками по плитам, прошла... нет, прошествовала в центр зала.

И сказала:

– Приступим к вызову нашего визави. Ритуал Стежки несложный, но навыков требует, – поучительно сказал она и улыбнулась. – Чтобы проложить Стежку, каждому магу необходимо иметь два камня палангида, – Щепка сняла с руки два перстня. – Камни кладутся друг от друга на расстоянии в один шаг. – Она положила перстни на каменный пол. – Желательно, чтобы и Око Бога находился неподалеку. Желательно, но необязательно. Затем я произношу следующее...

Прикрыв глаза и чуть раскачиваясь, Щепка заговорила на незнакомом языке, где звуки казались выкованными из железа и сплетались между собой в ажурную вязь. И едва стих последний звук, камни зажглись голубым нутряным огнем, из них выстрелили две световые струи, извиваясь, уперлись в каменный потолок, потом изогнулись судорожно и соединились, образовав колеблющуюся дугу примерно в полтора человеческих роста. Воздух наполнился противным вибрирующим гулом, который заглушил нескончаемую песню ветра снаружи и от которого у Сварога заныли зубы.

Потрясенный Медведь дернулся, как от удара парализатором, однако ни малейшей попытки смыться отсюда или напасть на преобразившуюся Щепку не сделал. Он что-то лихорадочно шептал себе под нос – не то молился, не то матерился.

Все окружающее словно подернулось желтоватой дрожащей пеленой.

– Таковую же арку создал личный маг нашего визави, – пояснила Щепка, повысив голос. – Теперь следите внимательно. Я настраиваюсь на его волну. Как бы бросаю себя ему навстречу, а он бросит себя навстречу мне... Это уже посложнее, без должной подготовки практически невозможно, а подготовка длится шесть ступеней посвящения. Вот почему только сильные маги могут выстраивать Стежку.

Она встала на колени, коснулась указательными пальцами лежащих на полу камней. Камни затрепетали от ее прикосновения, дуга окрасилась густой синевой.

– И возникает Стежка...

Из дуги вдруг плеснуло сиянием, сияние это туннелем протянулось до стены, уткнулось в кладку – и кусок стены в форме арки исчез, растворился, открыв черный провал в никуда.

– Собственно, вот и все, – сказала Щепка, поднимаясь. – Теперь остается только ждать, когда кто-нибудь придет. Или сам маг, или его хозяин... А что ж это вы, господин атаман, молчите все? Даже наш друг Медведь – и тот бормочет чего-то...

– Ах, какое полезное изобретение! – Сварог покачал головой. – Скажите, это что, и между мирами можно вот так вот стенку разобрать?

– Не знаю, – поколебавшись, ответила Щепка сухо. Очевидно, забыла что атаман тоже кое-какой

магии обучен и ожидала более бурной реакции. — Никто никогда не пробовал. Да и пробовать не было смысла — без некоторых необходимых вещей.

— И... долго нам ждать гостя?

— Все зависит того, когда он выйдет в путь... Что ж, теперь в защите нужды нет.

Сварог почувствовал, что пелена, *избирательно* ослепляющая «третий глаз» в течение нескольких дней, наконец спала. Теперь он видел магическую *реальность* таковой, какая она была на самом деле, без шор и фильтров.

Н-да, можно было догадаться и раньше. Но как же детектор лжи, тоже был подавлен?..

Судя по всему, ожидаемый «визави» вышел в путь вовремя, потому что Сварог не успел бы выкурить сигарету, возникни у него такое желание, как опять полыхнуло — и из арки на шестиугольные плиты зала ступил человек, материализовавшись из ничего.

Он был весьма представительен, этот седовласый импозантный господин. Узкое породистое лицо, высокий лоб мыслителя. В нем чувствовалась сила и привычка повелевать. Прирожденный лидер, сразу ясно — даже если не смотреть на костюм.

— Я же говорила, что знаю настоящего Визари, — сказала Щепка. — Здравствуйте, верх-советник.

— Теперь я тоже знаю, — тяжело вздохнул Сварог. Он не чувствовал ни злости к девчонке, ни горечи от обмана, ни радости от встречи с революционным магом. Он чувствовал только усталость. Неимовер-

ную усталость. Не хотелось уже ничего. Даже искать путь домой.

Кто сказал, что Визари – это обязательно мужчина?..

– Приветствую вас, – чинно сказал гость, с оттенком любопытства глянув на Сварога. – Не могу выразить словами, насколько я рад, что у вас получилось как нельзя лучше, госпожа.

И он поклонился Щепке.

– Чё?..– громко спросил Медведь.

Глава 10

СОВЕТ ПОД ОБЛАКАМИ

Вино было отменное. Сварог, сам умеющий магическим искусством создавать неплохие вина и за последнее время перепробовавший напитки из самых разных винных погребов, в том числе и других миров, оценил его по достоинству. Изысканный букет, долгий вкус, умеренная терпкость, легкий, веселящий и быстро выветривающийся хмель. Создавая вино, Щепка бросила на него взгляд, означающий: «Мы тоже кое-что можем», в ответ на что Сварог лишь горделиво отвернулся, изо всех сил стараясь сохранить лицо.

Впрочем, имя Щепка отныне следовало забыть. Во-первых, оно никак не шло этой *новой* девушке, а во-вторых, негоже так обращаться к великому и ужасному Визари, к надежде всех несогласных с государственным устройством и грозе Каскада.

Стол, что характерно, творили совместными усилиями магий двух миров. Непосредственно мебель

наколдовала Щепка-Визари. Не мудрствуя лукаво, она пошла по пути простоты и надежности, и в финале по центру зала возникли огромный стол из струганных досок, пахнувший свежей древесиной, и лавки из тех же досок, приколоченных к чурбачкам. Стилль «назад, в деревню», в общем. Сварог, поколебался, но решил не выделяться и общему настроению соответствовать. Яства и напитки, им сотворенные, у стороннего зрителя вызвали бы в памяти образ не самого бедствующего трактира, который заботится не столько о вычурности блюд и собственной помпезности, сколько о насыщении желудков изголодавшихся клиентов. На обширном столе были представлены: штукек пять блюд с результатами разнообразных способов приготовления жареной птицы под разнообразными соусами, несколько голов источающего слезу сыра, куски ветчины с луком на деревянных подносах, пучки зелени, буханки горячего, мягчайшего хлеба, фрукты, два запотевших кувшина с ледяным пивом – литра на три каждый – и пузатый, исходящий паром кофейник... Короче, изголодавшиеся клиенты остались бы более чем довольны. Вот только изысканное вино, признаться, несколько диссонировало с обстановкой и с меню, но Сварог посчитал, что в таких условиях нет никакого резона корчить из себя привередливого, выдавшего всяческие гастрономические изыски гурмана.

Импозантный гость взирал на колдовство молча, но с нескрываемым интересом, лишь изредка

поднимая бровь, когда из воздуха появлялось новое блюдо. Видно было, что он привык к другой обстановке и другой кухне, и Сварог подумал мельком: уж не специально ли в пику гостю Щепка выбрала именно этот стиль.

Босой же Медведь, окончательно потерявшийся под непосильным грузом событий, где одно было сногсшибательней другого, о приятеле, однако, не забыл, отнес Монаху кувшинчик наколдованного Сварогом пива и стопку бутербродов с ветчиной. Позвал даже друга в замок, получив на то милостивое разрешение высоких сторон, но бывший служитель культа наотрез отказался подниматься в колдовскую цитадель. «Апостола чернокнижия из меня сделать хотите? Не дамся!» – пророкотал Монах во дворе, и его рык мало того что слышен был во всех закоулках замка, так еще и спугнул птиц, прятавшихся от ветра под крышей. Однако, что показательно, Босой Медведь вернулся обратно с пустыми руками – то бишь без вина магической природы и без бутербродов колдовского происхождения.

Нельзя сказать, чтобы Сварог был до глубины печенок потрясен явлением нового и, следует надеяться, последнего и окончательного Визари. Вот если б где-нибудь среди портовых складов или на борту скоростника Щепка обернулась бы вокруг своей оси, за секунду изменила бы облик и открыла свою истинную суть, – ну тогда, пожалуй, граф Гейр и офигел бы.

Впрочем, насчет истинности нынешней ее сущности – это еще вопрос открытый. Мало ли кто называет себя Визари? Одного такого мы уже встречали, причем он, как и Щепка, не лгал, называясь сим популярным именем; он свято в это верил. Как и любой сумасшедший, думается, верит, что он и есть Наполеон или, там, Цезарь. Поэтому Сварог решил с окончательными выводами не торопиться, принять игру такой, какой ему ее преподносят, а дальше... дальше будем смотреть по обстоятельствам.

Кстати, о магии.

В отличие от тихой магии ларов, неизбежным побочным продуктом которой является лишь холод да снег, как следствие эндотермической реакции, магия, которой пользовалась Щепка, была довольно шумной и чересчур эффектной. Чуть ли не ярмарочной. Скажем, когда напарница создавала стол, каждый ее пасс сопровождался хлопком, будто где-то за стеной падала с полки книга, по каменной кладке пробегали едва заметные голубые всполохи, а в воздухе пахло озоном. Даже создание вина вызвало легкое возмущение в атмосфере – словно сквозняк промчался по ногам...

Когда все было готово, возникла махонькая заминка, от Сварога не укрывшаяся: господин, пришедший по Стежке и представленный Щепкой как верх-советник Мар-Кифай, в сомнении показал взглядом Щепке на Медведя, мол, вы уверены в этом человеке? Щепка успокаивающе кивнула: не

берите в голову, советник. Гость пожал плечами: ну, если вы за него ручаетесь...

«Эге», – подумал Сварог.

– Ну-с, кажется, все готово и мы можем начинать, – возвестил гость и сделал изящный жест рукой, приглашая участников занимать места. – Я искренне надеюсь, что это совещание станет историческим и войдет в учебники под названием... ну допустим, «Совет под облаками». Или «Совет на Сиреновой гряде». Его потом примутся воспроизводить в романах, в синематографических картинах, в песенных балладах.

И похоже, он верил в то, что говорил. По некоторым его и Щепки репликам, – а еще больше по многозначительным паузам – Сварог, как мозаику из кусочков, составил для себя картину происходящего. А когда расселись, исчезли последние недомолвки. Верх-Советник императора сам охотно и подробно изложил свой план.

План дворцового переворота и впоследствии изменения государственного строя.

«Эге!»

Сварог занял место во главе стола, напротив него села девушка по имени Визари. («Госпожа Визари», – поправил он себя.) Справа сел Мар-Кифай, даже на лавке умудряющийся держать спину прямой, как аршин, слева сел Босой Медведь и сразу сгорбился, чуть не касаясь носом столешницы – по всему было видно, что он чувствует себя неуютно и хотел бы стать как можно незаметней.

...Верх-советник Мар-Кифай и близко магом не являлся. Более того: он и не собирался осваивать колдовское искусство, справедливо полагая, что лучше уж совершенствоваться в том, к чему более всего приспособлен от рождения. А более всего он был приспособлен к политике, которая есть борьба за власть посредством интриг и абсолютно любых других методов, коими можно добиться желанной цели. Сварог его прямо, без обиняков и экивоков, спросил: а зачем же вы, сударь мой, ввязались в столь опасное предприятие, как заговор против существующей власти?

На что получил прямой и исчерпывающий ответ.

Позиция первая. Он, Мар-Кифай, уже достиг в этой жизни всего. Верх-советник, то есть член императорского совета, в который входит всего десять человек. Он – владелец поместья в двадцать квадратных *ободов*, а это – наибольший надел, какой может получить потомственный дворянин Короны. Жена – когда-то первая красавица Метрополии, сейчас – просто красавица. Четверо детей, двое уже взрослых, двое уже обзавелись собственными семьями. *Одна* жизнь прожита удачно. Есть ли возможность прожить *вторую* жизнь за срок, отведенный создателем и природой и ограниченный рождением и смертью? Такая возможность есть.

Позиция вторая. Он, Мар-Кифай, понимает, что уткнулся в потолок, что дальше двигаться некуда, остается лишь наслаждаться своим положением и

сопутствующими ему благами, наверху только император, а эта скала представляется незыблемой... Но так ли уж она незыблема, если подумать?

Позиция третья. Честолюбие. Что делать, если честолюбие не дает покоя? Если ты осознаешь в себе стремление войти в Историю, стать человеком, о котором будут помнить на Гаранде и через несколько поколений, чьи портреты будут висеть в школах, о ком в университетах станут читать лекции? А такой человек как он, Мар-Кифай, достоин того, чтобы остаться в Истории навсегда.

Позиция четвертая, архиважнейшая. Он, Мар-Кифай, никогда бы не ввязался в предприятие, хоть в одной букве грозящее провалом. А раз Мар-Кифай ввязался, значит, видит шанс победить. Для чего и создал союз с небезызвестным Визари... прошу прощения, небезызвестной. Для чего и отправился сегодня по Стежке – встретиться с еще одним участником альянса, с господином Сварогом, без которого, по утверждениям Визари, замысел невыполним.

– А эта ваша Стежка? – аккуратненько задал Сварог вопрос, который занимал его более всех свержений существующего строя. – Как мне объяснили, для того чтобы ее поддерживать, нужен маг, к тому же еще и сильный...

Мар-Кифай и на этот раз не стал уходить от прямого ответа. Да, среди слуг, обитающих в его особняке, имеется маг, о чем знают многие, в том числе и в первую очередь Каскад. Более того: величай-

шим соизволением каждому верх-советнику разрешено держать в своем особняке лояльного, тщательно проверенного и полностью подчиненного Каскаду мага, поскольку никто другой не сможет защитить от колдовства столь надежно, как посвященный в его, колдовства, таинства. Не все верх-советники пользуются этой привилегией, но кое у кого, как и у Мар-Кифая, в особняках тоже обитают маги. Правда, личный маг Мар-Кифая, хоть и полностью проверен в свое время Каскадом, но, на беду последнего, отнюдь не полностью Каскаду подчинен, а если уж быть точным, то вовсе не подчинен.

Вот таким человеком оказался верх-советник Мар-Кифай, с которым сегодня свела судьба графа Гейра, лорда Сварога.

– С чего же нам начать? – весело задала вопрос Щепка-Визари, катая яблоко по столу. – Уважаемый Сварог пока не в курсе всех тонкостей нашего предприятия... Да и уважаемому Мар-Кифаю будет неинтересно узнать кое-какие подробности.

– Есть *еще* какие-то подробности? – нахмурился верх-советник. – Вы всякий раз удивляете меня, госпожа.

– Я вижу две возможности начать, – сказал Сварог. – Или с начала, или с главного.

– Полагаю, начать лучше будет все-таки с главного. Потому что если мы пойдем с самого начала, то утомим наших друзей, – Щепка поочередно кивнула в сторону Мар-Кифая и Медведя. – Потому что

долго будем разбирать сугубо личные вопросы, касающиеся исключительно нас двоих.

– Признаюсь, – мрачно усмехнулся Сварог, – множество сугубо личных вопросов вертится у меня на языке.

– Понимаю, – кивнула Визари. – И мне самой кое о чем не терпится спросить. Но в преддверии едва ли не самой важной в нашей жизни минуты...

– Подождите! – Босой Медведь все же не выдержал. Он неуклюже встал, вытер рукавом пот со лба. – Я это... пойду, наверное, к Монаху...

Визари усмехнулась:

– Уверяю *вас*, уважаемый Медведь, что ваше присутствие не только уместно, но и желательно... К тому же, вы и так уже узнали немало секретов, каждый из которых тянет на немедленное *растворение*. Так что услышите вы чуть больше или меньше – никакого значения не имеет... И вообще, я хотела бы, чтобы вы стали моим искренним и верным союзником. Возможно, вас ждет большое будущее.

Медведя перекосило от обращения на «вы» так, как не перекосило бы и алкоголика, которому вместо вина подсунули яблочный сок. Более он ничего не сказал, никуда не ушел, лишь молча сел, подвинул к себе стакан с пивом, крепко сжал его в ладонях и опустил глаза.

– Я вдруг поняла, с чего следует начать. Не с начала, нет, а с предначала. С того, что в книгах называют прологом, а в музыке прелюдией. Да, это не-

обходимо, – Щепка-Визари неспешно поднялась со своего места, отошла к стене, провела по ней ладонью. Обернулась и сказала задумчиво, с ноткой сожаления. Таким тоном сказала, каким обычно говорят: «А погодка-то сегодня, увы, не для верховых прогулок...»: – Прелюдия такова: этот замок принадлежит мне. Он мой – по праву рождения и наследования.

Сварогу, собственно, в этот момент было глубочайше наплевать, ее это замок или же нет, однако Мар-Кифай после некоторого остоленелого молчания отреагировал более чем бурно:

– Постойте-ка!

Мар-Кифай вскочил. Мар-Кифай выглядел бесконечно потрясенным.

– Мне, между прочим, известно, кому принадлежали эти земли и этот замок!.. Значит, что получается... Получается, вы из рода Ахт-Лагон?!

– Вот видите, какой сегодня важный вечер в жизни каждого из нас, – печально улыбнулась Щепка. – Срываются покровы, снимаются маски, открываются лица. Даже мой давний и ближайший соратник Мар-Кифай, от которого у меня не было никаких... ну почти никаких тайн, – и тот поражен... Поворотный вечер! Таких в жизни человека насчитывается гораздо меньше, чем пальцев на одной руке. – И закончила несколько театрально: – Ах, я определенно чувствую, что в воздухе веет пряный аромат грядущих перемен, присутствует неуловимая атмосфера великого перелома...

Поскольку верх-советник все еще пребывал в состоянии ступора и пауза вот-вот грозила перерастать в сцену, обычно именуемую «милиционер родился», Сварог кашлянул и сказал первое, что пришло в голову:

– Как я понимаю, Визари – это не родовое имя, а... ну выразимся так, творческий псевдоним.

– И да, и нет, но об этом после, – отмахнулась Щепка. – А вот родовое имя почему-то испугало уважаемого верх-советника...

– Почему это испугало?! – ожил, вскинулся верх-советник.

– Испугало, испугало, не отрицайте. И я догадываюсь – *почему*. – Теперь Щепка обращалась исключительно к Сварогу: – А все дело в том, что вот уже три столетия именем Ахт-Логон пугают жителей Короны. Ходит бесконечное множество легенд и преданий, в которых мой предок, Пальх Ахт-Логон, выставлен сущим чудовищем. Он-де наводил ужас на обитателей этих гор и предгорий, похищал детей и женщин и творил над ними всяческие изверства, перебирал по ночам, как сокровища, черепа лично убитых им людей, из этих же черепов пил свежую человеческую кровь...

– Понятно, – очень осторожно поддержал это направление беседы Сварог, хотя в голове вертелось множество совершенно других вопросов. И заметил: – Признаться, в разное время и в разных местах я вдоволь наслушался до жути похожих историй – про кровожадных князей и прочих

баронов. В общем-то, везде одно и то же... Значит, здесь и обитал ваш легендарный предок? Тогда не стоит удивляться, что замок стоит почти нетронутый любителями грабительской поживы... – Он положил в рот кусок сочного мяса, не торопясь прожевал. – Меня удивляет другое: каким образом при такой славе уцелел его род...

Визари подошла к окну, взялась пальцами за оконную решетку. К еде она так и не притронулась.

За окном уже совсем стемнело. Наверное, и похолодало. Ветер стучался в стены и завывал от бессилия проникнуть внутрь. Что там, в потемках, делает Монах – совершенно непонятно. Наверное, зашел в одну из пристроек, отыскал какую-нибудь лавку и вытянулся на ней, чтобы проспать до утра. И ни заботы, ни печали о судьбах мира, о поворотных точках истории, о прочих животрепещущих материях... Невольно позавидуешь. Как славно было бы растянуться хоть на голом полу, лишь бы ничто ни заботило и ни печалило...

– А род мой и не уцелел, – негромко сказала Щепка, не поворачиваясь от окна. – Не знаю, сколько правды и сколько вымысла в легендах об Пальхе Ахт-Логоне. Был ли он кровожадным чудовищем в человеческом обличье, или таковым его сделала молва – за увлечение магией? Наверное, истина где-то посередине. Обычно бывает именно так. Конечно, есть способы заглянуть в прошлое и выяснить... Только зачем? Да и вообще, мертвых людей и мертвую жизнь без большой нужды тревожить не стоит...

Щепка убрала руки с решетки, но от окна не отошла.

– Так, стойте. Это меняет дело. Вы, оказывается, слишком многое скрыли от меня. – Верх-советник промакнул губы салфеткой и приподнялся. – Я должен пересмотреть кое-какие пункты нашего договора...

– Поздно пересматривать, – неожиданно жестко сказала Визари, и в ее голосе впервые послышался металл. – Дело начато и остановлено быть не может... Впрочем, – добавила она с прежней ласковой интонацией, – если вы желаете, то можете беспрепятственно покинуть нас. И будем считать договор расторгнутым. Без взаимных претензий.

Мар-Кифай поразмыслил секунду, потом сел на место и в раздражении бросил салфетку на стол. Сказал холодно:

– Вы сказали, что род не уцелел. Но как же тогда понимать... – он запнулся.

– Не знаю точно, был ли Пальх Ахт-Логон чудовищем, – пожала плечами Визари, – но что совершенно достоверно – в конце концов ему пришлось спастись бегством от толпы крестьян, охваченных жадой расправы. Он укрылся здесь же, в горах Сиреновой Гряды, зажил отшельником в пещерах, вместе с верными ему слугами... А когда Ахт-Логон умер, его кровь сохранили. Есть, знаете ли, способ заклинанием запечатать кровь в глиняном сосуде, чтобы та не сворачивалась и вообще не поддавалась воздействию времени... Следуя завещанию своего господина, слуги Ахт-Логона основали Братство

целью которого стало сохранение и передача магических знаний, а также поиски Визари. На воспитание стали брать кладбищенских детей...

– Это же было... Сколько ж вам лет?

Визари лишь улыбнулась:

– Советник, такие вопросы – даме?

Мар-Кифай открыл было рот, но ничего не сказал. И, как за спасательный круг ухватился за чашу с вином.

А Босой Медведь поднял взгляд, впервые оторвав глаза от столешницы, посмотрел на Щепку... и странным показался Сварогу его взгляд. Каким-то потеплевшим.

– Кажется, я один здесь не понимаю, о чем речь, – напомнил о своем существовании Сварог.

– Кладбищенские дети – это незаконные и нежеланные дети, от которых избавляются, принося их на кладбище и оставляя возле сторожки. Или на одной из могильных плит, – сказала Визари, отойдя от окна к стене. – Когда в Короне появились приюты, кладбищенские сторожа стали относить подкидывшей туда... Но по негласному закону они также могут никуда детей не отдавать, если за ребенка вдруг предложат деньги... Меня выкупили братья хранителей крови Ахт-Логона.

– Так что же... Братство, получается, существует уже около двух сотен лет... – Мар-Кифай, выпятив нижнюю губу, задумчиво потер пальцами мочку уха.

– Существовало, – поправила Щепка. – Цель, поставленная Ахт-Логоном перед Братством, заклю-

чалась в том, чтобы дожидаться появления Визари. Согласно поверью, Ахт-Логон перед смертью совершил искупительный ритуал, очистив свою кровь от скверны. Поэтому его кровь, сохранив *силу*, не несет в себе черного проклятия. Согласно тому же поверью, его кровь сама найдет человека, чье имя будет Визари и которого кровь Ахт-Логона одарит магическим могуществом. А предназначение Визари будет заключаться в том, чтобы не губить людей, а спасать их.

– Братство распалось, потому что стало ненужным. Визари появился, – сказал Сварог.

– Да, – кивнула Щепка. – Обряд отождествления воспитанники проходили по достижении двенадцати лет. И впервые за двести лет кровь Ахт-Логона, поднесенная к губам испытуемого, не была отторгнута. Кровь была принята...

Она сделала паузу, потом продолжила:

– С малолетства меня, как и других воспитанников, обучали – обучали точно так же, как в младоофицерских приютах Каскада. Вдалбливали, наказывали за малейшую провинность, муштровали, вбивали знания и заставляли неоднократно, до оупения, повторять то, что не получалось с первого раза... Вот только учили нас не воинскому искусству, а магии. К двенадцати годам я многое знала и многое могла. Когда каждый день упражняешься с восхода до заката, знаете ли, можно и научиться... Но ощутив в себе кровь Ахт-Логона, почувствовав, как она перемешивается и зажигает мою собствен-

ную кровь, я вдруг поняла, что все эти детские фокусы просто смешны. И смешны мои наставники, потому что считают себя мастерами, тогда как до подлинного мастерства им дорасти не было суждено вовек. А вот мне суждено... К счастью, я была кладбищенским ребенком, видимо, не случайно Ахт-Логон повелел брать на воспитание именно брошенных детей. Кто с детства ощущает себя изгоем, тому проще обуздать свой порочные страсти. В результате я справилась с захлестнувшим меня высокомерием, задавила его. И вот только после этого я почувствовала в себе подлинную *силу*.

– Ага... Есть у меня такое подозрение, что девушка по прозвищу Щепка не разбилась бы вдребезги, падая в обнимку с «пауком» в ущелье. Или я не прав? – спросил Сварог.

– Да, упомянутая девушка сумела бы избежать такой неприятности, но тем самым выдала бы себя каскадovцу, а... Увы, я хоть и Визари, но всего лишь человек. А человек смертен, следовательно, смертна и я. И «пауки» действительно так хороши, как о них шепчутся, они могут одолеть мага, даже сильного мага. Или, по крайней мере, доставить ему множество неприятностей и неудобств... Кроме того, я не собиралась открываться перед мужчиной по имени Сварог раньше срока, и на то были свои причины.

– О да, – согласился Сварог, – это мы почувствовали на собственной шкуре...

Верх-советник сосредоточенно резал сыр на тонюсенькие ломтики, но Сварог чувствовал, что его

уши, как локаторы, ловят каждое слово. Не пропускал ни слова и Медведь, хотя не понимал, пожалуй, ни бельмеса.

– Однако не будем о грустном. Итак, как я понял, братство распалось, а бывшие братья стали ближайшими сподвижниками мага Визари, благодаря которым весь мир в полный голос заговорил о Визари, у Визари появились адепты, стали возникать тайные общества сторонников Визари и так далее, и тому подобное?

– Абсолютно верно, – сказала Щепка, возвращаясь к столу. – Но дело даже не в Визари и братьях, взваливших на себя черновую работу. Очень многие люди в душе ненавидели существующий режим и хотели бы его изменить, но им не хватало цели, не хватало веры в успех, не хватало лидера. Получив же все требуемое, они поверили и теперь готовы идти за нами, куда угодно, до самого конца. – Щепка села за стол, сцепила руки в замок. – Мы готовили наших единомышленников к наступлению Часа Призыва. Мы объясняли им, что существует Кристалл Единения, на который следует всем посвященным настроить свои эманации в Час Призыва, чтобы объединить усилия в решающий миг. Никакой лжи. Кристалл действительно существует. И Час Призыва мы старались приблизить изо всех сил... Но мы отчетливо осознавали, что наша попытка была бы обречена на провал, противники сильнее нас. До последнего времени мы напоминали полностью снаряженный и укомплектованный древний

корабль, который, тем не менее, не может пуститься в плавание – не хватает парусов...

– Или нынешний корабль, которому не хватает батарейки, – раздумчиво сказал Сварог. – Я кажется, начинаю догадываться, чего так не хватало для наступления Часа Призыва. Некоего сгустка магической энергии под названием Око Бога, не так ли?

Щепка грустно усмехнулась:

– Когда я узнала о существовании Ока и одновременно о том, кто им владеет, картина мира чуть было не разлетелась для меня на мелкие кусочки, вновь собрать которые воедино стало бы невероятно трудно, а то и невозможно. Ведь получалось, что любой болван, оказавшийся в нужном месте в нужное время, может начать творить мир по своему образу и подобию, каким бы мерзким этот образ не был. Но потом меня посетило озарение: все правильно, так и должно быть, принцип высшей справедливости и должен состоять в том, чтобы давать шанс всем без исключения. Все и всегда должно решаться в борьбе...

– У вас что же, не хватило бы объединенных магических возможностей совладать с этим выскочкой и самозванцем там, на ледяном острове? – Сварог закурил, а глядя на него запыхтел трубкой и Босой Медведь.

– Сил *совладать*, может быть, и хватило бы, а вот *добраться* до самозванца мы не могли. Тут, действительно, сил было явно недостаточно. Он не выпускал Око из виду и не покидал свой остров-химе-

ру. Самозванец не использовал возможности Ока и на одну сотую, зато на все сто обезопасил ближние подступы. И тысяча величайших магов всех времен, соберись они вместе, не сумели бы разрушить защиту, воздвигнутую с помощью Ока вокруг острова, тоже, кстати, воздвигнутого с помощью Ока. Существовал лишь один способ проникнуть на остров и добраться до самозванца...

Последние кусочки мозаики вставали на свои места. Однако, ну и хитрая же бестия, эта Щепочка...

– Чтобы лже-Визари сам зазвал, затянул в гости, – нахмурился Сварог. – Но наивностью и доверчивостью он не отличался. Ему следовало преподнести что-то в высшей степени необычное и одновременно неопасное для него – в *его* понимании. И при это до крайности любопытное, мимо чего он пройти никак бы не смог. Например, человека из другого мира, владеющего магией другого мира и потому вроде бы не страшного для магии местной. Например, меня.

ТЕСНЫЕ КОНТРАКТЫ ТРЕТЬЕГО ВИДА

Медведь, как видно, окончательно выпал из реальности — он смотрел на Сварога расширенными от изумления глазами и приоткрывши рот, трубка едва не выпала из разжавшихся зубов, дым из нее ел Медведю глаза, но он этого не замечал.

— Спросите меня, сколько я в политике, и я отвечу: сколько себя помню, — примирительно заметил Мар-Кифай, вступая в разговор. Судя по его вернувшемуся спокойствию, *эти* откровения для него сурпризом не были. — Сами понимаете, я привык смотреть на вещи с циничной прямотой. Так вот: наше положение не в пример хуже положения официальных властей. У них всегда найдутся резервы, за счет которых можно восполнить потери. У нас ничего этого нет. У них есть исправно действующая структура, где не столь уж важно, кто ее возглавляет, — чуть хуже, чуть лучше, но она будет работать. У нас многое, если не все, держится на личности нашего

предводителя, известного всем под именем Визари. Если наше дело лишится лидера, оно рухнет. Вы появились *здесь* как нельзя более вовремя, поэтому мы не имели права на ошибку, не имели права и упустить такой случай. У нас был всего один выстрел, и он должен был стать смертельным для самозванца, владеющего ключом к победе.

– Если уж договаривать до конца, милейший Мар-Кифай, со столь милой вашему сердцу циничной прямоотой, – едва сдерживаясь, чтобы говорить спокойно, ответил Сварог, – то самозванец сам по себе был вам не очень-то интересен и опасен, его самозванное бытие не очень-то беспокоило вас. Вас беспокоило Око, которое во что бы то ни стало должно оказаться у вашей команды. И, похоже, сейчас вы уверены, что добились своего. Что заполучили-таки Око.

И Сварог выразительно похлопал себя по груди.

– С циничной прямоотой я скажу вам: ошибаетесь, любезнейший Сварог, – Мар-Кифай грустно покривил губы. – Будь мы заинтересованы в одном лишь Оке, мы бы не разговаривали сейчас с вами в этом чудесном замке, а Око было бы уже у нас. Ведь вы, простите за откровенность, вашу спутницу по имени Щепка ни в чем таком не подозревали?

– Ну, ну, господин верх-советник, – усмехнулся Сварог, – вы уж совсем меня за провинциала держите. Спутницу Щепку, конечно, не подозревал, врать не буду, но наготове был постоянно. Что называется, по привычке и на всякий случай, и застать меня врасплох – дело не самое легкое, смею вас уверить.

– Да прекратите вы, в самом-то деле, – Щепка-Визари стукнула вилкой по тарелке. – Мы не азартные игроки в политические кости и не авантюристы... Конечно, каждый из нас преследует и свои личные цели, неразумно было бы это отрицать. Но наши маленькие цели увязаны, как снопы веревкой, одной великой Целью. И я хотела бы, чтобы и ты, *атаман*, увидел свою личную цель в неразрывной связи с нашей великой Целью, стал бы нашим союзником. Нам необходимы сильные союзники не меньше, чем необходимо Око, здесь нечего и незачем скрывать. Поэтому мы решили играть с тобой в открытую...

– Но не сразу решили, позволю заметить, – перебил Сварог. – Сперва, похоже, вы хотели разыграть мою карту втемную. Сдается, вас одолевали серьезные сомнения, а смогу ли я пригодиться великой гарандской революции.

– Понимаю вашу иронию, – дипломатично сказал Мар-Кифай, – но напомним вам, что вы – чужой. Вы прибыли сюда, если это правда, не просто из другой страны – из другого мира. Наша же наука не отрицает такой возможности, я бы с удовольствием расспросил вас о других вселенных, о том, как вам удалось проникнуть к нам, о вашем родном мире, но... Но это все потом. Сейчас, извините за прямоту, вы нужны нам для более важных дел. Более важных для *этого* мира. Да, мы использовали вас. Потому что не могли рисковать. Вы, повторюсь, чужой. Кто мог заранее предугадать, какая логика движет

вашими поступками, какой морали вы привыкли следовать, каково ваше отношение к королевской власти – тем более, что, по слухам, вы у себя на родине отнюдь не нужники чистили... Да и просто что вы за человек, в конце-то концов...

– Ладно. Хорошо. Допустим. Мы вроде бы хотели начать с главного, а начали с другого, – Сварог смочил горло вином. – Пора бы, по-моему, уже перейти к основной части нашей музыкальной пьесы. Итак, что у нас главное?

– Око, – не задумываясь, сказала Щепка-Визари. – С его помощью мы победим. Мы предлагаем тебе стать нашим союзником и пройти с нами остаток пути. Я достаточно узнала тебя, чтобы открыться и позвать с нами. Но если ты не захочешь присоединяться к восстанию, тогда скажи, на каких условиях готов уступить нам Око...

– А ежели же я наотрез откажусь уступить вам Око, то превращусь в смертельного врага, со всеми, как говорится, вытекающими, – Сварог насадил на серебряный двузубец кусок жареного мяса и, держа над ломтем хлеба, поднес ко рту. – Что, интересно, вы придумали, чтобы не дать мне выйти из замка?

– Зачем ты так... -- Щепка, хоть и была великим магом, но обиженно надулась, как девчонка, и отвернула голову.

– Я столько слышал об этом знаменитом Оке и, честно признаюсь, не терпится взглянуть, – сказал Мар-Кифай. – Правда, я не уверен...

– Да почему нет! Могу доставить вам такое удовольствие. – Сварог, прожевывая мясо, сунул руку под трико и достал Око Бога.

По стенам заворачивающе заскользили полосы света, на лицах заговорщиков играли причудливые блики. Повисла тишина, даже ветер за стенами как будто притих.

– У одного нашего романиста я вычитала хорошее сравнение человеческих страстей с огнем, – тихо произнесла Щепка. – «Огонь будет твоим преданным слугой на века, если ты правильно заботаешься о нем. Но лиши его пропитания – и он умрет, зачехнув. Но накорми его вволю – и он сам сожрет тебя»... Око – тот же огонь. Я это сейчас очень хорошо почувствовала. С ним надо быть очень осторожным. Самозванец был ничтожеством, но в чем ему не откажешь, так это в осторожности. Он много мог бед понаделать, но предпочитал сидеть тихо, вдали от людей, запереться в собственном уютном мирке и не высовываться. Я думаю, оттого, что тоже чувствовал излучаемую Оком мощь и опасался ее...

Сварог спрятал Око, и наваждение развеялось.

– Не спешите с решением, *атаман*, – твердо сказал Мар-Кифай. – Выслушайте нас. А то, чего доброго, вы полагаете, что вам предлагают авантюру или вербуют поучаствовать в резне... Я ничего не могу сказать о возможностях Ока и полностью доверяю в этих тонких вопросах госпоже Визари... однако я неплохо разбираюсь в политической ситуации, а ситуация эта как нельзя более благоприятна

для переворота. Да, да, – верх-советник взглянул на нахмурившуюся Визари, – эту часть замысла я предпочитаю называть своим именем: переворот. Хотя мы и замыслили самый мирный переворот в истории Гаранда, – Мар-Кифай улыбнулся Сварогу. – В императорский дворец под покровом ночи не ворвутся молодые горячие офицеры с кинжалами под плащами. Никто не выведет народ на площади и, вооружив камнями, не поведет громить кварталы знати. Не будет костров на площадях, восставших воинских частей и бомбометаний с аэропилов. Увы, как показывает та же история, власть, захваченная подобным образом, недолговечна...

По поводу последнего утверждения Сварог мог бы поспорить с уважаемым верх-советником, но момент для этого сейчас сложился крайне неподходящий. Потом как-нибудь покалякают, за рюмкой коньяка из императорских подвалов.

– Мы просто *подберем* власть, от которой откажутся нынешние вершители судеб, потому что сами не смогут править по-старому. А по-другому они не умеют. – Мар-Кифай выбрал из груды яблок на столе самое красное. – Поверьте, во мне нет ни капли идеализма. План построен на точном расчете и безусловном понимании ситуации. Император – ничто. Наш император больше похож на Гру-Охоша, персонажа синемаатографических комедий, на большого ребенка с недетскими пороками, чем на верховного правителя великой Короны. Он подписывает, не читая, все законы, вносимые Верх-советом.

Так что реальная власть сосредоточена в руках Верховного совета, а наибольшим влиянием, что нисколько не удивительно, пользуется глава Каскада.

Мар-Кифай взял короткий столовый нож, насадил яблоко на острие.

– Сперва потребуется впечатляющая демонстрация нашей силы. Для этого и необходимо Око. Как я уже говорил, при тотальном запрете магии, тем не менее, маги состоят на службе в Каскаде и даже при верховной власти. Увы, среди них есть сильные фигуры. Поэтому демонстрация должна быть по-настоящему впечатляющая, оглушительная. Чтобы верхово-советники враз ощутили собственную уязвимость и незащищенность, уверовали бы, что Каскад их не сможет уберечь. Вот тогда они точно согласятся на наше предложение. Тем более, что ничего ужасного от них не попросят. Это очень важно – начать с малого, с того, в чем не углядеть ни малейшего посягательства на власть. А *просьба* будет сводиться к одному-единственному пункту – объявить магию официально существующей... ну, не знаю, силой, партией... профессией, в конце концов! Легальным видом деятельности! И все, и больше ничего. Согласятся. Мне ли не знать тех, в чьих руках находятся рычаги управления Коронай.

Мар-Кифай вырезал у яблока часть мякоти вместе с черенком.

– Вам я могу подробно рассказать обо всех людях, в чьих руках находится непосредственное управление министерствами, промышленностью и

вооруженными силами. Но зачем вам эти подробности *сейчас*? Коротко говоря, наш единственный серьезный противник на данный момент – Каскад.

Верх-советник принялся снимать с яблока кожуру, вода ножом по кругу.

– И после того, как указ о легализации магии начнет действовать, у Каскада будет всего одна возможность повлиять на ситуацию. Физически истребить верхушку заговорщиков, – и Мар-Кифай поочередно показал кончиком ножа, испачканным яблочной мякотью, на Визари, Сварога и даже на Босого Медведя. – Следовательно, задача номер два – не дать Каскаду добраться до нас. Если мы уцелеем, то спустя некоторое время – и я вас уверяю, непродолжительное время – подданные Короны радикальным образом переменят свое отношение к магии. Чему непременно поспособствует изменение идеологии. Легализовав магию, придется вносить коррективы во внутреннюю политику. Если конкретнее – людям будет объявлено, что черный маг Визари погиб в единоборстве с белым магом, с его смертью закончилась эпоха чернокнижья и наступает новая эпоха – белой магии. Может быть, скажем, что Визари погиб от рук своего брата или... или сестры. Ну да, конечно, сестры! Ведь практически никому не известно, что вождь революционеров – женщина... к тому очаровательная. Заодно проведем подспудную апелляцию к мифологии, где постоянно бьются между собой боги, которые тоже все друг другу родственники. Должно дополнительно подеи-

ствовать... Но это уже детали и тонкости, которые придется додумывать профессиональным идеологам, социологам, психологам и иже с ними...

Серпантин яблочный кожуры опустил на доски стола, верх-советник держал в руках очищенное, лишенное кожи яблоко.

– Очень скоро естественным образом назреет необходимость ввести в Верх-совет советника по магии. Вам назвать этого советника? Нет, конечно, госпожа Визари явит себя народу Короны не под этим именем и уже тем более не под своим родовым именем... – Мар-Кифай досадливо поморщился и разрезал яблоко на две половины. – Жаль, что вы имеете отношение к Ахт-Логону. Жаль, что вы не сказали мне об этом раньше. Может выплыть наружу. Строго говоря, вы не прямой потомок и не потомок вообще, и все же, все же...

– Не беспокойтесь, – перебила верх-советника Щепка-Визари. – Наружу не выплывет ничего, что сможет повредить. Выражаясь вашими словами, этим займутся профессионалы. Лучше поведайте нашему другу, что будет дальше.

– Что будет дальше? Дальше все будет происходить само собой, неотвратно и стремительно. А чтобы *это* происходило еще стремительней и неотвратимей, мы не пустим события на самотек, но станем ими управлять, направлять, ускорять и – местами – замедлять; словом, направим бурную реку в нужное русло. Например, среднее звено, молодые дельные заместители, энергичные исполнители с

нереализованными амбициями, почувствуют свой шанс сразу выбиться в люди без долгой и нудной возни на ступенях...

– А вы изыщите способ намекнуть им, что их усилия не то что останутся незамеченными, а вовсе даже наоборот – будут должным образом вознаграждены, и со временем они смогут достичь неких серьезных высот, – без тени насмешки сказал Сварог. – И, таким образом, получите дополнительную опору своим реформам грядущего переустройства мира.

– Совершенно верно! – воскликнул верх-советник. – Вы схватываете на лету, с вами приятно иметь дело! Если бы еще как можно быстрее удалось нейтрализовать сопротивление Каскада, а сопротивление бесспорно будет, – Мар-Кифай принялся вырезать у яблока сердцевину, – и если бы мы только могли рассчитывать на вас в этом неминуемом противостоянии...

Мар-Кифай закончил фразу многозначительной недоговоренностью, рассчитывая, вероятно, на то, что Сварог, не сходя с места, ответит согласием на предложение. Сварог, однако, предпочел не торопиться.

– А в дальнейшем? – спросил он. – Как стратегически далеко вы заглядываете? На сколько лет вперед?

– Понимаю подтекст твоего вопроса, – снисходительно улыбнулась Щепка-Визари. – Не смотрим ли мы на мир сквозь радугу, как говорят в Нилле? Отнюдь. Мы прекрасно понимаем, что большинству людей все равно – в одном мире жить или в другом, в загоне находится магия или она разрешена, что

будет завтра и уж тем более – послезавтра. Этому большинству необходима лишь сытая спокойная жизнь. Но даже они почувствуют, что жить им станет удобней, сытней и веселей. Впрочем, мы стараемся не для них, мы стараемся для меньшинства. Для того *всегдашнего* меньшинства, которое и толкает историю вперед. Им мы подарим возможность раскрыть себя и оживить все стороны жизни, которые сейчас спят глубоким сном...

Сварог размышлял недолго. Заговорщики заговорщиками, а у него были и свои дела... которые, вероятно, пересекутся с делами революционеров.

– У людей торговых профессий в ходу такое понятие, как контракт, – сказал он неторопливо. – А сие есть, как известно, взаимоустраивающая система договоренностей и оговорок, скрепленная гербовыми печатями или же словом честным, купеческим... Я, признаться, к торговым и купеческим людям отношения не имею, однако собственными интересами не поступлюсь... Так вот, подпольщики вы мои дорогие, я хочу, чтобы мы заключили с вами контракт. – Сварог сел прямо. – Я понял, чего вы добиваетесь, чего вы хотите от меня лично и от жизни как таковой. Чего же, спрашивается, хочу я от жизни как таковой? В данный момент, я хочу найти выход из вашего гостеприимного мира. Раз был вход, значит, найдется и выход. Посему в пункт первого нашего контракта, буде такой состоится, предлагаю занести следующее: сторона, именующая себя «Визари и компания», обязуется в обмен на магический

артефакт под названием Око Бога бросить все магические, человеческие и прочие силы на поиски Двери. Строго говоря, это может быть и Дверь, и Ворота, и Зеркало, и черт знает что еще, важно – чтобы это был выход из этого мира... вовне. Ваша Стежка, насколько я понял, есть нечто похожее, только моя должна соединять не две точки Гаранда, а две точки разных вселенных. Как только я окажусь на пороге этой Двери вовне и удостоверюсь, что это никакой не обман, Око перейдет вам.

Видя, что Мар-Кифай хочет что-то сказать, Сварог предостерегающе поднял палец.

– Я прекрасно понимаю, что Око вам необходимо прямо сейчас, ждать вы не можете, да и не хотите, а лишней Двери у вас под рукой нет. По этому поводу предлагаю пункт второй нашего контракта. Я готов стать вашим союзником на то время, пока не отыщется Дверь. И Око будет служить нашим с вами общим интересам. Только уж не обессудьте, граждане подпольщики: из рук я его не выпущу. Я вам, конечно, доверяю и все такое, но так оно будет спокойней... А пункт третий нашего предполагаемого контракта я посвящаю исключительно вопросам доверия и недоверия.

Сварог надкусил яблоко, положил его на стол, сосредоточился... Получилось. Надкус затянулся – яблоко снова стало целым. Небольшое застольное магическое развлечение.

– Итак, пункт третий. Я должен знать, что именно предпринимается для поиска Двери, должен по-

лучать всю добываемую информацию. Также я должен принимать самое деятельное участие в поисках Двери. Насчет доверия к моей скромной персоне и моей лояльности сами что-нибудь придумайте. Вот, собственно, и все. Разве что осталось упомянуть пункт, который обычно в контракты не вписывают. Но мы впишем... скажем, как подпункт к пункту три. Это про обман, про попытки хитрить и блефовать. Я, знаете ли, наделен способностью *видеть*, когда мне лгут и когда со мной ведут нечестную игру. Так что, случись оные попытки с вашей стороны, и вы тут же станете свидетелями акта доподлинного волшебства, причем отнюдь не добрых, но диаметрально противоположных свойств. Из ценнейшего союзника я прямо у вас на глазах превращусь в опаснейшего врага. Не извольте сомневаться – у меня не дрогнет рука избавиться от вас в случае необходимости, несмотря на личную симпатию и общее боевое прошлое. Не люблю, знаете ли, когда предают. Это я не пугаю, упаси господи. Всего лишь хочу предостеречь от непродуманных действий. А так – считаю, мы договорились. Я, госпожа Визари, ваш союзник.

Он встал, отвесил легкий поклон.

– Вот теперь действительно все. Честь имею, верх-советник.

БЕСЕДЫ ПОД ТРЕСК ПОЛЕНЬЕВ

...— Сердишься?

— Нет. Просто не люблю, когда из меня делают дурака, веришь ли.

Она фыркнула за его спиной.

— Перестань, никто из тебя дурака не делал. Ты просто... просто не все знал и поэтому не вполне понимал, что происходит.

— А я, веришь ли, не люблю, когда я чего-то не *вполне* понимаю. Или не знаю того, что знать должен.

— Тише, атаман, тише, отряд перебудишь... Представляю, сколько у тебя вопросов ко мне. Ну хорошо. А вот ежели я прямо сейчас отвечу тебе на *все* вопросы, ты перестанешь дуться?

— Да не дуюсь я... На все?

— Ну... почти.

— Во-во. И почему это я не удивлен...

Он сидел все в том же зале, в свежесотворенном кресле перед разожженным камином. Просто

сидел с бокалом в руке, смотрел на огонь... и ни о чем не думал.

Он был один. И был в растрепанных чувствах. Верх-советник, откланявшись и заверив всех в полном своем почтении, отбыл по Стежке восвояси, Монах и Медведь, пресытившись впечатлениями последних дней, дрыхли без задних ног наверху. Снаружи висела беззвездная ночь, люстра и факелы были потушены, и лишь тусклые отблески от камина скользили по полу и стенам.

А потом пришла Щепка... Пардон, Визари.

– Ты не понял, – мягко возразила она. – На некоторые вопросы я и сама не знаю ответов, а некоторые... Атаман, это не только моя тайна, я не имею права... Ну хорошо, – ударив кулачком по спинке кресла, Визари обошла его и грациозно – и где она раньше эту грацию прятала, колдунья чертова! – присела на шкуру какого-то диковинного зверя, распластавшуюся меж Сварогом и камином. – Ладно, коли ты такой неверящий. Не хочу, чтобы между нами оставались недомолвки, коли уж мы оказались в одной команде. Давай сыграем в вопросы и ответы. Ты спрашиваешь – я максимально правдиво отвечаю – если смогу, – и ты проверяешь искренность с помощью своей магии.

– До сих пор ты благополучно *мою* магию обманывала, – Сварог посмотрел на нее сквозь бокал вина.

– Не было никакого обмана! – Визари порывисто отбросила со лба прядь волос и на мгновение ста-

ла прежней Щепкой, импульсивной, открытой и *своей*. – Слушай. Да, я сильный маг, быть может, самый сильный на Гаранде. Я умею очень и очень многое... Но только не противостоять твоей магии! Потому что она другая. Совсем другая. Понимаешь? И никто, наверное, не сумеет... Ну, это все равно как книга на незнакомом языке. Ты держишь в руках именно книгу, видишь в ней несомненно буквы, буквы образуют отчетливые слова, из слов складываются явственные предложения, а все вместе – наверняка увлекательное чтение... Но прочитать ты не можешь ни слова! Так и здесь. Я понимаю, что ты произносишь заклинание, знаю, на что оно направлено, однако противодействовать не в состоянии. Слишком разные у нас законы магии.

– Ну так и почему же я не чувствовал, когда ты врала мне?

– Фу, ваше величество, что за лексикон у вас... – Она хитро улыбнулась. – А потому, что на каждый меч, как говорится, свой щит найдется. Вот я и воздвигала такой щит, когда ты пытался прощупать меня на предмет искренности или магических способностей. Пользуясь недавней аналогией – я закрывала ту самую книгу на незнакомом языке, чтобы она меня не могла *прочитать*... Но теперь все щиты опущены, а забрала, напротив, подняты, я перед тобой, можно сказать, обнажена до предела... – И добавила азартно: – Ну что, сыграем?

Нет, положительно невозможно было сердиться на мерзавку, и Сварог невольно усмехнулся. Навер-

ное, следовало все ж таки уступить даме кресло, а не заставляя ее довольствоваться ковром, но... Но, во-первых, уступить кресло прямо сейчас значило бы сдать позиции, а во-вторых – эта двуличье, как оказалось, и на полу в свете камина смотрится весьма недурственно.

– Ну, давай попробуем, – вздохнул он.

– Спрашивайте, атаман, я в вашей власти.

Жаль, не было с ними незабвенного Рошалья. Вот уж кто бы смог вытрясти из чертовки *всю* правду, прикрывайся не прикрывайся магическими щитами! Так что Сварог до конца так не уверился на все сто процентов, что Щепка была с ним предельно откровенна. Хотя все, что она говорила, звучало по меньшей мере логично.

Собственно, все крутилось исключительно вокруг Ока Бога. А Око Бога необходимо было Щепке исключительно для разжигания пожара мировой революции. Да, наверное, она была самым сильным магом Гаранда – никто как-то не проверял, – однако ее силенок все равно не хватало. Она стала лидером магического подполья, бойцы-колдуны на всех обитаемых материках готовы были за нее в огонь и в воду, в народе ее обожали, власти ненавидели, но этого было недостаточно. Чем обширнее территория, которую захлестывает волна революции, тем сложнее держать ее под контролем, тем больше вероятность сбоя, ошибок... тем больше прольется крови. Необходима некая организующая, объединя-

ющая сила, способная в решающий час сплотить и направить мятежные массы. Для чего и потребовалось Око Бога – артефакт мощи необычайной, способный не только наделять его обладателя (или обладателей) тысячекратной силой, но и, в частности, пробуждать магические таланты у *простого* человека. Именно что в частности – поскольку познать и воспользоваться всеми возможностями Ока Бога свыше человеческого разума.

Вообще, считалось, что Око есть не более чем миф, легенда, а если оно и существовало в действительности, то во времена незапамятные и доисторические и, следовательно, нынче либо утеряно навсегда, либо уже израсходовало всю свою силу. Однако Визари удалось не только найти доказательства его реальности, но и локализовать местоположение.

Дело осложнялось лишь тем, что проникнуть на остров было невозможно: лже-Визари хоть и был дураком, но дураком умным и обезопасил себя от любого вторжения. Следовательно, нужно было, чтобы он сам, по своей воле открыл проход...

Остальное открылось еще во время беседы за столом переговоров: Визари использовала Сварога как приманку для любопытного самозванца. И если б Сварог не грохнул этого психа с манией величия, то в дело вступила бы она сама...

– Так, стоп, – вдруг перебил Сварог, осененной премерзкой догадкой. – А вот с этого места поподробнее. Значит, это ты говорила со мной там, на подлодке? Насчет взаимовыгодного дельца?

– Ага, – спокойно кивнула Щепка. – Видишь, какие у меня способности... Хотела сразу договориться насчет объединить усилия в захвате Ока. Назначила встречу, но аэропил был сбит Каскадом, и я на какое-то время потеряла твой след. Разозлилась жутко!

– Охотно верю, – кивнул Сварог. – И поэтому в силу вступил план Б: пусть пришелец сам отправится в лапки к психу, а мы приглядим за ним, посмотрим, что он за фрукт...

– Ну да. К тому времени на контакт со мной вышел верх-советник, он и посоветовал сначала разобраться, что ты собой представляешь, проверить в полевых условиях, а уж потом открыться... И я решила сама поучаствовать в этом *дельце*...

Она говорила правду. Дьявол, да лучше б врала!

– А в чем дело? У тебя вдруг такое лицо стало...

– Ничего, – медленно проговорил он, чувствуя, как в душе закипает ярость. – Абсолютно ничего... Позволь, я продолжу. Теперь оставалось только добиться, чтобы Сварог добровольно сдернул в направлении острова. Вербовка банды Медведя, захват скоростника – это все семечки для Визари, она и Медведя убедила, что работает у него на подхвате уже давно, и с кораблем подсобила. Так?

– Ну так... – осторожно ответила Щепка, с беспокойством наблюдая за Сварогом.

– Да. Но чтобы Сварог пошел на все это, пришлось пожертвовать мелкой никчемной фигурой – неким Гором Рошалем. Ты его заразила какой-то

редкой дрянью, лекарство от которой можно найти только неподалеку от острова с Оком. А дабы Сварог не заподозрил чего, попутно пўстила в расход еще пару-тройку людей – как и Рошаль, якобы жертв применения магии.

– Ах вот ты о чем...

Визари встала, отошла к камину. Сказала, не обращиваясь:

– Ты думаешь, что я ради камня убила твоего друга? Это не так. Можешь не верить, можешь подозревать, что я таки обманываю твой детектор, но *это не так*. Я не убийца. Да, я заразила Рошалья. Однако никакая это была не каменная лихорадка. Это было простенькое заклинание, вызывающее лишь симптомы болезни, внешние ее проявления, которые прошли бы сами собой через трое суток. Но определить, что это ложная лихорадка, можно только на специальном оборудовании. У Эйлоны такое оборудование имелось... Не знаю, успела ли она поставить правильный диагноз, или Каскад добрался до них раньше. Как бы то ни было, я его не убивала. И если я и виновата в его смерти, то исключительно лишь тем, что разлучила вас.

Сварог до рези в глазах всматривался в ее ауру, стараясь найти и боясь найти темные полосы лжи. И не находил. Шут ее разберет, эту ведьму...

– Тогда кто же его...

Он запнулся.

– Вот именно, – сказала Визари. – Каскад. У него было слабое сердце?

– Не знаю.

– Ну, на тамошних допросах ломались люди и с сердцем быка, уж поверь мне...

Ее взгляд неожиданно потемнел.

– Ладно, – сказал он, – предположим, верю. А другие смерти?

Щепка покачала головой.

– Тут уж тем более я никакого отношения не имею. И даже не представляю, отчего так все случилось. Кто отправил «Черную молнию» на перехват моей подлодке, кто приказал сбить аэропил, на котором ты летел на встречу со мной, атака канатной дороги... Кто-то усиленно *работает* против тебя, атаман.

– Или против тебя.

– Или так... И, подозреваю, что это не Каскад – не их стиль. Я даже одно время думала, что это ты мне палки в колеса вставляешь. Что Каскад разработал хитроумнейшую операцию по внедрению в мой круг мага-перевертыша...

– Но потом передумала?

– Потом передумала.

– Вот спасибо... Н-да, дела. Хотя, с другой стороны, чему удивляться-то? С такой анкетой и такими способностями, как у тебя, весьма сомнительно, что этот «кто-то» только один, десяток-другой иностранных разведок просто обязаны за тобой охотиться... Ведь есть у вас иностранные разведки?

Визари кивнула.

•

– Вот видишь... И вообще, душа моя, объясни ты мне, за каким лядом ты полезла в эти революционные игрища? Неблагодарное это дело, уж поверь знатоку...

Она сотворила бокал красного вина, покрутила в пальцах, опять опустила на шкуры. Целая бутылка стояла на столике возле кресла, были и бокалы – но она предпочла колдовство. Машинально...

– Этот мир *остановился*, атаман, неужели ты сам не видишь? Знаешь, на что уходит треть имперского бюджета – та, что не оседает на личных счетах чиновников, приближенных к императору? На строительство плотин и ветряков. На поиски новых источников электрического тока. Гаранд задыхается, Гаранду не хватает энергии. А мы можем предложить ему новые источники! Или производство вообще без потребления энергии! Вот за что идет охота на магов: власти боятся лишиться доходов. Четыре пятых всех банков в Короне принадлежат акционерам из Гвидорского Союза. Почти восемьдесят процентов промышленности в Короне принадлежат им же. Протектораты и колонии *субсидируют* Империю! А поскольку Империя все ж таки цивилизованное общество, то мы не грабим их, но заключаем *договоры*. И по этим договорам львиная доля прибыли уходит обратно в Гвидор, а оставшаяся часть – в карманы тех, кто эти договоры заключает... И так далее. Я могу показать тебе экономические выкладки: против моей Короны идет самая настоящая война, без фронтов и воен-

нопленных – но это война. Империя прогнила, и грифы слетаются со всех сторон...

– Значит, тебе за державу обидно, – едва слышно произнес Сварог.

Но Визари услышала. И взорвалась:

– Мне за себя обидно! И в первую очередь я сражаюсь за себя! Я не виновата, что я маг! И что еще почти полтора миллиарда человек на Гаранде наделены способностями к магии! Почему мы должны таиться, почему должны скрываться? Что мы, не люди?!

– Щепка, Щепочка... – мягко позвал Сварог. – Я ж не спорю. Это твоя борьба и твой мир. Но только поверь мне: обычно в теории все выглядит прекрасно, а вот на практике сплошь и рядом оказывается гораздо труднее. Грязнее. Кровавее...

– Знаю, – спокойно сказала она. – Не просто верю – знаю. Я изучала в университете теорию революций... Но здесь, в нашем случае, все обстоит совсем иначе, и поэтому у нас есть шанс на победу. Мы готовим отнюдь не дворцовый переворот. Это будет аккуратный *разворот* – в политике, в промышленности, в экономике, в сознании людей, в конце концов. Разворот, которого ждут уже не одно десятилетие, потому что нынешняя власть со своими обязанностями не справляется. А падающую власть обязательно подхватят другие. И это будем мы. Все просчитано специалистами, выработан долгосрочный стратегический план преобразования... Никто не собирается вешать на площадях

баронов и министров, расстреливать несогласных или заваливать рынок дармовой продукцией. Никто не собирается разрушать! Структура власти и общественных отношений пока останется прежней. Экономические связи тоже. Хочешь – мы поможем тебе обрести некоторые, *узконаправленные* магические способности, только докажи, что готов к этому, что не используешь свою силу во зло. Не хочешь – живи так, но не мешай другим. И *так* не хочешь жить – тогда вали из Короны, но все равно не мешай...

– Ну-ну, – скептически заметил Сварог. На словах все действительно выглядело безоблачно. Хотя, кто их разберет, *колдовской* мятеж – это вам не пьяная солдатня на улицах и не трупы буржуев на фонарных столбах, глядишь, и получится. – И ты веришь этому своему верх-советнику? – неожиданно спросил он.

– Мар-Кифаю?! Конечно, нет, ты что! – Щепка удивленно посмотрела на него. В ее глазах прыгали отсветы пламени, как отсвет розового неба в глубоком колодце. – С какой стати? Просто пока наши задачи сходятся. Он хочет свалить императора – на этом этапе нам тоже необходимо выбить опору из-под ног у противника... Но смена человека во главе Империи – это его единственная цель. Мы же собираемся изменить весь мир. За Мар-Кифаем следят, и если он попытается вести свою игру – что ж, придется наказывать. Он знает, какие ставки на кону... Господи, знал бы ты, как мне все надоело! Как хочется хоть на часок забыть, что я великий маг и

вождь миллионов, как хочется побыть просто *женщиной*... Но – нельзя. Я уже выбрала свою судьбу и отступать не намерена. Возможно, этот дедушка из ущелья прав – все суeta и детские игры... Однако я не сверну. Поздно сворачивать. – Визари отставила бокал и потянулась всем телом. – Ну?

– Что?

– Ты никак тоже каменную лихорадку подхватил? Долго ты там торчать намерен?

Некая сила вдруг ласково, но твердо вынула его из кресла, подняла над полом... Сварог даже испугаться не успел: миг – и он уже аккуратно был возложен на ковер рядом с колдуньей.

– Я и так сяду, и вот эдак, а он все допрашивает... Нельзя так, ваше величество, не бережете вы себя.

У Сварога на плечах зашевелилась ткань – это трико совершенно самостоятельно, без всяческих усилий с его стороны, как кожа со змеи, начало сползать с торса. Ведьмочка придвинулась вплотную, ее дыхание обжигало грудь.

– И откуда ты только свалился на мою голову?.. – прошептала она. – Впрочем, это даже здорово, что свалился. Обещай, что отправишься искать эту свою Дорогу не завтра... Тс-с! Молчи. Молчи... Мар-Кифай сведет тебя со знающими людьми, да и я помогу. Только не уходи завтра, ты нужен нам. Ты нужен мне...

Шепот ее стал прерывистым, слова – бессвязными. Да Сварог и не слушал ее. Не до Дорог ему было...

Глава 13

ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ: СВЯЩЕННИК РОН-ГАРДАР

На душе было маятно.

И доискаться причин такого душевного состояния труда не составляло: одиночество, непогодь за окнами, чувство, что являешься пешкой в чужой игре, и ничего не можешь с этим поделать – по крайней мере сейчас. Так что впору взять в руки гитару и затянуть хриплым голосом, да с надрывом, да так чтоб до печенок продирало: «Эх, ребята, все не так, все не так, как надо».

Но была еще одна причина душевного разлада. С недавних пор Сварог явственно ощущал некую раздвоенность, словно от него отделилась часть его «Я» и отправилась куда-то существовать сама по себе. До раздвоения личности, правда, еще не дошло, но иногда Сварогу казалось, что именно к этому все потихоньку и катится. Он даже несколько раз на полном серьезе проверял, на месте ли его

тень, что уже, согласитесь, симптоматично. А виной тому были сны.

С некоторых пор, а именно с попаданием в мир под названием Гаранд, Сварогу стали сниться пре-любопытные, престранные сны. Нет, на первый взгляд вроде бы ничего необычного: он видел Талар, видел свой дворец, видел Мару, Интагара, старуху Грельфи, друзей и придворных. Тоска по тому, что дорого и что покинуто, прорывается и во сны – ничего удивительного... Но сновидения были слишком долгими, пугающе реальными, логично продолжавшимися, они никогда не повторялись. Еще поражала и несвойственная снам достоверность в мельчайших деталях. Но главное, что смущало: во снах происходили события, свидетелем и уж тем более деятельным участником которых Сварог никак не мог быть – то были события, что могли произойти только после того, как он покинул Талар, окунувшись в Поток. И события те никак нельзя было назвать веселыми и радостными. Скорее уж в точности наоборот.

И почему-то особенно не давал покоя дворцовый балкон, с которого открывается вид на совершенно чужой мир. На этот потайной балкон он выходил во сне каждую ночь. С этого балкона он смотрел на сияющий огнями далекий незнакомый город, на залитые электрическим светом улицы, на шоссе с проносящимися по нему автомобилями.

Кстати, была еще одна удивительная особенность его сновидений – они не забывались на рас-

свете. Утром, после того, как ему впервые приснился потайной балкон, первой мыслью его было: «Может быть, этот балкон в Короне?! Тогда надо его во что бы то ни стало найти. Только как?»

Однако последующие сны кое-что прояснили. По *тому* шоссе проносились автомобили, а не электро-мобили. Кроме того, по скорости *те* машины значительно превосходили машины Короны. И городская архитектура была совершенно иная. И рекламы на улицах *того* города горело значительно больше, чем на *этих* улицах.

Сварог уж было отбросил мысль о Короне, когда его осенило: а если это – будущее мира Гаранд и, возможно даже, ближайшее будущее?! Это не может быть прошлое, хотя бы из-за автомобилей, которых на Гаранде отродясь не было. Но лет через несколько отчего бы им не появиться? А что до архитектуры, то Сварог познакомился лишь со столицей, а городов здесь хватает, как, наверное, и архитектурных стилей...

Если бы он мог управлять сном, то непременно оставил бы на время королевские заботы, оставил бы вместо себя в кабинете двойника, прыгнул бы во сне с балкона вниз и проверил бы, что к чему. Но в том-то и дело, что своим сновидениям он не хозяин...

Эхе-хе, выпить бы хорошо, засидчиво, основательно, и не здешнего пойла с непрямым карамельным привкусом, а натуральной водки, чистой аки слеза, да излить душу товарищу верному... но только где такого тут найдешь? А что ни говори,

простой расейский загул снимает хмарь с души лучше всяких лекарств и премудрых докторов.

Сварог предавался печальным мыслям в отведенных ему покоях на втором этаже особняка верх-советника Мар-Кифая. Впрочем, покои эти он как раз намеревался покинуть. Уже осторожно скребся в дверь посланный Мар-Кифаем слуга и деликатно напоминал, что «господа собрались и ждут». Подождут. Поди, не за спасибо работают и не ради меня они благородно побросали все свои дела и примчались в этот столичный пригород.

Сварог уже облачился в трико для вечернего выхода в свет. Встал перед зеркалом, поправил накидку темно-вишневого цвета с красной изнанкой. Что за дурацкий вид! Особенно нелеп золотой треугольник на груди – ну что за безвкусица, право... да и пояс хорош, никак не позволяет отделаться от мыслей про реслинг. Насколько Сварогу было известно, фронтеры намерены возродить моду предыдущей эпохи – в этом они безусловно правы и заслуживают всяческой поддержки. «Или же, – подумал Сварог, – мое мрачное настроение черной тенью простирается надо всем. Вот и здешняя мода уже не по душе...»

Он вышел в коридор и неторопливо направился к лестнице. Впереди бесшумно скользил по ковровой дорожке давешний слуга, предупредительно открывая двери на пути следования «господина Ар-Сварга». Под таким именем Сварог поселился в особняке Мар-Кифая, где ему одному отвели аж це-

лый этаж. Впрочем, именно такого приема и заслуживал «полномочный представитель императора в находящейся на северо-западе материка Корона провинции Ахор», который имеет право доступа в императорский дворец и пользуется особыми привилегиями. Верх-советник никак не мог объявить Сварога кем-нибудь попроще, иначе не смог бы поселить гостя в особняке на законных основаниях.

Разве что во флигеле вместе со слугами.

Мар-Кифай лишних людей в тайну Свароговой личности справедливо не посвящал. Даже вроде бы насквозь надежного личного мага. Мало ли кто кому вдруг надумает верой и правдой послужить или кто кому ненароком проболтается...

Между прочим, в кои-то веки Сварог не использовал чужую личину для изменения внешности, а прибегнул к простому человеческому гриму. Все по той же причине – мало ли кто чем владеет. Хотя Мар-Кифай и говорил, что проверяет своих людей и даже поощряет внутри особняка негласный пригляд друг за дружкой с последующим донесением хозяину обо всех странностях, но верх-советник сам же первый и не верил в то, что никто из его слуг и работников не получает второго жалования в Каскаде. Увы, будь люди хоть трижды испытаны в делах, никак нельзя быть безусловно уверенными в ком-то, даже в своих домочадцах; никак нельзя исключать, что Каскад не завлек кого-то в свои сети, играя на слабостях человеческих, компромате и тщеславии людском.

Вот и не стоило прибегать к надеванию личин без нужды. Тем более, и под гримом Сварог был неузнаваем. Верх-советник лично загримировал его, по выражению Мар-Кифая, под типичного провинциального самодура. Есть такое поветрие в удаленных провинциях Короны – во всем, что безобидно и не наказуемо, с вызовом идти наперекор столице. Если, скажем, в столицах носят короткие плащи, то мы, дворяне дальних земель, будем щеголять в плащах, волочащихся по земле. Если в столицах входит в моду стиль поведения «Загадочная грусть», взятый из нашумевшей синемаграфической ленты «Апсодерии», то мы, дворяне дальних земель, будем напоказ шумны и безудержно веселы. Если в столицах бреют лица начисто, то мы, дворяне дальних земель, станем отращивать бороды лопатой, усы вразлет, волосы до плеч и кустистые бакенбарды...

Вот только разве без бакенбардов обошелся Сварог, гримируясь под гостя из «мятежной» провинции.

Сварог спустился на первый этаж, свернул налево, следуя за слугой-проводником. Очутился в длинном коридоре, по всей длине которого, словно гренадеры на посту, стояли огромные, в человеческий рост вазы с узкими горлышками, покрытые затейливой росписью. Если верить словам верх-советника, такие вазы – последний писк дизайнерской моды. И, как и любой писк, вазы, разумеется, стоят неслабых денег.

Да и гостиная, дверь в которую с поклоном распахнул перед Сварогом вышколенный лакей, не отличалась спартанской простотой обстановки. Хорошо, признаться, живет верх-советник, зажиточно. И будь Сварог чуть помоложе и чуть менее опытен в делах житейских, непременно про себя удивился бы: «Ну зачем ему при таких богатствах рисковать, ставить все на карту заговора? Живи да радуйся!» Однако Сварог немножко пожил на этом свете и отлично понимал, что если человек одержим такой страстью, как власть, то это навсегда, это неостановимо, власти, как наркотика, нужно еще и еще, все больше и больше. Деньги, роскошь – все это несущественно, когда тебя сжигает изнутри жажда власти...

Гостиная была оформлена в желтых тонах. И называлась она зело оригинально – Желтая гостиная. Еще в особняке наличествовали Синяя, Зеленая и Красная гостиные. Тоже, кстати, дань новомодному увлечению. Считалось, что для большего психического комфорта следовало выбирать гостиную под стать господствующему настроению. Сварог забыл спросить у верх-советника, какому настроению соответствует желтый цвет, но если судить по лицам ожидавших прихода Сварога людей – не самому плохому на свете. Видимо, как раз перед приходом «господина Ар-Сварга» верх-советник рассказал нечто уморительное, и гости дома поднимались из кресел со спинками в виде лир, все еще продолжая хохотать.

Согласно принятому в Короне этикету, Сварог раскланялся, приложив к воображаемой шляпе один лишь указательный палец. Ему отвечали тем же, в полном согласии с приятным в хорошем обществе ритуалом. Помимо верх-советника Мар-Кифая в гостинной было еще два человека. Одного звали Рон-Гардар, другого – Пер-Дигостан. Первый был молод, энергичен и жизнерадостен, служил он при Храме в Службе Рвения, здешнем аналоге святой инквизиции, только пользующейся методами помягче. Второй господин был много старше, дороден, вальяжен в каждом жесте и служил на поприще исторической науки в должности ректора столичного университета.

Сварог был обрисован этим людям как состоятельный провинциальный аристократ, которого от скучного прозябания в глухомани повело на сумасбродные идеи. Аристократ и возжелал, чтобы его имя всенепременно гремело по Короне, а громче всего, конечно же, в столице. И прославиться он замыслил на синематографическом поприще, сняв ленту (непременно с продолжением) о странствиях по мирам. Богатый сумасброд желает сценарий написать собственноручно, а построить его хочет на достоверном материале, каковым почитает не только исследования ученых мужей о загадочных и необъяснимых явлениях, в которых можно заподозрить участие чужих миров, но и легенды, предания, мемуары, рассказы разных там мореходов и прочего бродячего люда, и так далее, вплоть до вырезок из бульварных газетенок.

Как говорится, чем бы дитя не тешилось, лишь бы денежки платило. Так думали люди, к которым обращался за помощью господин Ар-Сварг, и с удовольствием брались за работу. А поскольку господин Ар-Сварга рекомендовал сам верх-советник, то трудились эти люди со всем усердием и скрупулезностью. Сварогу же оставалось только отделять зерна от плевел.

Увы, доселе попадались сплошные плевелы.

Сварог сел за стол, кивнул лакею, чтобы тот наполнил его чашку горячим иджиги (местным заменителем кофе, добываемым из зерен какого-то растения с замысловатым названием. Дерево сие, кстати, произрастало исключительно на некоем острове Бо-шим, ну и понятно, что остров этот видел столько войн, контрабандистов, пиратов и авантюристов, что любая порядочная воинствующая страна должна была бы немедля удавиться от зависти. На иджиги делались огромные деньги, на иджиги разорялись, возносились к лучам светской славы и кончали жизнь самоубийством... Ну, это так, кстати).

Сварог закурил длинную, инкрустированную перламутром трубку.

– Любезнейшие господа, – сказал Сварог, выпустив первое табачное кольцо. – Право же, я искренне рад, что судьба свела меня со столь образованными и умными людьми, и надеюсь на долгое, плодотворное сотрудничество. У меня большие планы, и в них для вас найдется место. По величайшему секрету скажу вам, что кинематографический мир, в

который я столь опрометчиво окунулся с головой, не знает слов «благородство» и «честь». Каждый норовит выхватить изо рта у другого лакомый кусок. Нравы хуже, чем у людоедских дикарей. Дабы прикарманить хорошую идею, синематографические люди пойдут на любое преступление. Да, да, господа, на любое! Поэтому я надеюсь, наш разговор останется между нами?

Гости закивали с величайшим энтузиазмом – надо полагать, без труда уловили подтекст, скрытый за словами о любых преступлениях.

– Признаюсь вам как родным, – Сварог по-своему подмигнул собеседникам и продолжал *нест*: – с отроческих лет мне не дает покоя сия загадочная тайна. Впервые я услышал о чужих мирах от своей няни Ар-Родиони, и тайна эта захватила меня всецело. Конечно, я довольно скоро перестал верить в действительное существование иных миров, кроме нашего, но тоска по ним осталась... Вот и я надумал избавить себя от сей тоски, создав видимость чужого мира с помощью возможностей, что открывает нам синематограф. Трилогию... или даже тетралогию думаю назвать как-нибудь так... «Миры и войны» или «Война миров».

Кивками и мимикой гости выказали одобрение.

– Теперь, господа, я превращаюсь в слух. Я вижу у вас с собой записи, – Сварог показал на пухлую папку дорогой кожи с золотым гербом университета, лежащую на столе перед ректором Пер-Дигостаном (перед молодым инквизитором Рон-Гардаром

тоже лежала папка, только малость потоньше). – Но я предпочел бы прежде, чем сесть за чтение, услышать от вас лично о проведенных изысканиях, чтобы иметь возможность что-то уточнить, о чем-то спросить. Давайте приступим. Кто начнет первый?

– Могу я, если уважаемый ректор не возражает! – выдохнул молодой священнослужитель с азартным лицом.

Ректор не возражал, и юноша порывисто расстегнул папку.

– Вы правильно сделали, господин Ар-Сварг, что обратились именно ко мне! Я ведь занимался чем-то подобным в свое время. Нетрудно было вспомнить и отыскать нужные документы. И удалось обнаружить кое-что любопытное. – Он зашуршал бумагами. – Мы сейчас всецело посвящаем себя Гвидору. На Короне уже не осталось ни сект, ни еретиков. Правда, нет, да появляются маги-чернокнижники, но ими занимается Каскад. А мы противостоям лишь искажителям Учения об Истинном Свете. Ну а про Ханнру я вообще не говорю! Храм и наша Служба Рвения считает Ханнру землями, не достойными Истинного Света, поэтому, сами понимаете... – он пожал плечами. – О Ханнре вам надо расспрашивать путешественников. Хотя... Может быть, мой коллега что-нибудь знает о Ханнре из исторических документов...

На «коллегу» ректор Пер-Дигостан поморщился. Записывать в коллеги юнца такому солидному, уважаемому человеку, как ректор, явно не хотелось. Но он промолчал.

– На Гвидоре Храму приходится нелегко, – продолжал пылко вещать юноша. – Увы, Храм в тех землях принято отождествлять с верховной властью, а не секрет, что ее в протекторатах, мягко сказать, недолюбливают...

Может быть, юноша сообщал и не секрет, но голос однако механически приглушил.

– Разве что в протекторате Стошепт поддерживается хотя бы видимость благочестия, да и то потому лишь, что там расположены самые крупные порты Гвидора, а моряки, как известно, испокон веков почитают Храм, так как первые корабли были построены на средства Храма... Эхе-хе, а в остальных землях, куда ни глянь – разное верие, спекуляция на Истинной вере, чего там только нет... – Молодой священнослужитель обреченно махнул рукой. – Доморощенные пророки с сомнительным прошлым чувствуют себя на Гвидоре, как рыба в воде. Во всех городах направо и налево торгуют так называемыми подлинными Книгами Рождения Света, где якобы восстановлены главы, якобы изъятые из Книги служителями Храма, чтобы обмануть людей себе в угоду. Особенно досаждают нам адепты лжепророка Многоуста. В его честь чуть ли не в открытую строят часовни, не говоря уж про то, что в любом лесу можно отыскать украшенное бусами и лентами Живое Дерево, под которым и поклоняются этому бесноватому болтуну...

«Вот бы Монах слышал сейчас, как отзываются о его любимом пророке, – подумал Сварог, храня на

лице печать глубочайшего внимания. – Минимум – в рыло засадил бы...»

– Я с удовольствием послушаю о трудностях Храма на Гвидоре в следующий раз, – мягко перебил он. – Сейчас меня занимают другие темы...

– Конечно, конечно, я помню, – торопливо проговорил Рон-Гардар. – Только я не случайно заговорил о непростом положении на Гвидоре... Дело в том, что зачастую места, тем или иным образом связанные с чудесами или с проявлениями таинственного и непознанного, враз становятся объектами поклонения и разнообразных мистических спекуляций. Очень часто вблизи таких мест возникают стихийные поселения. На Гвидоре даже существует такая разновидность торговли как торговля артефактами с этих самых мест. Обломки склепа Неизвестного Короля, щепа Вечного Дерева, кости древних животных со дна Черного Озера. Нетрудно догадаться, что подделок гуляет гораздо больше, чем подлинных вещей. Мы стараемся отслеживать все так или иначе связанное с объектами мистического поклонения. Я покопался в наших архивах. Отбросил откровенные басни и сказки, никоим образом не относящиеся к заданной теме. После тщательной проверки отбросил свидетельства, на первый взгляд интересные, но безусловно не имеющие под собой реальных оснований. Вроде старинной побасенки о Кирпичных Колодцах, куда загляни – и узришь «иную жизнь». Мало того, что об этих Колодцах все только слышали от кого-то, но не имеется ни одного

показания очевидца. Мало того, что Храм не признает возможности узреть иную жизнь без веры в душе. Главное – если б такое чудо на самом деле существовало, смею вас уверить, его давно бы обнаружили, нанесли на карту и там давно стоял бы по меньшей мере шатровый городок, а какой-нибудь новоявленный пророк с утра до ночи проповедовал бы возле них сходную с бредом ересь.

– Ну а если все же... – задумчиво протянул Сварог.

– Исключено, – отрезал юноша. – Подобные «чудеса» разыскивают не только искатели приключений и прочие бродяги всех мастей, – их разыскивает и наша служба, в этом состоит одна из ее обязанностей...

– Понимаю, – кивнул Сварог. – Ваша задача – опередить конкурентов, не дать им развернуться, не дать открыть новую площадку для проповедников, что отнимают у Храма прихожан. Таким образом, логично будет предположить, что вы либо уничтожаете чудеса, либо превращаете их в места, находящиеся под защитой и покровительством Храма.

– По-разному бывает, – тонко усмехнулся молодой священнослужитель. – В каждом конкретном случае принимается отдельное решение в зависимости от обстоятельств и перспектив.

– Так что получается, Гвидор исхожен вдоль и поперек? – подал голос верх-советник Мар-Кифай.

– Нет, так не скажешь, – покачал головой Рон-Гардар. – Гвидор – это, конечно, не Ханнра, сплошь неизученная и неисхоженная, однако и на Гвидоре

хватает мест, куда крайне нелегко добраться. Кроме того, новые чудеса обнаруживают даже в тех местах, где раньше ничего подобного не отмечалось. Например, не так давно вблизи города Талипак забил источник, вода из которого разглаживает морщины. Правда, ненадолго, эффект длится всего несколько мгновений, потом кожа возвращается к прежнему состоянию, но и этой малости оказалось достаточно, чтобы весть о целебной воде разнеслась по всему Гвидору, и к роднику ринулись толпы жаждущих омыться. Конечно, большинство из них составляли женщины. Хорошо, что источник первыми обнаружили мы...

– Что, надо думать, приносит Храму неплохой доход, – негромко хмыкнул ректор.

– Свои доходы Храм употребляет исключительно на благие дела! Или, по-вашему, лучше, чтобы подобные дароносные места узурпировали мошенники, благо закон это позволяет, и вырученные ими деньги оседали бы в карманах трактирщиков, гуляющих женщин и содержателей домов азартных игр? За обладание чудесами на Гвидоре приходится побороться. Вы слышали о Бархатной Книге? Странно, на Гвидоре о ней знает любой. Книга – реликвия города Шорг. Сперва мы заподозрили чистой воды мошенничество, потому что слишком большие доходы книга приносит городу, да и всей провинции... Еще бы, неиссякаемый поток паломников! Однако проведенная проверка показала, что книга и вправду обладает приписываемыми ей

свойствами. А свойства эти такие: несколько раз в день камни, вделанные в металлическую окантовку фолианта, начинают светиться, и пока они не погасли, любой человек может открыть книгу наугад, провести ладонью по странице и дальше ждать, что это ему принесет. Может принести что угодно: удачу, неудачу, исцеление от неизлечимой болезни, внезапную смерть. Скорее всего, ваша судьба зависит от того, какую страницу вы откроете. Мы тщательно отслеживали судьбы людей, соприкоснувшихся с Книгой, но какой-либо закономерности выявить не удалось. Грешники оказывались осыпаны благами, праведники наказаны. А то и наоборот. Однако бесспорный факт: что-либо, так или иначе влияющее на судьбу, происходило со всеми, кто проводил ладонью по страницам. А иногда, господин Ар-Сварг, соприкоснувшиеся с Книгой люди исчезали бесследно, будто проваливались из этого мира неизвестно куда. Они выходили из дома, входили в дом или сворачивали за угол, после чего никто никогда их больше не видел. И подобных случаев отмечено немало.

– Хм, неужели так много желающих рискнуть всем и изменить свою жизнь в неизвестную сторону? – задумчиво проговорил верх-советник.

– Не то слово! – воскликнул Рон-Гардар. – На счастье, камни в обложке Книги светятся не столь часто, а в ином состоянии Книга бесполезна. Дотрагиваясь хоть сто раз – ничего не произойдет.

– Так что же внутри Книги? – спросил Сварог.

– Текст на незнакомом языке. Естественно мы скопировали большинство страниц, хоть доступ к ней, сами понимаете, всячески затруднен охранными предосторожностями. Постепенно копируем и остальные страницы. Однако мало что удалось установить, и нет никакой уверенности в окончательной удаче. Алфавит абсолютно неизвестен, аналогов не имеет, письмо скорее всего слоговое, расшифровке пока не поддается. Рисунков нет, зато много страниц, из которых ножом вырезаны фрагменты текста. Бесспорно, Книга древняя...

– Возраст Книги примерно полторы тысячи лет, если судить по состоянию пергамента, – вынужден был согласиться ректор. – Это один из древнейших артефактов Гаранда. Существует версия, по которой Книга создана первой цивилизацией нашего мира, около тысячи лет назад уничтоженной природными катаклизмами. Я знаю о Бархатной Книге не понаслышке. Дело в том, что один из моих коллег получил доступ к ней, что стоит, я вам скажу, весьма и весьма кусаче, и своей очереди ему пришлось дожидаться не один месяц. Однако, как выяснилось, стоило того. Он получил, что хотел – стал отцом.

– М-да, любопытная книжица, – сказал Сварог и нисколько не покривил душой. – А кроме нее что имеется?

– Кроме нее есть еще лестница Од, – продолжал молодой священнослужитель. – На востоке Гвидора проживает немногочисленная народность, называющая себя одринами. Язычники, совершенно не-

восприимчивые к Учению Истинного Света, хотя Храмом неоднократно предпринимались попытки обращения. Одрины поклоняются своим звероподобным богам, считают, что наш мир есть огромная лепешка с загнутыми, чтобы не выливалась вода, краями. Живут в землянках и красят зубы в черный цвет, полагая это красивым. При всей их дремучести, у них обнаруживаются вещи, появление которых невозможно объяснить. Скажем, миссионер Дош-Вайлон видел в землянке одринов альтиметр странной конструкции, он после справлялся в Унии Авиаторов – ничего подобного никогда не существовало. Предмет стоял в углу, на полочке, украшенный сосновыми ветками, одрины к нему относились как к священной реликвии, а когда миссионер подошел, чтобы рассмотреть альтиметр вблизи, его с криками и тычками выставили из землянки. Другие миссионеры тоже описывали предметы, которых раньше нигде не встречали и назначение которых им было непонятно... Откуда они? Если одрины и отвечали на вопросы, то только в том смысле, что это, мол, дары богов. На земле одринов найдена так называемая лестница Од. Возле лесного озера находится несколько огромных валунов, сложенных друг на друга наподобие лестницы. Согласно одному из преданий одринов, это сооружение ни что иное, как трон Гостаса, бога громов и дождей, их верховного божества. И если кому-то необходимо предстать перед Гостасом, он должен в грозовую ночь взойти на каменный трон, три раза прокричать что есть

силы имя бога, и тот призовет человека к себе... Вот только обратной дороги нет. Тот самый миссионер Дош-Вайлон, отличавшийся любопытством, проделал все, как нужно, но ничего не произошло.

– Наверное, бог Гостас признает только своих соплеменников, лишь для них открывает небесные двери, – хохотнул верх-советник Мар-Кифай.

Юноша пожал плечами.

– Не скрою, нам немного известно об одринах и их богах. Как я говорил, наша служба особенно тщательно отслеживает деятельность всевозможных сект, по возможности уводя людей из-под их влияния. Сект в Короне, к сожалению, хватает. По вашему запросу, господин Ар-Сварг, могут представлять интерес Смотрящие в Воду и Ожидающие. Первые живут довольно крупным поселением на берегу моря, на самом юге Гвидора. По их убеждениям, Истинный Свет, ниспосланный Творцом, не пролился ни каплей на землю, а растворился в океанских водах, и нет на свете ничего благостнее и святее той воды. Они верят, что под водой существует особый мир, населенный людьми, во всем превосходящими обитателей земли. И тех, кто проживет жизнь достойно, будет взят под воду, где его воскресят и одарят бессмертием. Поэтому своих покойников они хоронят в лодках, просто отталкивая от берега.

– Очень интересно, – сказал Сварог. – А что Ожидающие?

– Ожидающие – секта старинная, существующая уже двести пятьдесят лет. Они живут в ими же по-

строенном монастыре, находящемся неподалеку от города Некушд. Все двести пятьдесят лет они *ждут*. Чего? Сейчас я вам зачитаю выдержку из пророчества, которое Ожидющие чтут и по которому живут. Вот, послушайте: «В День Великий, в час Бушующего Света. Дан будет Знак. Отверзнутся Врата, кои вширь до пределов земных, вглубь до черных кипящих камней и еще глубже. Падут ниц народы и расы. Отринут богов неправедных и примут богов истонных. Прахом станут грады и веси. Из Врат выйдут Строители и из Света возведут грады новые, не заслоняющие Свет. И воцарится Царство добра и разума, простирающееся от мира до мира». Как вам?

– Мне доводилось слышать немало всяческих пророчеств. Главная, объединяющая их особенность – туманность предсказаний, – осторожно сказал Сварог.

– В данном случае в клубах пророческого тумана проступает одна весьма четкая деталь. Пророчество должно сбыться именно в этом году, – Рон-Гардар вложил листы в папку. – У меня все.

ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ: РЕКТОР ПЕР-ДИГРСТАН

– Мой коллега, – «коллегу» ректор Пер-Дигостан особо выделил голосом, – великолепно познакомил нас с религиозным беспокойством на Гвидоре. Не знаю, как много можно извлечь из этого для создания эпопейной ленты, но я слушал с удовольствием и не скрываю, что кое-что новое узнал. Надеюсь, и мне удастся обогатить коллегу некими новыми сведениями уже из области истории.

Теперь пришла пора раскрывать свою папку университетскому ректору.

– Я разыскал в университетских архивах интереснейшие документы. Как известно, ледяной материк Эшт посетили две экспедиции. Одна побывала там тридцать лет назад, другая – восемь. Первая, известная как Ледяной поход Гот-Фагора, не вернулась, и о ее судьбе ровным счетом ничего неизвестно. Второй повезло больше. Возглавлявший ее верх-

шкипер Нори-Таст привел корабль назад и сумел сохранить половину экспедиции. Разбирая бумаги экспедиции, я наткнулся на любопытные записи в судовом журнале. В одной из них рассказывается о том, как одна из исследовательских групп, которые ежедневно направлялись с корабля для исследования материка, обнаружила ледяную пещеру. Вход в нее имел слишком правильные для природы очертания. Разумсется, исследователи вошли внутрь, где им пришлось довольно долго идти длинным извилистым коридором, который вывел их в конечном счете в огромных размеров зал. О размерах помещения в тех записях сказано так: высотой таков, как если бы поставить шесть человек одного на другого, в длину с корабль класса «скоростник», а в ширину даже превосходит такой же корабль раза в полтора. Из конца в конец зала тянулись в два ряда лежа изо льда, между которыми имелся лишь узкий проход. На каждом ложе лежал чело... Нет, лучше сказать, некое существо, обликом схожее с человеком, но в два раза выше человека. Лица великанов были узкими, вытянутыми и у каждого из них было лишь по одному глазу. Ни у кого из них грудь не вздымалась, не слышно было их дыхание, они не шевелились, но создавалось полное впечатление, что великаны спят. Исследователи прошли зал из конца в конец, этим и ограничились. Они решили больше ничего не предпринимать, а вернуться на корабль и доложить обо всем верх-шкиперу. Когда они вышли из пещеры, то попали под снежную лавину. Из груп-

пы исследователей уцелел лишь один. На следующий день к пещере отправилась новая группа исследователей, но вход они не нашли, видимо – он оказался завален снегом.

– Ведь это же было совсем недавно? – спросил Сварог.

– Я понял вашу мысль, – ректор сопровождал слова важным кивком. – Мне не составило труда навести справки о том, где сейчас находится тот самый, единственный уцелевший человек. В доме для страдающих психическими недугами. Он повредился в уме, вернувшись на Корону, и до сих пор пребывает в сумрачном состоянии рассудка. Если вам интересно, могу также сообщить, что верх-шкипер месяц назад отправился в очередную экспедицию к Поющим островам. Мне кажется, хотя это быть может и не мое дело, что с синематографической точки зрения выгодно перенести события ленты на материк Эшт. Люди любят необычные виды, экзотический антураж...

– Вполне возможно, – не стал спорить Сварог. – Но есть еще и такой аспект, как затраты, которые всегда хочется свести к минимуму.

– Понимаю, – улыбнулся ректор. – Тогда я расскажу вам историю, воплощение которой представляется мне менее затратным. Случилась она более трехсот лет назад, так сказать, на стыке эпох. На севере Короны между городами Трот и Пер-Ладон лежали владения некого Кен-Нецци, носившего ныне отмененный дворянский титул «земельный граф».

Кен-Нецци особо не выделялся среди дворян той эпохи. Зиму проводил в столице на балах и приемах, на лето уезжал в родовое поместье, где с утра до вечера охотился, а в свободное от этого занятия время опустошал винные погреба и одаривал своим вниманием молоденьких розовощеких крестьянок.

И вот однажды «земельный граф» резко, в одночасье поменял образ жизни.

А столь разительно переменялся Кен-Нецци после того, как некий незнакомец побывал в замке «земельного графа». Этот человек проезжал мимо поздней порой и попросился на ночлег. Известно, что хозяин и гость провели ночь в неумеренном употреблении напитков разной крепости и вкуса и за разговорами. По уверению одного из лакеев, прислуживавших на ночной трапезе, хозяин и гость до хрипоты спорили до рассвета, существует или не существует... А вот что именно существует или нет, слуга не расслышал. Наутро они вскочили на коней и куда-то умчались вдвоем, запретив слугам себя сопровождать. Вернулись три стражи спустя. Гость торжествующим, хозяин подавленным. Незнакомец прогостил у Кен-Нецци до обеда, потом убыл навсегда, но после этого визита «земельного графа» как подменили.

Он перестал бывать у соседей, забыл о вине и крестьянках, забросил даже охоту. Теперь все дни напролет он проводил в библиотеке, в которую до этого не заходил ни разу в жизни. Кроме того, он стал выписывать из столицы новые книги, потом сам

поехал в столицу и вернулся оттуда в сопровождении знаменитого ученого-энциклопедиста Дол-Бати, а еще привез целую гору ящиков и коробок, в которых, как выяснилось позже, лежали колбы, реторты, стеклянные и металлические трубки, непонятного предназначения инструменты, а также камни и порошки. Ящики «земельный граф» велел сложить в чулане, но не распаковывать.

На следующий день после возвращения из столицы «земельный граф» и ученый, взяв с собой дюжину крепких ребят с лопатами, отправились в Долджеонский лес. Граф увсеренно вышел к небольшому холму на поляне и велел крестьянам сго раскапывать. Сам же устроился поблизости, закурил трубку и стал наблюдать. Едва лопата одного из землекопов обо что-то звякнула, Кен-Несци вскочил, отбросил трубку, велел всем прекратить работу. После чего он отправил всех землекопов в замок, наказав вернуться обратно с ящиками и коробками из чулана. Сам же граф вместе с ученым остался на той поляне.

Когда землекопы вернулись с ящиками, им было велено ящики вскрыть и убираться обратно. Землекопы, понятное дело, изнывали от любопытства и, отвлекаясь от вскрытия ящиков, тянули головы и вглядывались в раскоп. Тем более, раскоп увеличился – видимо, в их отсутствие граф с ученым взяли в белы рученьки лопаты и в кои-то веки испробовали на себе физический труд. Но землекопам мало что удалось увидеть. Один утверждает, что углядел

«внутри земли бегущую по кругу и всю горящую змейку», другому привиделось переплетение железных штырей и присыпанные землей шары, а третий сумел увидеть аж «как изнутри наползает большая носатая животиная». Короче говоря, все, что они потом насообщали, в итоге сводится к одному-единственному слову – несуразица.

Потом землекопы, как им велели, ушли. В эту ночь никто в замке не спал. Как тут уснешь? Хозяин, считай, один в лесу, случится может что угодно, вроде бы надо ехать оберегать его, но он не велел никому даже приближаться к Долджмеонскому лесу. А когда вернется, хозяин не сказал. Вот и приходится не спать, а дожидаться возвращения.

В самый разгар ночи вдруг вдали, в той стороне, где находился упомянутый лес, рвануло вверх ослепительно яркое пламя оранжевого цвета, осветив всю округу. Правда, все в один голос уверяли, что никаких звуков с той стороны не долетало.

Понятно, что вся мужская половина замка похватила оружие, подвернувшееся под руку, вскочила на коней и помчала к хозяину на выручку. На поляне, на месте холма зияла воронка диаметром в сорок шагов, на дне которой колыхалось оранжевое пламя. Вскоре, впрочем, погасшее. Ни «земельного графа» Кен-Нецци, ни ученого нигде не было. Забегая вперед, скажу, что их так и не отыскиали, равно как и их останков. Какие-то отчаянные смельчаки в ту ночь, со стражу поколебавшись, спустились на дно воронки. К их удивлению, воронка оказалась совсем

неглубокой, и на дне не удалось отыскать ровным счетом ничего любопытного, разве что ровную, словно утрамбованную землю.

Со временем история забылась, в первую очередь потому, что наследников графа не очень-то и заботило, что да отчего. Слишком велика была их радость по поводу нежданно привалившего счастья, чтобы думать о чем-то еще.

Но вот что любопытно: племянник Кен-Нецци оставил после себя мемуары, больше, правда, похожие на кулинарную книгу, чем на воспоминания. Между советом, как правильно нафаршировать баклажаны, и сделать капустный салат по-армадерейски, племянник рассказал такую историю. Он заезжал к своему дяде как раз в те дни, когда тот не вылезал из библиотеки. Впрочем, ради племянника Кен-Нецци все же оставил ненадолго общество книг. Посидели в гостиной, испили вина, и в конце их разговора Кен-Нецци вдруг стал, как пишет племянник, таинственно намекать, что вскоре их род может невиданно возвыситься, стать более могущественным, чем королевская династия. Потому что, де, король ходит лишь по одной земле, а мы будем ходить по двум. И для второй земли мы будем брать, что родит только первая, а для первой — от второй. И таким образом станем нужнее любых королей. Племянник решил, что дядя слишком переутомился от такого непривычного для него занятия, как чтение, и поспешил уехать из замка. Больше он дядю не видел.

Между прочим, место, где Кен-Нецци и ученый-

энциклопедист Дол-Бати проводили раскопки и какие-то опыты, хорошо известно. Воронка, разумеется, сохранилась, хотя и изрядно заросла. Вот такая история. На мой непрофессиональный взгляд, вполне экранизуемая. Кое-что домыслить, кое-что присочинить, приплести трагическую любовь и мага Визари – и выйдет преотличнейшая лента, обреченная на успех.

Ректор Пер-Дигостан промочил горло, отхлебнув остывший иджиги, затем выколотил трубку и принялся набивать ее по новой.

– Между прочим, – раскурив трубку, продолжил ректор, – секта Ожидающих, о которой говорил мой *коллега*, мне тоже известна. Перебивать я не стал, хотя могу дополнить его рассказ одной красочной подробностью, которая, вероятно, пригодиться будущей ленте. *Коллега* завершил свое повествование на том, что сообщил об исполнении пророчества в этом году. Но почему именно в этом году, а не в каком-то другом, *коллега* так и не сказал. Может быть, он просто забыл сообщить ответ, тогда я с удовольствием умолкну и предоставлю ему возможность закончить рассказ.

Момент своего маленького триумфа ректор отложил напоследок и сейчас явно наслаждался замечательством молодого человека.

– Итак, я понимаю, продолжать придется мне, – сказал он, выдержав паузу – Охотно. Пророчество Ожидания должно исполниться в этом году, потому что именно в этом году откроется *Око Бога*.

ВРАГ КОРОНЫ

– Что откроется? – спросил Сварог как можно небрежней, хотя внутренне напрягся. И скосил глаза на верх-советника – тот тоже сидел, абсолютно невозмутимый с виду. Ну еще бы: с таким-то опытом в политике...

– Как вы изволили выразиться, господин Ар-Сварг, все пророчества туманны. Что подразумевали составители пророчества под Оком сказать трудно, – ректор пожал плечами. – Может быть, особое расположение небесных светил или некий предмет, наделенный магическими свойствами, или даже некую словесную формулу. Но Око *откроется* в этом году, и с его помощью отверзнутся Врата, о которых нам зачитывал многоуважаемый *коллега*...

«Вот так, – подумал Сварог. – Кажется, удалось напасть на след. Какими б заманчивыми не представлялись иные версии, но их следует проверять потом. Око, Врата, Ожидающие кого-то или чего-то – слишком много совпадений, чтобы принимать их за случайность!»

– А вот еще прелюбопытнейшая история о Вечном Красавчике... – между тем бодро продолжал ректор, и Сварог прикрыл глаза.

Часть вторая

ВО ВЛАСТИ СУДЬБЫ

ИНТЕРЛЮДИЯ

Газета «Глашатай Вардрона», номер за седьмой день четвертой недели Пасмурного сезона. Передовица «КРУГИ НА ВОДЕ»

Меня отговаривали писать эту статью. «Зачем людей смешить? – говорили мне. – Разве у нас мало других проблем? Незаконченное строительство Ураго-Голлотского канала, трагедия на Южно-Лейотском аэродроме, рост преступности на Гвидоре, болезни, новые дороги – долго можно перечислять. А ты хочешь говорить о слухах и сплетнях!» Так говорили мне.

Все правильно. Но я хочу говорить о слухах и сплетнях единственно для того, чтобы они прекратились. Уже нет никаких сил слышать эти повсеместные разговоры, что, дескать, ни сегодня-завтра разрешат заниматься магией, можно будет свободно творить заклинания не только дома, но и в общественном месте, в аптеках начнут продавать колдовские снадобья, на книжных

полках появятся в открытом доступе все запрещенные книги, в том числе, и содержащие заклятия любой силы, в школах введут уроки начальной магии. И так далее, и тому подобное. Доходит по полного абсурда: всерьез обсуждается, займет или не займет черный маг Визари почетное место в Верх-совете.

Мы, конечно, понимаем, что слухи всегда существовали и что они неистребимы как явление. Однако есть слухи безвредные, а есть угрожающие и даже крайне вредные. К последним можно отнести все разговоры о легализации магии.

Давайте вспомним, откуда все пошло. В «Вестнике Верх-совета» стала печататься серия статей «Давайте отделим черное от белого». В этих статьях автор доказывает, что маги магам рознь. Что помимо Визари, который исповедует черную магию, направленную исключительно во вред людям, есть маги белого цвета, целью деятельности которых является служение людям, облегчение их жизни. И если мы хотим одолеть Визари – призывает автор этих статей – мы должны обратиться к оппозиции внутри магических кругов, поддерживать белую оппозицию и тем внести в ряды сторонников Визари раскол. Этим мы добьемся для себя двойной выгоды, продолжает автор статей, ослабим позиции Визари и с помощью магии придадим ускорение прогресс-

су, особенно в таких областях, как медицина, энергетика, легкая промышленность.

Запомните прозвучавшее слово «раскол», дорогие читатели. А пока я вам напомним, что одновременно со статьями в «Вестике Верх-совета» на экраны вышла лента «Магия против магии», которая с успехом идет сейчас во всех кинотеатрах страны. Говорят, она снята в рекордно короткие сроки. Неудивительно. Потому что мы что в отношении статей, что в отношении ленты имеем дело с обыкновенным щедро оплаченным заказом. Кто же у нас так разбрасывается деньгами? Думаете, нет ответа? Ошибаетесь.

Обращаю вас вновь к слову «раскол». Ни для кого не секрет, что в Верх-совете давно не наблюдается единства мнений. Сейчас мы не будем перечислять существующие и противоборствующие фракции Верх-совета, дело сегодня не в конкретных именах, а в том, что любое противостояние рано или поздно достигает вершины своего накала. Это мы сейчас и наблюдаем. Просто одна фракция перешла в наступление против другой фракции. И тема магии не более чем повод. Этим поводом могла стать любая другая острая тема. «Почему именно острая?» – спросите вы. «А сами вы еще не догадались?» – спрошу вас уже я.

Все очень просто. Одной фракции потребовалось не только внести раскол, но и на-

калить отношения до наивысшей точки. Таким накаляющим моментом станут дебаты в Верх-совете о магии белой и магии черной. Дело непременно дойдет до полнейшей конфронтации сторон, за которой следует... что? Правильно, воспоследует ситуация, которая в регулирующем отношении в Верх-совете прецедентном праве именуется как «патовая коллизия». И назначаются досрочные перевыборы. Стало быть, мы делаем вывод, что затеявшая весь этот переполох с магией сторона уверена в своей победе на перевыборах. Вот и вся разгадка слухам и сплетням.

Разве впервые это происходит? Разве мало мы с вами были свидетелями битв в Верх-совете, от которых, как от камня, брошенного в воду, расходились во все стороны круги? И все эти разговоры о разрешении магии – не более чем круги на воде. А брошенный в воду камень – раскол в Верх-совете.

И подумайте за чашкой ижиги или за трубкой доброго табаку, может быть, для обсуждения с друзьями есть более интересные темы, чем повторение сплетен о введении Визари в Верх-совет...

Газета «Глашатай Вардрона», номер за седьмой день пятой недели Пасмурного сезона. Передовица «СВЕЖИЙ ВЕТЕР».

Если вы читали вчерашнее интервью с патронессой Общей лечебницы госпожой Неги-Стас, то помните ее рассказы о чудесных исцелениях последней недели. Маг, которому разрешили помогать врачам Общей лечебницы, буквально в считанные дни поднимал на ноги пятерых безнадежно больных! И при этом в лечебнице не было отмечено ни одного случая ухудшения здоровья у других больных.

А сегодня у нас в гостях побывал крон-ректор университета Фундаментальных Изысканий господин Чер-Вашан. Полное интервью с ним мы опубликуем завтра, но некоторые выдержки можем привести прямо сейчас.

Крон-ректор на свой страх и риск организовал при университете консультационный клуб, куда вошли несколько магов первой и второй ступени (о том, что означают эти ступени, мы подробно рассказывали в одной из предыдущих передовиц). Крон-rektора неоднократно предупреждали звонками из Каскада, чтобы он оставил свою затею, запугивали его и членов его семьи. Ему даже пришлось пережить покушение на свою жизнь, но и это его не остановило. И, наверное, вскоре мы все скажем спасибо этому человеку за его мужество. Потому что уже первые дни работы консультационного клуба принесли сенсационные результаты.

О самых главных сенсациях вы прочитаете в завтрашней газете. Сегодня мы лишь приведем утверждение крон-ректора о том, что наука сейчас стоит на пороге величайшего прорыва за всю историю Гаранда. Уже в скором времени, по словам Чер-Вашана, можно будет создать новый тип летательного аппарата, для которого не нужны будут эстакады разгона, который сможет без дозарядки одолевать расстояния, пятикратно (!) превышающие нынешние, который (во что особо трудно поверить) будет использовать иной тип энергии, не электрической. Аналогичный прорыв ожидает нас и в кораблестроении. Чер-Вашан описал корабли-города, где будут созданы все условия для безбедного проживания людей, которые пожелают некую часть своей жизни провести в безостановочном морском путешествии.

Господин Чер-Вашан также сказал, что отныне нельзя считать пустой фантазией и полеты к далеким звездам. Конечно, это дело не завтрашнего дня, но мы с вами можем надеяться, что доживем и своими глазами увидим первый такой полет. Еще Чер-Вашан сказал, что в ближайшее время наука вплотную может подойти к разгадке такой неразрешимой тайны, как *творение*. Точно так же, как Свет творил из самого себя все сущее, так и мы сможем творить по своему желанию любую форму и суть.

Дух захватывает, не правда ли?

Мы с вами можем оказаться современниками Величайшей Эпохи, где каждый день будет одаривать нас новыми открытиями и изобретениями. Наша монотонная скучная жизнь окрасится в яркие цвета. И мы с вами вместе создадим новый Гаранд.

И еще!

Господин крон-ректор Чер-Вашан намекнул, что ничего невозможного отныне нет, а стало быть, и ключ к бессмертию теоретически может быть найден. Хотя, конечно, добавил он, рано еще об этом говорить конкретно и предметно. Но все же, все же...

Дух захватывает, не правда ли?

Газета «Глашатай Вардрона», номер за третий день шестой недели Пасмурного сезона. Передовица «ДОКОЛЕ?!»

Хотим сказать вам прямо в лицо: «Мы не боимся вас!» Хватит, сколько можно вас бояться, сколько можно вас терпеть! Жить под властью страха и лжи!

Очень долго имперская власть обманывала нас, чтобы обогащаться за наш счет, жить в роскоши и удовольствиях, а главное орудие этой власти – Каскад – заточал в темницы и уничтожал несогласных и непокорных.

Мы боялись самого слова «Каскад». Нас запугивали этим словом с детства. Нам внуша-

ли, что Каскад видит каждый наш шаг, слышит каждое наше слово, читает наши мысли и не дай нам Свет в чем-то нарушить хоть один запрет или оступиться.

И ведь это было совсем-совсем недавно!

Нас держали в темноте и неведении, нам врали на каждом шагу, нас сознательно оболванивали, чтобы легче было нами управлять. От нас намеренно скрывали правду о магии. Потому что нет большего удовольствия для власть предержащих, чем иметь то, что недоступно остальным, и смотреть на простых людей свысока.

Но плотину народного гнева прорвало! Теперь мы получим все, что долгое время было нам недоступно! Отныне мы сами будем решать, что для нас хорошо, а что для нас плохо, кто наш враг, а кто нам друг!

А всем, кто хочет нам помешать, мы говорим: «Лучше уйдите с нашего пути! Нас уже не остановить!»

ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ – ПЕРРОН ОСТАНЕТСЯ...

Она тянулась с севера на юг, связывая крупные города. Единственная в Короне, да и на всем Гаран-де железная дорога. Ее полное официальное название было Большой Императорский Путь. Как прочитал Сварог на мраморной доске, привинченной к стене Центрального вокзала Вардрона, «Создана на средства императорской казны при участии благотворительных капиталов. Строительство начато в 238 году, окончено в 260 году. Первый поезд проследовал от Вардрона до Некушда в 261 году от Первой Империи». Нетрудно посчитать, что дорога совсем молодая, действует всего сорок один год.

Разумеется, в мире, где все стояло на электричестве, железнодорожное сообщение тоже работало на электротоке. Устроено все было до слез знакомым Сварогу образом: поезда двигались по ходовым рельсам (слава богу, по двум, а не по четырем и не по

одному), локомотив и вагоны во время движения касались «плавниками» – металлическими пластинами на пружинах, торчащими в стороны и действительно напоминающими плавники – контактного рельса, по которому шел постоянный ток высокого напряжения. Контактный рельс, ласково прозываемый работниками здешнего пути «ниточкой», тянулся вдоль колси, повторяя все ее изгибы. Он находился в полушаге от ходового рельса, висел над землей на высоте двух локтей, накрытый деревянным коробом...

Короче говоря, метро. Так устроено обыкновенное земное метро. Разве что двигались местные поезда по земле, а не под землей. Нет, точности ради следует отметить, что и под землей здешние составы, случалось, проезжали – по тоннелям, когда до рога пересекала горы.

Локомотив напоминал вытянутую узкую морду некоего вымершего ящера. Вагоны же ничем снаружи Сварога не удивили, ну разве что по длине чуть уступали тем, к которым он привык, и стекла в них были непривычной овальной формы. В каждом отправляющемся составе было поровну пассажирских и товарных вагонов. Первыми по ходу движения шли товарные, замыкали – пассажирские, а последней к составу цепляли так называемую аварийную платформу, на которой – прямо как на бронепоезде в годы Гражданской войны – везли шпалы, рельсы, болты, гайки, изоляторы для контактного рельса, запчасти для подвижного состава и всякие прочие полезные вещи, что могут пригодиться в случае аварии.

Дорога была однопутная, встречные поезда разъезжались на полустанках, разъездах и станциях. Движение регулировалось световыми электрическими сигналами, где красный традиционно означал запрет на движение, а разрешающим был синий.

Сварога несколько удивило, что на Короне существует всего одна ветка – она хоть и пересекала материк с севера на юг, но далеко не по прямой, а скорее по наикривейшей кривой, извивалась змеей от города к городу. Почему же за сорок лет гарандцы не проложили ни одной дополнительной ветки? Скорее всего, подумал Сварог, императорская казна не слишком щедро финансировала развитие сети дорог, а до акционерного капитала или не дошло дело, или просто еще не додумались. А может быть, всему виной косность в головах – не хватило пока времени, чтобы осознать, что будущее за «железкой», а не за речными каналами и электрическими дорогами.

Вот и все, что знал Сварог о железнодорожном сообщении на Короне до того, как сел в поезд.

Шел второй день увлекательного железнодорожного путешествия. В четырехместном купе их ехало шестеро. Четверо пассажиров, к числу которых принадлежали Сварог и его спутница, путешествовали самым что ни на есть законным образом – согласно честно купленным билетам, двое других – дав на лапу проводнику, который в Короне носил гордое звание «дорожный старшина». Двое внепла-

новых пассажиров спали на третьих, багажных, гамачного вида полках, а днем сидели внизу вместе со всеми. Сие напоминало бывшему майору ВДВ возвращение поездами с южных курортов в давно забытые советские времена – тогда тоже мест в поездах было значительно меньше, чем желающих уехать.

Массовый отъезд из столицы начался две недели назад. После того, как распространилась информация о создании Вольной республики Корона со столицей в городе Некушд (кстати, очень уж быстро и повсеместно распространилась сия информация, чтобы не заподозрить за этим хорошую, продуманную организацию). И народ поехал.

На заседании Монитории было решено: отпускать. Потому что в противном случае можно занять движение сопротивления в собственном тылу, даже более того – у себя под носом. Пусть уж лучше все, кому не нравится новый порядок, находятся по ту сторону Черты, а все кто с нами – по эту. Так оно будет проще и яснее. В общем, как выразился Гай-Раббо, зампреда Монитории: «Хорошо, когда прыщи сами соскакивают с твоего тела и перебегают на тело недруга».

Сварог сидел у непривычного овального окна, все в дождевых потеках, и смотрел на пробегающие за окном пейзажи. Смотрел, как ни странно, с любопытством, хотя виды были до зевоты однообразные: пашни, леса, реки, деревеньки, городишки, опять пашни, деревеньки и реки. И монотонная, не-

скончаемая лента сетчатой ограды, сопровождающей путь в десяти шагах от колеи. Ах да, и ветряки, конечно, как же без них... Сварог за этот месяц так привык к неперемому присутствию рядом этих серых электрических мельниц, к этому вечному «шур-шур-шур», доносящемуся либо сверху, либо сбоку, что уже воспринимал ветряные двигатели как что-то само собой разумеющееся, о чем и упоминать лишний раз не стоит, как, скажем, о тучах над головой...

Он вдруг понял, почему с таким упоением глядит в окно и почему его нимало не тяготит дорога – он обыденно, элементарно соскучился по железно-дорожным путешествиям, которые, положа руку на сердце, всегда любил, но уже очень давно не доводилось никуда прокатываться под стук колес, под мерное позвякивание, под мелькание за окном однообразных пейзажей. В последнее время он все больше плавал, летал и бродил между мирами.

Кто-то в соседнем купе тихо напевал, подыгрывая себе на струнном инструменте, судя по звучанию – на сорокаструнной лире.

А в их купе продолжался вялотекущий, типично поездной разговор – одновременно и ни о чем, и о самом наболевшем.

– Я видел своими глазами. Они подступили к стенам электрической станции. Но солдаты Каскада остановили их меткими выстрелами у первой линии проволочного заграждения, – с жаром рассказывал рыжеволосый толстяк в одежде попугайской расцвет-

ки: ядовито-зеленом трико и желтом плаще. – Тогда они отступили на безопасное расстояние и стали совещаться, как быть. Разрушать стены электрической станции они не хотели, потому что не хотели потом восстанавливать...

Сварог уже знал, что этот с виду типичный лавочник носит титул стат-барона и до *событий* проживал в своем поместье – небольшом, но процветающем. Процветало поместье за счет фабрики по производству электромобильных шин. Причем стат-барон не сдавал землю в аренду оборотистым капиталодержателям, а на свои сбережения организовал производство и некоторое время даже самолично руководил процессом. Правда, довольно скоро он отошел в сторону, передав дела управляющему.

Работа встала спустя неделю после начала *событий*. Цеховые рабочие пришли на фабрику, но не разбрелись по рабочим местам, а скучковались во дворе, где долго спорили и в конце концов порешили: нечего впустую тратить силы, когда не сегодня-завтра маги завалят все прилавки наколдованными шинами. К тому же эти маги и дармовой едой нас завалят, и каждому дадут по мобиле, посему айда, ребята, по домам. Ну и разошлись.

Конечно, после того, как в одночасье обрушился такой любимый, такой сытный и уютный мир, казавшийся вечным и незыблемым, стат-барон не мог испытывать к новой власти иных чувств, кроме ненависти. Он и не скрывал, что едет за Черту «примкнуть к борцам против одурманенной магами чер-

ни». Сварог спросил его: неужели он хочет бороться с оружием в руках? На что толстяк, подумав, сказал, что с оружием он, пожалуй, не справится, да и годы не те, чтобы бегать и драться, но ведь пользу можно приносить и другим способом, например, обеспечивая борцов всем необходимым. Можно и так, согласился с ним Сварог.

В соседнем вагоне ехали жена и сын стат-барона, почти на каждой остановке он ходил навещать семейство.

— Они окружили станцию, не оставив даже щелочки, но ничего больше не предпринимали. Создавалось полное впечатление, что они чего-то ждут. Но вот только чего? — гадал я. Неужели решили дожидаться, когда солдаты Каскада умрут от голода и жажды? Однако ведь и младенцу известно, что на стратегическом объекте обязательно должен находиться стратегический запас еды и воды. И вскоре стало ясно, чего они дожидались, — продолжал рассказывать стат-барон. — Вернее, не чего, а кого. Через час в автомобиле прибыло трое человек, и по их одеждам не составило труда догадаться, кто они такие...

— Эти их ужасные одежды! Мерзость, безвкусица, оскорбление! — воскликнула сидевшая напротив Сварога молодая девица с капризным лицом, одетая в траурные одежды. (Правда, в траур она вырядилась, как оказалось, не потому что у нее кто-то умер, а по поводу безвременной кончины великой империи). Девица направлялась за Черту к своему жени-

ху, который служил в звании юнк-лейтенанта в Седьмом полку береговой артиллерии, целиком перешедшем на сторону противников новой власти. – Как можно напаялить на себя эти чудовищные бесформенные балахоны, которые ничего не обтягивают! Значит, им есть что скрывать на теле! Значит, они носят на себе противные, нечеловеческие предметы, которыми творят свое зло!

Стат-барон спокойно переждал этот эмоциональный всплеск и продолжил прерванный рассказ:

– Эти трое, прибывших к электрической станции, что-то разложили на земле, присели на корточки, что-то пошептали, взмахивая руками. Потом поднялись на ноги, и у каждого в руке зажегся большой огненный щит. Да, да, я видел это своими глазами, как вас! Огненный щит, которыми они прикрыли себя с головы до ног. Держа эти щиты перед собой, они двинулись к станции, а за каждым из них пристроились их приспешники – те, что до этого безуспешно осаждали станцию. И представьте себе: пули, летевшие со стороны станции *вязли* в этих щитах. Или сгорали в них. Или просто исчезали. Я не знаю точно, что происходило с пулями, знаю лишь, что никакого вреда они не причиняли. Так нападавшие добрались до дверей станции. И ворвались внутрь...

– Можно представить, что творилось внутри, – сказал весьма молчаливый молодой человек с нервно подергивающейся щекой.

Все в купе надолго замолчали, напряженно глядя кто в пол, кто в окно и думая каждый о своем. В

такт перестуку колес покачивались на кронштейнах электрические фонарики, стилизованные под уличные, образца прошлого века. Фонарики в купе были включены – хоть за окном стоял день-деньской, однако Пасмурный сезон продолжался во всей своей угрюмо-серой красе, и без света внутри было бы мрачно.

– Да, сейчас жизнь в Короне выглядит совсем иначе, нежели всего какой-то месяц назад, – со вздохом произнесла пожилая дама, похожая на строгую учительницу бальных танцев и правил хорошего тона. – Ой, а я какой ужас расскажу! Я была фрейлиной жены нашего несчастного императора. Свет ясный, неужели это было совсем недавно! А теперь я еду неизвестно куда и зачем! И неизвестно, что станет с империей...

Она достала бежевый батистовый платок, принялась комкать в пальцах.

– Дворец пострадал от варваров первым. Я вышивала в гобеленовом зале, когда во дворе слышались крики. Выглянула в окно, увидела, как в ворота дворца врывается толпа. Часть сразу бросилась на Аллею императоров. Вы же, наверное, все бывали во дворце, знаете, ах, теперь надо говорить – знали эту аллею... Сколько романтических лент было снято на ее дорожках и в ее беседках! По всей длине стоят... стояли мраморные статуи всех императоров Короны. А толпа с радостными воплями, долетавшими и до верхних этажей, статуи стала сбрасывать с постаментов, они падали на дорожку и раскалыва-

лись. У меня сердце разрывалось на части! А те, что не раскалывались, толпа разбивала палками и камнями. В руках у всех у них были палки и камни. Ни один шедевр не уцелел...

Вот и пригодился тонкий батистовый платок: им были вытерты первые слезы.

— Я выбежала в коридор и услышала оглушающий топот ног по главной дворцовой лестнице. Словно табун лошадей! Страшные звуки, господа! Ничего более пугающего и ужасного я в жизни не слышала! Вы знаете, во дворце обычно стояла полная тишина. Как в лесу. Нашего бедного императора раздражали громкие звуки, и во дворце старались ходить тихо, на цыпочках. При дворце даже имелся учитель походов, который обучал тех, кто не умел правильно ходить. Топтунов выгоняли из дворца, а наш император был так добр, что не хотел выставлять человека на улицу только из-за того, что тот не умел ходить тихо...

И батистовый платок поднялся к глазам.

— Они ворвались на этаж императрицы, чуть не сорвав двери, рассыпались по комнатам. Я едва успела заскочить в ближайшую дверь, иначе толпа растоптала бы меня, прямо в коридоре. Я оказалась в спальнях младших фрейлин, господа. Девочки по заведенной во дворце традиции отдыхали после обеда, они только что проснулись от сотрясавших дворец звуков и сидели в кроватях, держа одеяла у подбородков. Вслед за мной в комнату влетели плебеи. Я никогда не забуду эти отвратитель-

ные, перекошенные злобой и сладострастием лица. Ни в какой ленте об ужасах, что вершил маг Визари, не сумели изобразить такие отвратительные лица. О, Тьма и Свет!

Фрейлина достала из рукава флакончик с успокаивающей нюхательной солью, откинула крышку, втянула поочередно левой и правой ноздрей источаемый солью запах, помотала головой и вернулась к рассказу:

– Они сразу же бросились к кроватям. Я не буду повторять вам, что они кричали, это невозможно повторить в приличном обществе. Девочки визжали, барахтались, но что они могли поделать, когда на каждую из них навалилось по три-четыре человека?! На меня плебеи не обратили никакого внимания, – фрейлина криво усмехнулась, – но я не обиделась. Как и не обрадовалась от того, что могу свободно уйти. Уходить я вовсе не собиралась. Я отбросила вышивку, выхватила из камина щипцы и решила, что умру, размозжив головы хотя бы несколькими негодьям, и может быть, хоть одна девочка успеет убежать...

Фрейлина опять достала флакончик.

– И что же дальше? – не вытерпел стат-барон.

– Дальше я подняла щипцы над головой. И в этот момент в комнате раздался зычный голос. Знаете, такой сильный, густой, полнокровный голос, каким часто обладают проповедники Храма. «А ну стоять, нечестивые!» – вот что пророкотало чудовище, появившееся на пороге. Ничего общего с благообраз-

ным проповедником. Скорее уж бродяга. Приземистый, толстый, с сиреневым носом и огромным ножом, какие я видела до этого только у поваров на дворцовой кухне...

– Ха, а где же вы еще могли видеть ножи... – вставил реплику молодой человек, поглаживая щеку, которая вновь задергалась от нервного тика.

– Все обернулись на голос к дверям, – фрейлина не обратила никакого внимания на его слова. – Этот... господин с ножом прошел на середину комнаты, по-хозяйски огляделся и зарычал на своих же: «Гореть в аду захотели или растаять небытием во Тьме, черные души?! Крюк вам под ребра! Я накладываю запрет на лихое блудодейство, а за нарушение самолично буду вспарывать брюхи и набивать их перцем. Или кто меня не знает?» Похоже, его знали все, потому что отступили от девиц, молча переглядываясь. Но один, видимо, самый распаренный, набросился на человека с большим ножом, размахивая руками, как ветряки крыльями. «Ты нам не указ! – кричал он. – Мы сами себе указы! Пошел вон отсюда!» «Ах вот оно как!» – сказал странный человек и... и всадил нож в самое сердце крикуна...

Волнительные воспоминания вызвали еще одну паузу в рассказе.

– На этом все не закончилось, – с трудом проговорила сквозь слезы бывшая фрейлина. – «Может, нам и этого не положено?!» – прокричал еще один негодяй, хватая со стола шкатулку и вытряхивая ее содержимое. По ковру рассыпались бусы, цепочки,

серьги, кольцо, другие драгоценности. «Это вам положено, – сказал странный человек с большим ножом. – И мне положено. Ибо сказано Многоустом: золото вредно для души». И стал первым набивать карманы драгоценностями и безделушками, даже сунул себе под плащ небольшое зеркальце в золотой оправе. «Если вредно, чего ж ты стараешься?» – спросили его негодяи. «Так у меня золота уже сегодня к вечеру не будет, можешь не сомневаться, заблудший». Шутка окончательно разрядила накаленную атмосферу. «Пусть забирают все, – подумала я, – ничего не жалко, главное, что девушки спасены»... Вот так, господа, вот что сейчас творится, и конца этому не видно.

«Как бы удивилась гражданка фрейлина, узнай она, что чудовище и по совместительству спаситель молодых девиц едет вместе с нами в одном из вагонов. И, разумеется, он не забыл дома свой складень...» – грустно подумал Сварог.

Вновь в купе воцарилось молчание, нарушаемое лишь всхлипами чувствительной фрейлины. Сварог подумал о том, сколько же он слышал за последний месяц подобных историй. Причем, зачастую об одном и том же событии он выслушивал сперва версию одной стороны, потом версию другой. Разумеется, трактовка событий была диаметрально противоположной, зачастую даже и объективную золотую середину с трудом удавалось нащупать.

И тут вдруг молодая девица в траурных одеждах и с капризным лицом неожиданно повернула голо-

ву к Сварогу и почти прокричала, повысив голос чуть ли не до визга:

– Я не понимаю, как вы можете в такое время думать о каких-то бабочках! Это преступно! Это неприлично!

Сварог на миг опешил. Ни с того ни с сего эта экзальтированная барышня вдруг вспомнила о его скромной интеллигентской персоне. Но в одном она была права – Сварог действительно ехал бабочек ловить, как бы глупо это не звучало.

ОПЕРАЦИЯ «ШТИРЛИЦ»

Такую легенду он сочинил себе сам, вспомнив кстати или некстати один польско-советский комедийный фильм перестроечный поры. Разве что направлялся он за бабочками не на Суматру, а в какую-то загадочную Голенойскую лесостепь. Но тоже в качестве энтомолога с неизменным сачком, в дурацких круглых очоках с простыми стеклами, а на крюке в вагонной стене за спиной сейчас висела круглая шляпа с закатанной противомоскитной сеткой.

Сварог, посоветовавшись со знающими людьми, выбрал себе прикрытием статус приват-ректора энтомологии, что в переводе с научно-интеллигентского на человеческий означает: профессор по бабочкам и прочим мелкокрылым, не преподающий в университете, работающий на дому или где ему вздумается, по своей программе исследований, одобренной и оплачиваемой научными кругами.

Хорошее прикрытие, между прочим, надежное. Таких кабинетно-полевых червей мало кто знает в лицо, кроме самых близких коллег. И отношение окружающих к ним снисходительно-невнимательное, как к чужим детям или городским сумасшедшим. И можно нести полную (но все ж таки подальше от политики) околесицу, не боясь, что тебя одни сочтут врагом трудово... пардон, колдовского народа, а другие – быдлом, замахнувшимся на всковые устои. Подобные ученые мужи завсегда живут в своем миреке, в симбиозе с какими-нибудь там чешуйчатокрылыми и членистоногими; они не полезны и не вредны для дел как революции, так и оппозиции, и потому абсолютно неинтересны ни тсм, ни другим. Зато умные, в очках, понимаешь... Стало быть, под такой личиной зело удобно проскальзывать и просачиваться.

Что, собственно, и требуется.

– Помилуйте... – весьма натурально покраснел прославленный энтомолог и содрал с носа очки. Прищурился близоруко на капризную девицу, запыхтел: – Да по какому праву... Я не понимаю...

– Не понимает он, видите ли! – девица уже почти визжала. – Народ, сплотившись вокруг защитников трона, из последних сил противостоит банде прохиндеев, а этот, видите ли, не понимает! Ему важнее какие-то... какие-то мотыльки! Почему вы не на баррикадах?!

Баррикад на улицах столицы отродясь не было, в столице все *проходило* без особого шума и слыш-

ком уж поднятой пыли, однако подобной узости женского мышления приват-ректор стерпеть не мог. Храбро водрузив очки на нос, он захлебнулся возмущением и забубнил, постепенно увеличивая громкость и к финалу дойдя до форте:

– *Мотыльки!* Какие мотыльки? Да что вы понимаете! Я еду в Голеною, в Голенойе моим коллегой, профессором Таран-Тогой, обнаружен второй подвид спиралеголовки зеленоватокончиковой! *Второй!* Вы хоть понимаете, что это значит для всей науки?! Да что вы понимаете... Это переворот! Это революция в энтомологии! Оппоненты умоются слезами!..

– Ах, переворот? Ах, революция?! – девица перешла на фортиссимо. – А что под вашим носом творится, вы видите?!

Пожалуй, со скандалом Сварог переборщил. Еще, не дай бог, явятся дорожный старшина... А привлекать особое внимание к своей персоне Сварог не собирался.

На выручку приват-ректору, незаслуженно атакованному девицей с капризным лицом, пришел толстяк стат-барон.

– Полноте, барышня, – улыбнулся он траурной девице, раздвинув толстые щеки. – Приват-ректор же не виноват, что на нас свалилось эдакое несчастье. И наука тоже ни в чем не виновата. А научные исследования прекращать нельзя.

– Что вы такое говорите! – лицо девицы исказила недовольная гримаса, лишив его последних черт

привлекательности, хотя тон она снизила. – Сейчас надо отменить все пустое и незначительное! Надо собраться всем людям вместе и ударить, ударить!

– Э, не скажите! – толстяк стат-барон уютно почесывал губами. – Кто знает, в каких пустяках таятся ключики к великим тайнам. Представьте себе, что господин приват-ректор откроет-таки доселе неизвестный вид бабочки, и на крылышках ее будет пыльца, которая... ну, скажем, с помощью которой он сможет приготовить снадобье, делающее людей неуязвимыми к магическому воздействию.

– Детский лепет какой-то, – фыркнула девица.

Сварог посмотрел на толстяка в попугайских одеждах новым взглядом. Этот, с виду типичный фат и прожигатель жизни, оказывается, не только стат-барон, но еще и философ. Сам Сварог смолчал, лишь обиженно и беспомощно хлопая глазами в полном согласии с ролью интеллигента.

И тут в защиту Сварога, хотя этого, вроде, особо уже и не требовалось, выступил еще один человек. Его жена.

Да, да, жена. Обзавелся он, представьте, и женой. Правда, жили они не в законном и даже не в гражданском браке, а в самом что ни на есть фиктивном, но про то мало кто знал. Лишних в эту историю не посвящали.

– А чего ты пристала, чего пристала? – наседала она на барышню с капризным лицом. – Ты кто такая? Мой муж – автор кучи книг, с ним считаются во всех университетах, к его словам прислушива-

ются политики! Бабочки ей не нравятся, подумаешь! Нет, ты кто такая?

Странная все-таки женщина была его «жена», с которой Сварог впервые встретился незадолго до отъезда. Келина Ван-Ради до *событий* вела подпольную работу на Гвидоре, откуда ее доставили специально посланным аэропилотом, потому что Щепка срочно собирала вокруг себя самых верных и способных соратников, а Келина, по словам Щепки, была товарищем проверенным и надежным. Вот только с первой же минуты знакомства она принялась играть роль супруги спеца по бабочкам, эдакой недалекой куклы, до безумия влюбленной в своего гениального мужа и живущей только его интересами (а точнее – влюбленной в его деньги и живущей на них); и из этой роли она не выходила ни на минуту. Даже если была наедине со Сварогом. Интересно, подумал он, а когда они окажутся наедине *надолго*, выйдет она из роли или продолжит ее естественным образом?..

Сварог знал, что без надежного помощника (и соглядатая заодно, куда ж без этого) его в дорогу не отправят, поэтому не возражал понапрасну. Тем более, ему требовался рядом толковый консультант по самым обыкновенным житейским вопросам. Хоть Сварог и провел в Короне немало, но как-то не было, знаете ли, времени вникать в бытовые тонкости, вдумчиво знакомиться со здешними обычаями, установлениями и условностями. Так, лишь немножко нахватавшись по верхам, в перерывах между пого-

нями и стычками с превосходящими силами противника... Правда, выбранная им личина ученого-энтомолога выглядела удачной еще и потому, что в нее прекрасно вписывались любые чудачества, любая рассеянность и забывчивость. Однако дело было не только в том, чтобы самому выпутываться из щекотливых ситуаций, но и чтобы анализировать окружающую обстановку. Например, если кто-то рядом будет вести себя несообразно своему социальному статусу, Сварог этого не определит и, стало быть, вовремя не насторожится. А вовремя не насторожится – может быть застигнут врасплох с самыми непредсказуемыми последствиями. Потому что в довольно опасное предприятие они отправились, чего уж там.

Ссора утихла так же быстро, как и началась, девушка с капризным лицом тихонько всхлипывала, глядячи на дождь за окном, Келина достала какую-то книжку и демонстративно углубилась в чтение.

А Сварог закрыл глаза и устало откинулся на спинку сиденья. Почему-то вспомнилась его предпоследняя встреча со Щепкой-Визари – на втором этаже в Монитории. Или же, выражаясь по-нашему, в Реввоенсовете Короны. Откуда и начался его путь в качестве энтомолога.

...Ранним утром, аккурат на пятидесятые сутки после того, как официально было объявлено о низложении Императора и переходе власти в руки переходного правительства, его вызвали в штаб рево-

люции. Подняли прямо из постели, можно сказать. Дело, видать, было безотлагательное – вызов пришел не обычным порядком, а посредством четкого ментального посыла. Мыслепередача информации была для новоиспеченных магов-связистов делом пока новым и не шибко освоенным, и ей пользовались лишь в экстренных случаях.

Сварог почувствовал легкую тревогу: что еще там случилось... Он быстренько сполоснул лицо, облачился в форму и бегом спустился на второй этаж. Все руководство восстания (к коему, разумеется, принадлежал и Сварог) с некоторых пор обитало в здании Монитории – реквизированном под нужды революции дворце бывшего верх-советника Мар-Кифая, так что путь от жилья до места, так сказать, основной работы много времени не занимал. И хотя собирать всех вождей мятежного Вардрона под одной крышей, с одной стороны, было неразумно с точки зрения безопасности, но, со стороны другой, на то они и вожди, чтобы быть наиболее сильными и толковыми магами. Так что проблема безопасности решалась коллективно: общим воздействием, объединив усилия, высшие маги создали и поддерживали над дворцом невидимое простым глазом защитное поле, походя проверяли и фильтровали сторонних посетителей и даже организовали делооборот в Монитории – мимо Сварога сновали курьеры-немаги, степенно плыли по воздуху депеши, донесения и отчеты, причем документы из числа секретных были окутаны предостерегающим багровым сиянием...

Глядячи со стороны, зрелище, конечно, было причудливое, если не сказать – потешное. Штаб восстания колдунов и чародеев, вдумайтесь! Форменный НииЧаВо, право слово. Невольно представлялись отряды революционных зомби в полусгнивших тельняшках, стреляющие сглазами маузеры, бесплотные призраки добывают информацию прямоком сквозь стенки сейфов в штабе контрреволюционеров, в полночь прекрасные ведьмочки привораживают иностранный капитал, а храбрый разведчик, перекинувшись в волка, через кордоны спешит в Петроград с донесением в зубах... Нет, до такого абсурда, разумеется, не доходило, но все равно иногда накатывало ощущение полной нереальности происходящего.

Впрочем, Сварог уже привык.

Малый зал заседаний был погружен в полумрак, разгоняемый тремя плавающими у самого потолка шарами света. Здесь его уже ждал Совет – причем, противу ожиданий, далеко не в полном составе. А ежели быть точным, то в минимальном своем составе. В малом зале заседаний сидел за столом только председатель реввоенсовета. Женщина, которую некогда знавали под кличкой Щепка и под именем Визари.

Сварог удивленно огляделся.

– А?..

– Больше никого, мы одни, – подтвердила Визари. – Это я тебя вызвала, по закрытому каналу. Не хочу никого посвящать в мои планы. Планы щекот-

ливые, а ситуация требует достаточно быстрого решения... Да не стой столбом, садись. Дело есть.

Сварог послушался, а Визари, напротив, порывисто встала, оправила куртку. И Сварог опять с трудом сдержал улыбку. Сколько раз видел, а спокойно смотреть не мог.

Однажды, вспомнив комиссаров в пыльных шлемах, он вскользь предложил Визари носить кожаную куртку с ремнями – мол, удобно, красиво, официально, да и ей к лицу будет. Шутливо предложил, конечно, однако та совет восприняла всерьез и теперь щеголяла в черной скрипящей коже. И ведь действительно шло чертовке! Револьвера в потертой кобуре на боку не хватает...

Она подошла к карте на стене, задумчиво на нее посмотрела. Сказала негромко:

– Знаешь, а я ведь даже сейчас не верю, что пока все удастся. Я столько лет ждала момента, когда мы *победим*, – а сейчас не верю...

– Все забывал спросить: ну и каково это – быть диктатором? – спросил он.

– Могло быть и хуже, – пожала она плечами. – А то вы, ваше величество, не знаете. Одно скажу: довольствия хватает, патронов немерено и смертных приговоров почему-то очень мало.

– Это тебе не нравится?

– Это меня настораживает. Ну не может быть, чтобы все шло так хорошо и так гладко... Кстати, хорошо и гладко идет далеко не все. Поэтому у тебя, собственно, и вызвала.

Она повернулась к карте, утыканной разноцветными булавками и испещренной красными стрелками, зелеными полями, синей штриховкой и какими-то значками, напрочь непонятными простому смертному.

Революционные волны катились по Короне. Не то чтобы стремительно, не то чтобы сметая все на своем пути и оставляя за собой трупы и пепелища, но они двигались. Росли и ширились, исходя из восьми эпицентров на обитаемой территории материка, и особого сопротивления не встречали. Что странно. Либо император действительно был настолько слаб и беспомощен, что оказалось достаточно одного толчка, дабы его *уронить*, либо революционные стратегии настолько все хорошо просчитали, либо...

Либо и вправду в народе столь укрепилась вера в силу магии.

Нет, с приходом нового правительства прежние государственные и муниципальные органы не были распущены (если, конечно, выразили полную лояльность); магазины не наполнились тут же до отказа халявными хавкой, заводы и фабрики не позакрывались, вытесненные производством товарами «из воздуха»; все так же бегали по дорогам электромобили, по рекам и океанам ходили корабли, аэропилы поднимались в воздух, и все это по-прежнему работало на энергии электрического тока. Революционеры оказались ребятами достаточно разумными, чтобы не ломать одним махом все

общественные связи, не разваливать экономику и, как следствие, не уничтожать все государство, а потом на его обломках стоять что-то светлое, доброе вечное. Для них главным было подготовить народ к осознанию, что магия есть данность, что она такой же неотделимый элемент нынешней цивилизации, как, скажем, сословия, токарный станок, протектораты и синематограф. И Сварог подумал, что, вероятно, ребята не так уж неправы, сначала устраивая революцию этическую, а перелом в политике, производстве и экономике оставляя на потом...

Разумеется, без вооруженных столкновений, актов саботажа и прочих проявлений несогласия не проходило — случалось всякое, но кровавые реки не текли. Да, имели место локальные бои с применением авиации и артиллерии, показательные расстрелы, пожизненное выселение на холодный и необитаемый Эшт... но большей частью противостояние новой власти было вполне мирным, хотя головной боли добавляло. Провинция Паско, например, вежливо отказалась признавать Мониторию за орган государственного управления, мотивируя это тем, что как жили без колдунов не одно столетие, так и дальше проживем, а любые перемены суть только вред. До сих пор не помогли ни уговоры, ни угрозы, ни даже бронемобильный корпус, занявший центр столицы. Из несогласных никто за оружие не хватался, диверсии и провокации не устраивал — просто был против. Все население, как один

человек, сказало дружное «нет», и загвоздка была именно в этом, не расстреляешь же всех сто пятьдесят тысяч человек, которые активного противодействия не проявляют... Роут-Ганк, прибрежная зона на юге материка, вроде бы с радостью согласилась заменить имперского наместника на представителей Монитории. Однако юридические и бюрократические препоны, которые с милейшей улыбкой ставили им местные чиновники, ссылаясь как на прежние, так и новые законы, грозили затяжной позиционной войной с аппаратом. В области Некушд, куда бежали несогласные, чтобы оттуда морем перебраться в колонии и протектораты, тоже что-то назревало. И так далее, и тому подобное...

Гробовое молчание хранила и официальная церковь, пока не высказываясь в поддержку мятежникам и не призывая к крестовому походу против колдунов. Это было на руку революции. Наверное, верх-понтификат, глава Храма, понимал, что, какое бы решение он не принял, это переведет конфликт в плоскость религии. А сие означает, что кровь хлынет бурными потоками, ее будет не остановить, и волны восстания окрасятся в багровое...

– Больше половины материка уже наша, – сказала Визари, неприязненно глядя на карту. – Двести семьдесят городов, четырнадцать провинций. Все государства Гвидора признали нового сюзерена, но наверняка усиленно сейчас размышляют, как бы под шумок расширить свои территории и отхапать ку-

сок пожирнее. Организуют альянсы, подумывают, не напасть ли на Корону, где граница послабее. Ханнра колеблется, но на переговоры с Гвидором пока не пойдет. Так что все хорошо. Все просто отлично!.. – она резко повернулась. – Как думаешь, может быть, все же имело смысл императора поставить к стенке?

Сварог вздрогнул и невольно напрягся. Если она начинает сомневаться, правильно ли поступила, отправив трясущегося от страха правителя и его семью в бессрочную ссылку, значит, дело действительно щекотливое. В свое время они спорили до хрипоты. Визари доказывала, что свергнутого монарха необходимо устранить, дабы не дать оппозиции шанса использовать старичка как символ, фетиш, знамя, под которым возможно сплотить недовольных. Сварог же, памятуя о печальной славе дома Ипатьева, уверял, что это бесполезно и только усложнит дело – ведь их основному противнику, Каскаду, наплевать с высокой колокольни на то, жив гарант Империи или мертв, тогда как смерть опального самодержца, во-первых, продемонстрирует бессмысленную жестокость новой власти, а с другой, позволит выставить его мучеником, невинно убиенным агнцем... Не забывай, Щепка, – говорил Сварог, – верх-понтификат еще не высказал мнения церкви по поводу нас. Ты что, хочешь, чтобы он нас проклял за убийство человека, которого самолично помазал на царствование?

Наверное, именно этот довод склонил ее к тому, что император остался жив. Однако теперь каждый раз, когда ей предстоял непростой выбор, Визари вспоминала тот спор.

– Щепка, что случилось? – спросил Сварог.

– Вот что случилось, – она хлопнула ладонью по темному вытянутому пятну на карте.

Пятну, которое накрывало всю область Некушд, расположенную между Вардраном и побережьем, со столицей в одноименном городе – своего рода перевалочном пункте, куда стекались иммигранты со всей Короны, чтобы сесть на идущие в колонии корабли... Несколько дней назад, когда Сварог в последний раз смотрел на карту, пятно вроде бы было меньше.

– Некушд, – с ненавистью сказала Визари. – Проклятый Некушд...

...Сварог, разумеется, слышал о тамошних проблемах, но даже не предполагал, что дело может быть настолько серьезным. Некушд оставался единственным районом в этой области Короны, не перешедшим на сторону повстанцев. Пока Визари смотрела на такое безобразие сквозь пальцы, да и потому лишь, что через этот город из страны улепетывали те, кто не признавал власть магов и не мог или не хотел бороться с ней.

А теперь у Монитории, а следовательно, и лично у Щепки объявился враг. Сильный, умный, хитрый. Выбравший себе Некушд в качестве цитадели – и как выяснилось, неспроста. Пока он не был

достаточно подготовлен, чтобы нанести удар, однако силы его росли с каждой новой партией иммигрантов. Каждый из страждущих покинуть Корону через Некушд – а таковых было большинство беглецов от новой власти, – проходил тщательный отбор силами тамошнего отделения Каскада, и если каскадовцы полагали, что проверяемый подходит, ему делали недвусмысленное предложение: задержаться в Некушде и влиться в армию Сопротивления. Неважно, в качестве кого – к чему лежат душа и профессиональные склонности: разведчика, авиатора, писаря, уборщика. И соглашается буквально каждый третий! Таким образом таинственный противник собрал отличную команду, которая продолжает увеличиваться...

Иными словами, не так далеко от Вардрона возник и стремительно набирает мощь очаг контрреволюции.

Перекрыть ему кислород, пустить поток эвакуирующихся по другому пути невозможно: единственная в Короне железная дорога проходит аккуратно через Некушд, подавляющее большинство беглецов пользуются именно ею, околных путей нет, и закрыть ее означает создать растущую день ото дня *запруду* из перепуганных и обозленных людей.

Объявить весь район закрытой зоной невозможно: железная дорога упирается в крупнейший на материке императорский пассажирский порт, попытка рассредоточить бурный поток беглецов по другим направлениям означает проблему транспорта,

питания, временного жилья, денег и, как следствие, недовольство среди мирного населения; она, Визари, не может разбрасываться людьми и средствами, которых и без того не хватает, и не может настраивать против себя народ.

Закрывать границу вообще тоже невозможно: месяц назад она, Визари, самолично и официально объявила, что границы Короны будут оставаться открытыми для выезда минимум еще год, и каждый честный гражданин, который не примирился с новыми порядками, может беспрепятственно покинуть материк. Так что она, Визари, не имеет права начинать правление со столь наглой лжи. Что еще?

– Взять город штурмом и размазать весь гадюшник по кустам? – предложил Сварог. – Пока не стало поздно...

– Стало поздно, – огрызнулась Щепка. – По моим разведанным, боевые отряды обороны Некушда *уже* переформированы в регулярную армию. Так что штурмом город не взять. Остается только осада. Долгая и нудная. Перебрасывать войска с более важных позиций, подтягивать снабжение, вооружение... Нет, я не могу на это пойти. Я не имею права рисковать другими участками. Я говорила, что Гвидор собирается высадить десант, там тесные связи с легшими на дно каскадовцами. Каскад ведь еще не уничтожен.

– Бомба тоже отпадает... – сказал Сварог. – Постой, ты упомянула разведанные. У тебя что, в Некушде есть свои люди?

– Там есть достаточно разветвленное подполье, еще с *тех* времен осталось, но слабое, из гражданских. Что они могут сделать?

– Действительно. А если под видом иммигрантов туда проникнет группа...

– Было. Вычислили на вокзале. Как – непонятно.

– Группа магов...

– Тоже было. Тоже вычислили на вокзале. Там на каждом шагу аппараты «боро». А все местные маги давно либо уничтожены, либо выдворены из области – во избежание.

– Ч-черт... Сдаюсь. У тебя есть соображения на этот счет?

Щепка отвернулась. Теперь она и в самом деле была похожа на Щепку – маленькая, уставшая, испуганная.

– Это очень сильный противник, атаман, – сказала она. – Может быть, даже тот самый, кто ставил нам палки в колеса – помнишь, «Черная молния», канатная дорога... Я уже восемнадцать раз пыталась нанести ему удар, и восемнадцать раз он отбивал его. Будто он предугадывает каждый мой шаг... или завербовал стукача среди руководства.

– Руководства Монитории?!

– Да. Поэтому я вызвала тебя поговорить наедине... Хочется верить, что я ошибаюсь, и он всего лишь просчитывает наши действия. Как бы то ни было, если мы не сломаем его сейчас, скоро он станет сильнее, и тогда я даже не берусь гадать, что будет...

— Щепка, — сказал Сварог, и она оглянулась. В ее глазах стояли слезы. — Выкладывай, давай, что я должен делать.

А делать что-то, *действовать* хотелось буквально до чесотки. Поэтому план Визари, сколь бы бредовым он не казался, Сварог принял с радостью и без раздумий. Тем более, что он вполне совпадал с его собственными планами.

В последнее время он ощущал себя прямо-таки Че Геварой, который, как известно, после победы на Кубе был назначен Фиделем на пост министра финансов и едва не свихнулся от скуки. Че Гевара, помнится, вскорости взбунтовался и слинял в Боливию заниматься любимым делом: революций. А куда бежать Сварогу? В какой-нибудь боевой отряд, устанавливающий новый порядок в провинциях, нельзя: раз в неделю к нему являлся курьер от Мар-Кифая и передавал скрупулезно собранные, сортированные и обработанные слухи и легенды о Дверях в иной мир — верх-советник выполнял свою часть договора. И хотя сведения эти на девяносто девять процентов представляли собой именно что пустые сплетни и не подлежащие проверке легенды, он должен был просматривать их — вдруг да пропустит что-то важное. И все! И никакого деятельного участия он в революции не принимал. Он был Хранителем Ока Бога, сам на себя взвалив этот пост, а потому не имел права ввязываться в вооруженные столкновения и вообще рисковать собой и драгоценностью. Вот и кис с тоски.

Драгоценность эта проклятая, кстати говоря, действительно *работала*. Сварог буквально кожей ощущал, как излучаемая Оком энергия незримо... преобразует, что ли, изменяет, *упорядочивает* все окружающее... Черт, нет в человеческом языке слова, которое бы объясняло, что эта энергия именно делает. Просто повстанцам удавались их начинания. Повстанцам везло. Повстанцы побеждали. Вот и все. Какое отношение к их успехам имеет Око, Сварог сказать не мог. Он просто чувствовал это.

А еще Око Бога, напомним, пробуждало в людях скрытые магические способности. Без всяких там спецэффектов, световых фонтанов и прочих фокусов. Человек подходил к Оку, простирали над ним руки, сосредотачивался... И опять же: вот и все. Уходил он уже осчастливленный каким-нибудь колдовским даром. (Первой жертвой Ока, кстати говоря, стал уголовный соратник: еще там, в Замке-на-горе, Щепка утром поставила над упирающимся Медведем эксперимент, проверить дабы, как работает кристалл и работает ли вообще – и теперь Медведь где-то в дремучих лесах под Картау-Дау разговаривает с животными и птицами, вербуя их в революционную армию... Увидев результаты эксперимента, Монах участвовать в богопротивных экзерсизах отказался наотрез.)

В общем, Око Бога работало. А Сварог на стену лез от безделья! Он не мог сбежать, оставив Око – без кристалла ему не открыть пресловутую Дверь Ожидающих. А бежать вместе с Оком... Нет, господа, не по-людски это.

Зато теперь все складывалось как по писанному. Ведь возле города Некушд находится тот самый монастырь, где обитает таинственная секта не то Ждущих, не то Ожидающих. Сварог отлично помнил зачитанное молодым священнослужителем Рон-Гардаром пророчество, которому поклоняется секта: *«Отверзнутся Врата, и исполнится в этом году»*. Какие Врата, что исполнится, в в каком именно *этом* году неясно, ваша правда, но ключевым тут было все-таки слово «врата». Сварог не забывал и о существенном дополнении, сделанным ректором Пер-Дигостаном после расшифровки основного текста пророчества, – о том, что непонятные Врата откроет ни что иное, как некое Око. Короче, где же еще Хранителю Ока искать выход из Гаранда, как не в стенах монастыря Ждущих?

Вот почему идея Визари касательно Некушда вызвало в его душе даже не отклик – форменный ответный вопль. Визари сама предложила ему взять Око с собой!

Предприятие, которое получило кодовое обозначение «Штирлиц» (название придумал Сварог, остальным понравилось), преследовало одну-единственную цель: проникнуть в Некушд, в столицу Вольной, блин, республики Корона. И не просто проникнуть, что, в общем-то, было не столь и сложно для одиночки, а протащить с собой Око Бога. И сие было уже гораздо сложнее. Но и на этом задача не исчерпывалась, это был лишь первый этап операции. Далее следовало связаться с подпольем –

необходимыми явками и паролями, всеми положенными «сорока девятью утюгами на подоконнике» Визари Сварога снабдила. После чего должен быть осуществлен завершающий и самый важный этап операции «Ширлиц». Попросту говоря, требовалось проделать то же самое, что раньше проделали в столице и некоторых других городах – с помощью подпольщиков *растормозить* посредством Ока магические способности у наиболее активной и сознательной части населения. Удар, нанесенный в самое сердце контрреволюции, причем изнутри, должен, по мысли Щепки, хотя бы на время сбить с толку неведомого противника. В самом городе, в центре оппозиции, можно сказать – под самым носом неожиданно возникает из ниоткуда пятая колонна магов! И моментально начать сражаться на два фронта враг не сможет чисто физически и его можно *брать*. Сражаться на два фронта – против Визари и против неожиданно откуда возникшей пятой колонны. А когда руководящий центр дает сбой, периферия приходит в растерянность, и ее можно брать голыми руками.

Как ни трудно было догадаться, цели операции «Тегеран» и личные цели Сварога совпадали друг с другом не во всем, и Сварог решил для себя дилемму так: во-первых, добраться до места (благо хоть место совпадало); во-вторых, проверить версию с сектой Ожидающих. Если все нормально, то бишь Врата на самом деле существуют и открываются ка надо и куда надо, то перед своим прощанием с Га-

рандома он отдаст Око доверенному лицу, в какие вы наметил Монаха. А революционеры пускай дальше без него. Ничего, справятся.

Вот, собственно говоря, откуда, зачем и почему появились на свет божий ученый-энтомолог и его супруга – с лицом и фигурой ангела и характером фельдфебеля (а какая, скажите на милость, еще может быть супруга у вялого интеллигентишки, но с мировым именем и немалым стабильным доходом?). И теперь они летели на поезде сквозь непогоду в сторону города Некушд...

КАК ССАЖИВАЮТ БЕЗБИЛЕТНИКОВ

– Что это? – встрепелась бывшая фрейлина.

– Кажется, останавливаемся, – сказал Сварог.

Никаких сомнений: поезд явственно притормаживал.

– Граница Черты? – отчего-то полусшепотом спросил молодой человек с подергиваемой нервным тиком щекой.

Сидевший рядом с ним стат-барон пошевелился, словно из диванной подушки проступили иглы:

– Рано. До Черты нам еще ехать не меньше четырех стражей...

Сварог привстал, прильнул к окну. Недостатком овальных вагонных окон было то, что они не открывались. Для вентиляции была предусмотрена расположенная над окном и забранная решеткой вьюшка. Окно при необходимости, конечно, можно и выдавить – как это сделать наилучшим способом, рассказывала памятка, висящая у откидного

столика и начинающаяся словами «При пожаре». Но, пожалуй, ситуацию еще рано было отождествлять с пожарной.

– Что происходит? – отодвинув дверцу купе, спросил молодой человек с нервным тиком у проходившего мимо дорожного старшины.

– Не беспокойтесь, выясним, уладим, – заученно отозвался усатый, осанистый старшина. – В пути всякое случается.

Что «случается» на этот раз, в окно Сварог так и не увидел – слишком узок был обзор. А поезд между тем остановился.

– Мы какое-то время простои́м, дорогая, а я пока обследую вон тот лужок, – Сварог потянулся к сачку. – Кажется, там должны водиться недолётки пупырчатые, или, на худой конец, доннерус веттерус псевдообыкновенный.

– Я с тобой, – поднялась с дивана и верная супруга.

– Эй, рискуете отстать! – шутливо замахал руками толстяк стат-барон. – Я, конечно, ради вас дерну рычаг, но работает ли он!

– Ничего, я послежу, чтобы мы далеко не отходили, – заверила толстяка супруга энтомолога.

Соскочив с подножки на хрустящий щебень, Сварог помог сойти Келине Ван-Ради. Дождь пока перестал, и в воздухе висел мельчайший белесый туман.

– Я, конечно, не специалист... – тихо сказал Сварог. – Но у меня просыпается стойкое подозрение,

что дело тут нечисто. Видишь, в голове поезда люди какие-то суетятся. И очен-но мне не нравится эта суета. И место подобрано... подходящее.

Состав остановился аккурат на переезде – широкая, отличного качества электромогильная дорога пересекала железнодорожную колею. Эдакое шоссе федерального значения, как говорят в иных местах. Помимо шоссе в поле видимости находилась лишь домик смотрителя переезда и лес, едва различимый в тумане.

– Что-то предчувствие у меня нехорошее, – прошептал Сварог.

– Тебе виднее, дорогой, – глупым голосом отозвалась «жена».

– Мы здесь одни, – поморщился Сварог. И в самом деле: дорожный старшина ушел к соседнему вагону, а из их вагона никто больше на насыпь не спрыгнул. – Можете, Келина, говорить нормально.

– Я не понимаю, ты о чем, дорогой? – глядя снизу вверх, пролепетала «супружница».

Сварог не без труда подавил в себе поднимающееся раздражение. Она нарочно издевается, или что? А если издевается, то какого черта?..

– Вот я о чем, – Сварог вытянул руку в направлении шоссе и тихо, себе под нос, выругался.

Из-за поворота, скрытого от глаз лесом, на ведущий к путям прямой отрезок трассы выскочили несколько электромогилей. А точнее, три: один легкой и два грузовых. Грузовые, кстати, очень напоминали знаменитые «полуторки», но Сварогу было

сейчас не до *ностальгирования*. Потому как в кузовах этих «полуторок» покачивались голова к голове крепкие ребята, которые, думается, сюда пожаловали не с пустыми руками.

– Что будем делать? – ага, наконец-то госпожа Келина Ван-Ради соизволила прекратить придуривание и заговорила, как и просили, нормально.

– Снимать трико и бегать, – огрызнулся Сварог, позволив себе небольшой ответный удар. Детство, конечно, но... – Идем к паровозу.

– Куда?!

– Ну, то есть... К локомотиву. В голову состава. Сварог размашисто зашагал вдоль поезда.

– А если это не нападение? – Келина едва поспевала за ним, ей то и дело приходилось переходить на бег.

– А что же это еще? Отставшие пассажиры догоняют?.. Нет, любимая, вопрос надо ставить иначе: *чье* это нападение.

– Но... до этого на поезда ни разу не нападали! По крайней мере, на *нашей* территории!

– Вот именно что – на *нашей*. И, можно подумать я не знаю, что творится на нашей территории. Кажется, я не бабочек ловил все это время... Да, не нападали. Но никогда не говори «никогда»... дорогая.

Сварог резко остановился, обернувшись, и Келина чуть не налетела на него.

– Сколько *наших* людей в поезде? – спросил он. – На них можно рассчитывать?

– Каких людей? – переспросила Келина, непонимающе хлопая длинными ресницами.

– Нас кто-нибудь негласно сопровождает?

– Не знаю, – сказала она.

Лжет, определил детектор. «Да и провались ты, – в сердцах сплюнул Сварог. – Конспираторы, бя... Пока ее убедишь отправиться за подмогой, пока она найдет этих людей, а то может и не людей, а одного человека... В общем, смысла нет».

Сварог развернулся и вновь быстро зашагал к локомотиву. Когда до электровоза оставалось два вагона, их нагнал запыхавшийся Монах, спросил деловито:

– Какие приказы, атаман?

– Сначала разведка, а там посмотрим. Но будь начеку.

Возле локомотива стояли два сумрачного вида хлопца в длинных, грязно-серого цвета плащах – Сварог знал, что такие плащи здесь называли «всё-дорожниками» и их носили те, кому приходится подолгу бывать на свежем воздухе: землекопы, фермеры и, в частности, путевые рабочие. Только эта сладкая парочка мало походила на путейцев. Слишком уж нагло смотрят, слишком сытые хари. Не говоря уж про то, что у рабочих, много времени проводящих на свежем воздухе, кожа обветрена, а у этих – не фига. И совсем мало общего у предметов, что торчат из-под плащей, с костыльными молотками и прочим дорожным инструментом.

Опять заморосил дождь – холодный, противный.

Один из «путейцев» чуть усмехнулся, мазнув взглядом по Сварогову сачку для ловли бабочек, более внимательно присмотрелся к внушительным габаритам Монаха, во всех подробностях изучил взором фигуру «супруги».... но ничего подозрительно не усмотрел. Другой шагнул навстречу, откидывая полу плаща и вскидывая «баг» (проще говоря, обрез, который изготавливали из толстоствольной винтовки «Кабарбаг»; эффективен он был при стрельбе лишь на очень близкой дистанции, зато – с этой дистанции динозавра мог разве не разорвать в клочья).

– Стоять! Кто такие? Куда прешь?

– А что, разве нельзя? – искренне удивился приват-ректор. И несмело возмутился поправлением свободы передвижения: – Я полагал, это поезд, а не военный объект...

– Это поезд, а не парк, неча тут гулять, – отрезал человек в дорожном плаще, поводя «багом».

– Но позвольте...

– Возвращайтесь-ка в вагон, господа, – более любезно попросил напарник и тоже откинул полу плаща, но обрез пока не поднимал. – Тут закрытая зона, нам запрещено пропускать посторонних. К тому же, скоро поедем. Давайте, давайте!

Ага, вот со стороны кабины донеслись приглушенные стоны. А совсем недавно Сварог видел, что людей рядом с локомотивом было несколько больше, чем две единицы. Куда делись остальные, скажите, пожалуйста? И откуда взялись эти ребята с «багами»? А если это охрана, то почему вооружена

неуставными, самодельными стволами? Разруха в стране – это понятно, но ведь пока еще не до такой степени, чтоб вооружения не хватало! Кому, как не Хранителю Ока Бога это знать! Через полгода–год – да, может наступить настоящий бардак и разброд, в полном соответствии с историческим материализмом... если Щепка сотоварищи не придумают какой-нибудь магический ход, но сейчас...

– Но хоть сколько мы стоять будем, это-то вы сказать можете? – шалея от собственной смелости спросил энтомолог. – И почему встали?

– Со слухом плохо? – потерял терпение первый охранник. – Валите!

Помощники Сварогу попались смышленные: маячили за спиной и без приказа командира активных действий предпринимать не собирались.

– Что вы кричите? – возмутился ученый, снял очки, как восьмиклассник перед дракой, нервно протер их пальцами от влаги. – Я же просто спросил! – демонстративно поднял сачок и принялся откручивать петлю с сеткой. – Пока стоим, я хотел сходить на лужок, там могут водиться чрезвычайно интересные экземпляры безбашенки тупорылой...

Сварог отбросил сетку, одним движением сорвал деревянную рукоять сачка и резко сдвинул к середине две крайние длинные трубки, освобождая на концах обоюдоострые, длиной с наконечник копья лезвия.

К моментальному превращению жалкого интеллигента в опасного противника вооруженные «ба-

гами» хлопцы оказались не готовы. Впрочем, Сварог не подарил им ни единого мига на то, чтобы переварить, перестроиться и что-то предпринять.

Первым вращательным движением Сварог выбил из рук ближайшего противника «баг», тут же, крутанув в руках «сачок» приемом «мулинэ» – в полном соответствии с искусством боя на шестах, – подшиб под колени второго противника, отчего тот, неловко взмахнув руками и выронив обрез, завалился на мокрую насыпь. И не прекращая движения, Сварог полоснул по плечу первого хлопчика, который, очухавшись, бросился вперед со сжатыми кулаками. Боль в плече – не смертельно, но чувствительно – охладила его пыл, а получив носком сапога по голени, он и вовсе сник.

– Твое! – бросил Сварог Монаху и вскочил на подножку кабины. Обоюдоострый сачок пришлось выкинуть подальше – такое оружие годится на открытом месте, но никак не для драки в ограниченном пространстве.

Непростой «сачок» смастрячили по просьбе Сварога. Умельцы «Первой императорской кузни», зарабатывавшие на жизнь в основном изготовлением оград и решеток, справились с несложной задачей за час. Сварог придумал себе сие дополнительное оружие просто так, на всякий случай. Как оказалось, не зря, пригодилась вещица, даже до Черты не доехали...

Перебирая руками по поручням, Сварог взлетел на верхнюю ступеньку.

В кабине оказался еще один вооруженный хлопчик. И за ним были все преимущества: он находился сверху, он был настороже, услышав странные звуки снаружи, он вовремя высунул голову из проема. Словом, воспользуясь он прикладом своего «кабарбага» (а у него в руках был не обрез – полноценная винтовка) как дубинкой, Сварогу пришлось бы трудно. Сварог, конечно, попытался бы увернуться, удерживаясь за поручень одной рукой, а другой выхватывая из-за пояса шаур, но кто знает, успел бы или нет. Но хлопчик понадеялся на поражающую силу огнестрельного оружия. Ну да, откуда ему знать о ларах...

Над головой бабахнул выстрел, от которого заложило уши, пуля просвистела совсем рядом, обдав щеку теплой волной. А Сварог, ухватившись за толстенное винтовочное дуло, обжигаяще горячее, с силой дернул хлопца на себя – и тот вылетел из кабины. А на земле его встретит Монах. Со всем теплом и гостеприимством.

Других противников в кабине локомотива не наблюдалось. Зато обнаружилась связанная по рукам и ногам поездная бригада в количестве двух человек и еще один персонаж в форме дорожного старшины. Видимо, на свою беду прибежал из ближайшего пассажирского вагона узнать, в чем дело, почему стоим.

Сварог быстро распутал всех, перерезав веревки перочинным ножом, повыдергал кляпы.

– Заводитесь, братцы, и вперед на всех электрических токах! – Ухватил за плащ рванувшегося к

выходу дорожного старшину. – Куда, бля?! Не успеешь! Здесь оставайся!

– Они стояли на пути, махали красными платками, мы думали авария! – затараторил перемазанный маслом освобожденный пленник, судя возрасту – помощник машиниста.

Сварог его перебил:

– Некогда, после расскажешь. Врубай машины. И живо, живо! – Высунувшись в дверь, позвал Келину и Монаха: – Порядок? Давай наверх!

Сварог сперва втянул в кабину за руку Келину, потом принял от Монаха два обреза и снятую с одного из хлопчиков сумку с боеприпасами.

– Фу-у! – отдуваясь, забрался наверх Монах. – Последнего вязать уж не было времени, пришлось охолонить кулаком по темечку... Потому как виновен, ибо сказано Многоустом: не трожь, выбросок, поезда быстроколесые.

И зычно расхохотался над своею шуткой, так что волнами заходил под коричневым плащом-рясой объемистый живот. Машинисты хоть и косились на незваных гостей, но их руки споро проделывали все необходимые манипуляции: крутили рукояти, переводили в рабочее положение рычаги, проверяли показания приборов...

Сварог выглянул в дверь кабины. До этого смотреть, как там поживают грузовики и легковуха, не было никакого смысла. Как бы ни поживали, требовалось действовать быстро и решительно, ни на что не отвлекаясь... Теперь же можно было и отвлечься.

Бляха-муха и мать твою через конденсатор! Колонна из трех электромобилей уже добралась до переезда, остановилась. Фигуры в развевающихся за спиной черных плащах бежали к поезду, пять, семь, десять... голов двадцать пять. Некоторые уже добрались и теперь споро карабкались в вагоны.

Ну наконец-то! По всей длине состава пронзительно закрипело, поезд содрогнулся всеми сцепками, дернулся, сдвинулся с места и начал набирать ход. Отстающие безбилетники в черных плащах со всех ног припустили следом. Кто-то успел вскочить на подножку. Ага, один сорвался. Еще один, никак не успевая к подножке, уцепился за какую-то хреновину, торчащую под вагонным окном, провисел так некоторое время и сорвался к чертовой бабушке. А упорные ребята, однако...

Все, остальные не успели. Но этих самых остальных, по прикидкам Сварога, выходило значительно меньше половины.

— И кто это нам жить мешает, кто-нибудь может мне ответить? — спросил Сварог, возвращаясь в кабину.

— Непокойные времена, — осторожно сказал машинист. — Кого только не встретишь на пути. Другие и вовсе не представляются при встрече.

— Надо было одного втащить сюда для обстоятельного расспроса, — Сварог поморщился от досады. — Моя промашка. Хорошо хоть «ниточку» не перерубили, уроды, с них станется...

– На Каскад не похоже, – задумчиво проговорила Келина.

Локомотив набирал скорость, ветер гудел за бортом, под ногами трещало и искрило. Пахло озоном.

– Тати ночные, лихие людишки, искатели легкой поживы, – уверенно сказал Монах. – Сбился в кучу всяческий сброд, от карманников до разбежавшейся солдатни, нашелся у них толковый вожак, который и придумал, как напасть на поезд и разграбить его. И не корите себя, ата... господин приват-ректор. Нечего у полоненного было бы дознавать. Стал бы он, шепелявя и пуская слюни, нам тут долдонить про то, как Шапа-Дранный Хвост вчера проиграл ворованный перстень Кривому Жупелу, а ночью прирезал счастливчика и перстень себе вернул. Эка радость все это слушать!

– Может, ты и прав, – сказал Сварог. Подошел к креслу машиниста, встал у того за спиной. – Сколько до Черты?

– При такой скорости домчим за стражу с четвертью. Вот... гляньте сами.

Машинист, видимо, привыкший во всем к точности и обстоятельности, открыл какой-то ящик, вынул из него протертую на изгибах карту и положил на приборную панель.

– Да шут с ней, с картой, – отмахнулся Сварог. – Вы мне скажите лучше: если поднажать, если скорость увеличить...

– На пределе жмем. А за предел выйдем – сковырнемся на бок. Этот участок, отсюда и до моста

Ро, весь, считай, как змея. Боитесь, не утомонятся? – машинист понятиливо кивнул. – Я тоже так подумал, потому сразу по поезду отключил «барсучьи когти».

– Что отключил?!

– Систему экстренного торможения. Они в вагонах наверняка уже все рычаги пообрывали. Только ничего у них не выйдет. Теперь им остается лишь одно средство...

– А, понимаю, – сказал Сварог.

«Честное слово, какой-то восемнадцатый год, – подумал он, невидяще уставившись поверх головы машиниста на убегающий под локомотив рельсовый путь. – То заградотряд остановит, начнет вылавливать контру и ссаживать мешочников. То «зелено-буро-малиновые» нападут с гиканьем и посвистом – всякие там батьки Ангелы и отряды крестьянской самообороны. То просто путь разобран неизвестно кем и на кой. Словно отражение в зеркале, право слово... Хотя, если подумать, ничего удивительного. Людская суть везде одинакова, стало быть, когда возникают схожие обстоятельства, то и проявляется эта суть схожим образом.

Вот вам, милорды, еще одна параллель. Мои ближайшие подручные, мелкоуголовные Монах с Медведем, тоже враз возвысились – как в семнадцатом-восемнадцатом люди из безнадежных низов сразу запрыгивали во власть. Медведь так и вовсе – правая рука Щепки, великий чародей. И у некоторых неплохо получалось, между прочим. Куда-то враз девались шпанские замашки, зато

проявлялась недюжинной цепкости хватка, зато выручала природная сметка. А учились на ходу и на бегу...»

– Кажется, пришла пора проверять наши с вами опасения, – сказал Сварог.

Машинист пожал плечами и показал на левую дверцу кабины.

– Лесенка с той стороны.

Для того чтобы все увидеть, лесенка и не потребовалась. Поезд как раз растянулся в длинном повороте, об изобилии которых на участке говорил машинист, и весь состав просматривался до самого хвоста. По крышам, ловко перескакивая с вагона на вагон, бежали давешние безбилетники в развевающихся за спиной черных плащах.

Худшие опасения Сварога полностью подтвердились. Безбилетники не удовлетворились проникновением в поезд. Им во что бы то ни стало требовалось поезд остановить. Оно и понятно. Скоро состав доберется до Черты, а там солдаты – как и одни, так и другие. И ребяткам са-авсем не улыбается с ними встречаться.

Сварог скинул песочного цвета плащ, бросил его на откидную лавку рядом с тихо сидящим дорожным старшиной.

– Дай-ка мне трофейные пукалки, – сказал он Монаху.

– Мне не с вами? – удивленно вскинул Монах кустистые брови.

– Лишнее. Здесь будь. Присматривай, что да как.

В чем, в чем, а в лазаньях и прыжках, равно и в удерживании равновесия на бешеном ветру, Монах не силен – комплекция не та. А если сверзится, никакая магия не спасет.

– Я с тобой, – решительно шагнула к Сварогу Келина Ван-Ради.

– Отставить! – приказал Сварог самым командным из голосов, засовывая за пояс обрезы, как пираты носили кремневый пистолеты: крест-накрест. Закинул за спину сумку с боеприпасами. – Вам, супруга моя разлюбезная, будет еще чем заняться, не торопитесь.

Келина обиженно поджала губы, но подчинилась.

Сварог открыл левую дверцу кабины, возле которой действительно имелась узкая металлическая лесенка. В лицо ударил холодный ветер. «Ну, что скажете, милостивые государи? Королевское это дело – на паровоз карабкаться? Знамо не королевское. Наполеон или, допустим, Александр Третий с обрезами за поясом на паровоз не полезут, пока подданные отдыхают. А я могу. Я лезу. Вот такой я царь-государь, извольте восхищаться!» – подумал Сварог, забравшись на крышу локомотива.

Бешеный порыв встречного ветра чуть не сшиб с ног, заставил пригнуться. Одежда затрепетала, как корабельный вымпел. Слева-справа проносились, сливаясь в серо-зеленые полосы, стена леса и стена ветряков перед ним. А над головой иссиня-черными плитами нависали опостылевшие тучи. Дождь

то ли прекратился, то ли они уже выехали из-под грозового фронта.

Любители нападать на поезда, прозванные Сварогом безбилетниками, находились уже в двух вагонах от локомотива. Заметили! Ну еще бы, тут, наверху, все хорошо просматривается. Ага. Вот и первый выстрел прогремел. Разумеется, мимо.

Сварог опустил на одно колено. Положил перед собой на ходящую ходуном мокрую крышу обреза, один поднял. Тщательно выцеливать особого смысла не было – слишком уж неточное оружие, и поправку на ветер не возьмешь, слишком сильный. Сварог рассчитывал на психологический эффект, поддавшись которому, противник распластается на вагонах и откроет ответный огонь. В перестрелке безбилетникам ничего не светит, но время они потеряют, да патроны подызрасходуют. А еще хорошо бы затянуть перестрелку до Черты...

Сварог потянул тугой спуск, отдачей чуть не оторвало руку, пороховое облако в момент унесло и рассеяло ветром. Безбилетнички разом залегли. И тут же, уже из положения лежа, шарахнули в ответ из нескольких стволов. Выстрелов почти не было слышно, все заглушал грохот ветра и лихорадочный тарарам колес...

Оп-паньки! А это как понимать? Один из безбилетников вскочил на ноги, закричал что-то, рубя воздух ладонями и указывая в сторону Сварога. Выстрелы прекратились, никто в Сварога больше не целился. Ну, и? Им что, известно, кто есть Сварог? Что

пули против него бессильны? Да ладно, быть того не может. Просто этот крикун, который, похоже, у безбилетников за главного, убеждает, что при таком ветре и с такой дистанции не попасть, надо подходить ближе.

Безбилетники поднимались один за другим, и Сварог бабахнул в их сторону из второго обреза, заставив вновь залечь. Теперь, чтобы вновь популять из здешнего оружия под названием «баг», его нужно долго и нудно заряжать через дуло. Но Сварогу не дали возможности поразвлечься с процессом зарядки – главный безбилетник опять что-то заорал, яростно жестикулируя. Его пылкие речи, как говорится, нашли горячий отклик в массах. Безбилетный взвод поднялся в атаку, ребятки старательно затопали по ребристому металлу, побежали так быстро, как только смогли бежать против ветра по раскачивающейся, покатою крыше.

Сварог потянулся было к шауру, как вдруг его пронзила догадка. Буквально как обухом по голове. Оставалось лишь удивляться, почему он не подумал об этом раньше. Но логически продолжать мысль, равно как и строить всяческие предположения с гипотезами, сейчас было некогда и незачем. Сейчас всплывает совсем иная первоочередная задача, простая и незатейливая, но наиважнейшая – надо брать живьем главного безбилетника.

«Ну ща вы у меня, ребятки, удивитесь всерьез и надолго!» Сварог взвинтил себя до нужной злости и куража. Вставая, отбросил в стороны обрезы, уле-

тевшие под откос. Начал разбег, одновременно проговаривая себе под нос слова нехитрого заклинания. Проговаривая с таким расчетом, чтобы на последнем слове оттолкнуться ногой от края крыши.

Получилось.

И на крышу следующего за локомотивом вагона Сварог приземлился уже невидимым. Едва не поскользнулся, но, замахав руками, удержался. Хорошо, что никто не видит... Это должно было выглядеть со стороны так: прыгнул человек – и растаял в воздухе. В общем, то еще зрелище, особенно для слабонервных.

И таковые в безбилетных рядах обнаружили: человек восемь без лишних слов повернулись к Сварогу спиной, припустили к разрыву между вагонами и, чуть ли не отталкивая друг друга, стали спускаться вниз. Оп-па, а один уже катится по откосу. Ну совсем интересно. Сигают с поезда, позабыв о грабеже.

Немного подумав, еще двое последовали за неотважной восьмеркой. Причем один последовал весьма экзотическим образом – отчаянным прыжком прямо с крыши. И ведь никто его не подталкивал. Видимо, что-то перемкнуло в котелке от испуга... Выходит, испуг был нешуточный. Ну а подобное поведение напрочь отметало гипотезу об элитном отряде Каскада типа «пауков», буде такая гипотеза сложилась у кого-то в головах. Как убедился Сварог на своем опыте, каковой повторять как-то тянуло, «пауков» на волшебной мякине не проведешь, чем-

то простеньким вроде невидимости или отвода глаз не обманешь...

Он опять опустился на одно колено, оперся кулаками о крышу, нагнул голову, как спринтер перед стартом. Выжидал, не желая раньше времени выдавать себя. Может быть, крыша под шагами будет едва заметно прогибаться и острый глаз это способен уловить. Или чем-то еще он себя выдаст.

После панического бегства слабонервных осталось всего четверо безбилетников. Все они находились на соседнем вагоне. Главный безбилетник, на которого выжидательно смотрели другие трое, сорвал плащ и бросил его рядом с собой на крышу. Плащ сдуло и он унесся, скручиваясь и извиваясь в полете. Главный что-то коротко приказал – остальные передвинули с боков на животы сумки, похожие на противогазные, раскрыли их, покопались внутри, каждый из трех помощников достал по какому-то предмету и протянул главному.

«Ах ты ж... Колдун!» – опешил Сварог. Вряд ли сильный, раз так долго готовится. Но давать ему развернуться нельзя, кто знает, чего он там задумал...

Уже на бегу Сварог вспомнил, что в одной синематографической ленте, посвященной борьбе хороших парней с плохим Визари, был такой персонаж – колдун, естественно весь из себя отрицательный, который владел... как там ее бишь звали... Предметной магией! Предметная магия, объясняли в ленте – это низшая разновидность волшебства, потому как

требуется носить при себе уйму всякого добра, а некоторые компоненты этого добра никак нельзя держать вместе или вообще поблизости друг от друга. Словом, хлопотная штука, но от этого отнюдь не менее опасная. Если колдунишке позволить приготовиться, то может понаделать дел...

Сварог одолел разрыв между вагонами, приземлился на пружинистые ноги в пяти шагах от колдуна, торопливо возящегося с какими-то прозрачными шарами и зелеными пирамидками. Крыша дрогнула под тяжестью тела, тут уж как не услышишь, естественно, услышали, даже в таком грохоте. И трое помощников колдуна без всяких признаков страха и паники выдвинулись вперед и заслонили собой главного. В руках у них заблестели узкие, с коротенькой гардой кинжалы.

Благородную схватку Сварог затевать, ясное дело, не стал, тут уж было не до благородства. Он бил на поражение, стараясь, чтобы после удара правки не требовалось. Схватку с заслоном он решил в три удара.

Да, в общем-то, ничего особенного – бой на ограниченном пространстве, азбука десанта. А когда тебя еще прикрывает невидимость, чего ж не побеждать... Разве что бил Сварог голой рукой, а ему противостояли с кинжалами, что, так сказать, несколько уравнивало положение и давало противнику шанс. Это так, к вопросу о благородстве.

А потом Сварог едва успел перехватить руки колдуна – тот стремился соединить предметы, что дер-

жал в левой и правой: шар, заключенный в тонкую металлическую оплетку, и хитрым образом сцепленные друг с другом зеленоватые пирамидки с какими-то желтыми нашлепками в основаниях. Судя по тому, с каким неистовством вращались его глаза, какой злобой перекосило его лицо, колдуну оставалось последнее соединение. Еще бы чуть-чуть, и магическая конструкция заработала бы. Ну не повезло колдуну, что тут еще скажешь...

Отменной физической силой колдун не отличался, и Сварог, сдавив его запястья, без труда заставил разжаться пальцы сперва одной, потом другой руки. Выпавший из пальцев шар Сварог подбил ногой, не дав ему коснуться крыши, и отфутболил от греха подальше. Оказалось, не зря. Шар угодил в дренажную канаву, и тут же с этого места круто вверх узким столбом взметнулось ослепительное, апельсинового цвета пламя. Может быть, то было не пламя, а свечение или дым, образовавший в воздухе колонну оранжевого цвета. По-любому, здорово, что от этого чуда удалось оказаться достаточно далеко.

А зеленые пирамидки упали вниз без всяких спецэффектов.

Чтоб удобнее было дальше разговаривать, Сварог подсечкой уложил колдуна на лопатки, поставил колено на грудь, прижал покрепче к крыше.

А догадка, давеча осенившая Сварога, заключалась в том, что будь это простые грабители, они отцепили бы пассажирские вагоны – или все, или не-

сколько – да и удовлетворились бы вполне их грабежом. Но зачем-то им понадобилось остановить весь поезд. Зачем? А если вспомнить, что до сего дня поезда в Короне не грабили, то становится все страньше и страньше. Нет, конечно, все всегда бывает впервые и вновь, стоило поехать Сварогу – и на тебе! Странное совпадение! Вот про все про это и хотел Сварог выяснить у пленника.

– Видишь, мы остались вдвоем! – крикнул Сварог сквозь ветер. – С моей стороны никого. С твоей стороны никого. Словом, обстановка, способствующая полному доверию и задушевности. Вот давай к ним и перейдем. Тебя нужно запугивать или обойдемся? Могу свесить тебя головой вниз. Знаешь, вид бешено несущейся перед глазами земли, мельтешение шпал и вращение колес, которые могут тебя через миг переехать, очень сильно действует на человеческие души...

– А что вы мне можете пообещать? – наконец открыл рот поверженный. – Жизнь?

Он не выглядел сломленным. Смотрел дерзко, глаза в глаза, говорил насмешливо. У него было узкое загорелое лицо, по подбородку и верхней губе тянулась тонкая, словно нарисованная борода.

– Могу пообещать! – сказал Сварог. – Я не люблю отнимать жизни без необходимости. К тому же я резко добрею и мягчею, когда отвечают на все мои вопросы.

– Это наполняет мое сердце радостью. Но только вот что я скажу вам, любезный... – колдун рас-

тянул губы в презрительной ухмылке. – Наше положение отнюдь неравное. Я вас знаю – вы меня нет. Я знаю все ваши вопросы, – а вы не знаете мои ответы... Позвольте грубую аналогию, господин Сварог. Вы – слепец в черной повязке на глазах, с завязанными за спиной руками бредущий в полной темноте по абсолютно пустому коридору. А я и мой *наниматель*... а может, и *наниматели*... В общем, мы идем, дыша вам в затылок, с фонариками в руках, хихикаем над вашей беспомощностью и иногда делаем вам подножки... И как вы полагаете: кто кому в такой ситуации может ставить условия и делать выгодные предложения? То-то же. Сначала прозрейте, господин Сварог, освободите руки, снимите повязку и обернитесь. Тогда и поговорим... Хотя, боюсь, *тогда* разговаривать будет уже не о чем, коли вы прозреете. Так что ситуация тупиковая... – Он замолчал, будто вслушиваясь в громогласный перестук колес, и крикнул яростно: – Значит, жизнь мне обещаете? Думаете, жизнь – это такое уж и благо?!

И засмеялся вымученным, искусственным смехом. А потом отрывисто произнес короткое слово, похожее на скрежет проржавевшего механизма.

На грудь колдуна свешивался на цепи медальон. Стоило ему произнести загадочное слово – цепь вмиг затянулась на шее, словно ее звеньев враз стало вдвое меньше. Колдун рефлекторно вскинул руки к горлу, схватился за цепь, но тут же усилием воли отвел руки, разбросал их в стороны. И снова попы-

Глава 17. КАК ССАЖИВАЮТ БЕЗБИЛЕТНИКОВ

тался рассмеяться, но не вышло – цепь продолжала передавливать горло, уже впилась в кожу. И сжималась, сжималась, ломая шейные позвонки. Сварог автоматически попытался ослабить хватку цепи, просунуть пальцы под нее, но металл уже так глубоко вонзился в плоть, что не получилось.

И спустя несколько секунд все было кончено. Совсем недавно на крышах вагонов людей было, можно сказать, не протолкнуться, теперь Сварог остался совсем один. Если не считать, конечно, оставшиеся без ответа вопросы.

Глава 18

ГОРОД НЕКУШД, РАССАДНИК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Энтомолог повторно рассказывал эту историю, уступив просьбе бывшей фрейлины императрицы, которая пропустила рассказ номер один, потому что пребывала в тот момент в расстроенных чувствах, и ей необходимы были покой и сон. Почему бы и не рассказать, что еще делать в пути? Тем более – такое приключение, такое приключение, и разве может интеллигентный ученый отказать даме в такой малости, как рассказ...

И приват-ректор вторично с азартом поведал купе, как он вышел посмотреть, не водится ли поблизости пара-тройка занимательных экземпляров, потому что какой-то дорожный старшина из другого вагона сказал ему, что простоим долго, от поезда далеко они с женой не отходили, поэтому, когда состав внезапно тронулся, они добежали до насыпи, однако заскочить ни в один из пассажирских ваго-

нов не успевали, вот и вынуждены были забраться на площадку товарного вагона, где провели все время пути до Черты. Людей в черных плащах они заметили сразу, но большого значения их появлению не придали. Мало ли кто сейчас, в наши тяжелые дни, садится на поезд, чтобы переждать смутное время вдалеке от разгула магии...

Как и во время первого изложения повести о злоключениях энтомолога, попутчик Сварога, молодой человек с подергивающейся щекой, в этом месте рассказа выразительно хмыкнул. Но на сей раз не удержался от комментария:

– «Как прекрасен у бабочки яркий полет над серой землей повседневности...»

Высоколобый ученый сделал вид, что не усмотрел в стишке тонкого намека на то, что кое-кто за своими бабочками не видит реальности, и продолжил повествовать о трагических событиях, что разыгрались на его глазах.

Как люди в черных плащах бежали вдоль вагонов к локомотиву, конечно же, чтобы проникнуть в кабину, остановить поезд, захватить его и уж я не знаю что сотворить с пассажирами. Но тут им навстречу вышел высокий мускулистый мужчина – тоже в черном плаще, но длинном, до пят, черном трико и черных сапогах. На нем еще была черная маска, знаете, вот такая, закрывающая всю голову и пол-лица, только нижняя челюсть видна, и с небольшими острыми ушками, торчащими вертикально... Да, я тоже никогда о

подобных костюмах не слышал, может, какая-то новая Гильдия создана? Ах, сейчас каждый день что-то новое... Пойдите-ка, у него же эмблема на груди была! Ну, да, я ясно разглядел, – кажется, желтый овал, и внутри какая-то разлапистая фигурка с крыльями... Да какая Уния авиаторов, что я, их эмблемы не видел!.. Вот именно, а такой – ни разу не видел... В общем, состоялся жестокий бой со стрельбой и рукопашной, в которой герой одержал полную и безоговорочную победу над плохими людьми. А когда поезд остановился на каком-то разъезде, чуть не доехав до Черты, энтомолог с супругой смогли вернуться в свой вагон. Только одежду, вот беда, запачкали и сачок потеряли. Очень обидно. Такой сачок был!

– Просто ужас! – воскликнула бывшая фрейлина императрицы. – Но кто же этот таинственный романтический герой? Откуда он взялся и куда делся потом?

По новой началось обсуждение приключения.

– Наверное, на крыше боролся агент железнодорожной полиции, – это мнение высказал толстяк стат-барон.

– Мне всегда казалось, что железнодорожные агенты – это невзрачные, несимпатичные люди, которые следят за чемоданами, вечно простуженные, – высказалась девица с капризным лицом.

– Ввиду серьезной ситуации в стране они посылают на дорогу своих лучших людей, – сказал молодой человек с нервным тиком.

Попутчики не особо расспрашивали Сварога о деталях схватки. Видимо, не верили в способность рассеянного ученого подмечать детали. Ну и славно.

Пересечение Черты много времени не заняло. Никто никого не досматривал, документы не проверял. Позиция революционной власти была Сварогу хорошо известна: пусть катятся, буржуины, если невтерпеж. Возможно, границы и закроют, но произойдет это не так чтобы очень скоро... А может, все останется, как есть. В конце концов, Сварог не был специалистом по магическим революциям. Касательно же ценностей, которые беглецы могут прихватить с собой, считалось, что пусть прихватывают – много не вывезут, а вскоре страна вновь станет единой и неделимой, слабо быть, ценности вновь окажутся в стране. Позиция властей Вольной республики Корона Сварогу была известна хуже, но факт оставался фактом – те въезду не препятствовали, и, по крайней мере на Черте, препон ни в чем не чинили. Разве что прогоняли поезд через коридор из металлических дуг. Сварог уже видел такие на причале, где швартовался «Пронзающий», и знал, что это ничто иное как прибор «Боро-6», улавливающий проявления магии, – в частности, нахождение под чужой личиной – и наличие магических предметов. Но поскольку Око Бога почему-то не идентифицировалось серией приборов «Боро» как магический предмет, волноваться было вроде нече-

го... Если не заставят достать и не увидят завоораживающее сияние «кристалла»...

Разумеется, как же без нервного волнения, – какие-то страхи, бесспорно, присутствовали, но все прошло самым гладким образом – пересекли Черту и покатали дальше, уже по территории Вольной республики Корона – что никоим образом не отразилось на пейзажах за окнами, но отразилось на настроениях в вагоне. Пассажиры повеселели, и не только в их купе. Если до границы все в основном сидели по своим норам, то теперь выходили в коридор, подолгу там стояли, ходили, беседовали. Многие отправились отмечать пересечение Черты в кухонный вагон... Например, туда отправился толстяк стат-барон и девица с капризным лицом. Словом, в поезде воцарилось праздничное настроение.

От Черты до Некушда поезд летел без остановок, не задерживаясь даже на разъездах. Составу был предоставлен «синий путь»: все встречные обязаны были его пропускать. Ну и в положенный час локомотив въехал в город Некушд.

Сварог однажды уже видел этот город – с воздуха, издали. Город тогда показался Сварогу похожим на исполинского окаменевшего дикобраза, которому набросили на иголки новогоднюю гирлянду – столько было остроконечных шпилей и электрической иллюминации. Из окна поезда впечатление, разумеется, складывалось другое. Вернее, пока никакого не складывалось. Состав проезжал мимо бесконечных складов, ангаров, густых парков, иногда

вдали удавалось разглядеть высотные дома, эстакады и те самые шпили, но тут же вид на них заслонял очередной парк или длиннющий склад. Поезд проехал по мосту над дорогой, на которой наблюдалось оживленное – точно как в столице – электромобильное движение. А потом пошли сплошные пути, стрелки, депо, и так вплоть до самого вокзала.

Поезд, погасив скорость до минимальной, въехал под огромную арку из металла и стекла, добрался до тупика и окончательно встал. Перрон, к которому прибыл состав, был совершенно пуст.

Пустым он оставался, правда, недолго. Стоило поезду замереть, как к выходам из вагонов побежали люди в одинаковых зеленых плащах – надо думать, вокзальные работники. Волокли за собой желтые металлические барьеры и мигом выстроили из этих барьеров коридоры, шириной – чтоб мог пройти один человек. Затем работники сами выстроились вдоль барьеров, а у выходов из коридоров появились люди в до боли знакомых Сварогу плащах – иссиня-черных с зеленой подкладкой. В руках кое у кого из них наблюдались ручные приборы серии «Боро». Каскад, кто же еще. Та структура империи Корона, что полностью встала на сторону Вольной республики.

Все эти приготовления Сварогу крайне не понравились. Уж больно серьезной проверкой пахло. Но, с другой-то стороны, чего ему волноваться? Документы у него – подлиннее не бывает, магических предметов при себе нет, а что шаур, что Око об-

наружить возможно лишь при таком тщательном досмотре, что и на советской таможене, отличавшейся крайней степенью подозрительности, и то не устраивали. Ну а в личность его кто тут может знать? Даже если волей прихотливого случая он вдруг попадет на глаза каскадовцу, с которым сводила уже судьба или где-нибудь в застенках, или при задержании в кафе (хотя шанс такой встречи минимален, прямо как в «Спорлото»), то косметические изменения, каким Сварог подверг свой внешний вид, не позволят его опознать.

Келина Ван-Ради тоже признаков волнения не выказывала. Она вела себя так, как и должна себя вести по уши влюбленная в своего мужа супруга: смотрела не по сторонам, а только на него, беспокоилась, как бы не забыли что из багажа, ведь муж такой рассеянный, проверяла, все ли в порядке у благоверного с одеждой.

От вагонов по огороженным барьерами коридорам протянулись очереди к столам на выходе. Очередь двигалась медленно, но двигалась. Сварогу некогда было скучать — он занимался постоянным перетаскиванием с места на место своего багажа, насчитывающего пятнадцать мест. Причем он знал только, что находится в одном-единственном чемодане, в других же было понапихано невинное барахло, проверять которое перед отъездом он счел занятием пустым.

Та-ак, Монах преодолел кордон беспрепятственно, это уже хорошо. Была опасность, что его опоз-

нает какой-нибудь глазастый каскадовец – что и говорить, Монах портил им кровь и в бытность свою уголовником, и позже, став активным деятелем революционного движения... Но Сварог предпочел рискнуть и взял его, решив, что знакомый черт лучше незнакомого.

Каскадовцы прохаживались вдоль барьеров, как эсэсовцы вдоль колючки, пристально оглядывая прибывших. Но на Свароге никто из них взгляд не задерживал. Похоже, в поле их пристального внимания угодил ни кто иной, как толстяк стат-барон – уж больно заметно нервничал, вертелся без конца, вытягивая шею. Сварог-то знал, что тот высматривает жену и сына, но со стороны его поведение выглядело весьма подозрительно.

Ну и довыглядывался. Бедолагу стат-барона промариновали на выходе гораздо дольше остальных, но, видимо, он не сумел убедить каскадовцев в своей честности и лояльности, и те отправили его не как остальных – к двери с горящей надписью «Город», а сопровождали к двери, вовсе никакой надписи не имевшей. Сварог даже пожалел забавного толстяка.

А вскоре наступила и их с Келиной очередь.

Человек за столом, типичная въедливая канцелярская крыса, бегло просмотрел документы, взглядом-рентгеном прошелся по лицам и багажу, потом ткнул пальцем явно наугад в пухлый кожаный чемодан с двумя ремнями:

– Попрошу открыть.

Сварог противиться не стал. Хотя он и не знал, что в этом чемодане, но нисколько не сомневался в невинности его содержимого. Так и оказалось: чемодан был доверху набит дамскими тряпками.

Другой служака, видимо, специалист по досмотру, принялся ловко перебирать шелковые, бархатные, атласные тряпочки, мелькнуло нечто воздушно-кружевное. Келина Ван-Ради, презрительно фыркнув, отвернувшись, всем своим видом показывая, как она презирает людей, чья профессия – копаться в женском белье.

В общем, все проходило, как и у всех до них. И вопросы задавали те же:

– Цель прибытия?

Сварог объяснил все про бабочек. Устроило.

– Ваша профессия? Где проживали в Вардроне?

Ну и в том же духе. Сейчас их должны направить к двери с надписью «Город».

И тут у Сварога тренькнуло чувство опасности. Легонько так, но явственно.

Что за черт! Он незаметно отсканировал обстановку вокруг себя – никаких тревожных признаков, никаких настораживающих изменений. Так, так... А показалось или не показалось, что курьер, разносящий от стола к столу бланки анкет, скрытно так стукнул пальцем по спине чиновника, который беседовал сейчас с энтомологом и его супругой? Или это паранойя разыгралась? Тем более, что поведение чиновника не переменилось, он был по-прежнему казенно сух и неприветлив.

– Попрошу вас пройти с этим человеком для некоторых уточнений, – вдруг сказал чиновник, отдавая документы не Сварогу, а каскадовцу, которого поманил пальцем.

– В чем дело?! – изобразила возмущение «супруга энтомолога».

«Молодец, Келина, – подумал Сварог. – Выигрывает время, чтоб я сообразил, что делать. А что делать? Сейчас пытаться *уходить* – в высшей степени неразумно. Во-первых, прямой угрозы пока нет. Во-вторых, слишком много каскадовцев ошивается вокруг. Повяжут в три секунды... Пока придется подчиняться».

– Мой муж – знаменитый ученый. Его знают во всех университетах Гаранда! – исполняла знакомую песню Келина.

– Дорогая, – тронул ее за рукав муж-интеллигент, – сходим, куда просят. Я уверен, это ненадолго. Наверное, просто недоразумение.

Супруга вскинула подбородок в знак того, что подчиняется, но оставляет за собой право презирать.

– А багаж? – робко поинтересовался Сварог.

– Оставьте, с ним ничего не случится, – заверил чиновник.

– Я только возьму с собой золотую часть коллекции, – Сварог сунул чиновнику под нос коробку, где сквозь стекло можно было посмотреть на бабочек, приколотых булавками к обитому мягкой тканью дну, – здесь бесценные экземпляры, которые вы нигде уже больше на Гаранде не найдете.

Сопровождать энтомолога и супругу отправился не один каскадовец, а двое – один шел впереди, другой замыкал процессию. «Ерунда, – подумал Сварог. – С двоими-то управлюсь. Парализаторов у них что-то не видно. Может, и обойдется...»

За дверью без надписи обнаружился длинный серый коридор с множеством дверей.

– Прошу, – первый сопровождающий толкнул ничем не приметную дверь, открывая доступ в тускло освещенную и пустую комнату.

– А что мы должны будем делать? – спросил Сварог.

– Сейчас к вам придут и объяснят, – ожидаемо ответил каскадовец.

Подчиняясь наитию, Сварог отступил на шаг назад и будто ненароком толкнул противоположную дверь.

В комнате был стол, на краю которого сидел толстяк стат-барон, курил трубку и по-свойски, как с добрыми старыми приятелями, трепался с каскадовцами. Увидев Сварога, он на мгновение смутился, пришел в замешательство, потом соскользнул со стола...

Чувство опасности взвыло как стадо мартовских котов.

И Сварог не стал ждать, что предпримет добродушный толстяк. Сварог с силой захлопнул дверь и сходу включился в *работу*.

Подсек под голень ближайшего каскадовца, и, когда тот стал валиться, добавил ему «клювом яст-

реба» под кадык. Потом взвился в прыжке и каблук-ком свернул второму сопровождающему челюсть.

Не растерялась и Келина, вцепилась обеими руками в ручку двери, за которой находились стат-барон и его дружки-каскадовцы – чтоб выиграть время. И выиграла.

– Отпускай! – крикнул Сварог, раздирая ногтями коробку с драгоценными бабочками.

Келина отпустила ручку, и Сварог тут же, что есть силы врезал по двери ногой, отменно заехав в лоб тому, кто находился за дверью.

– По коридору! Уходи!

Она подчинилась, бросилась по коридору, Сварог за ней. Он уже выбросил разодранную коробку и сжимал в руке освобожденный из тайника свой верный шаур.

– Стой!!! – закричал Сварог, увидев, что стат-барон и каскадовцы, выскочивши из комнаты, не преследуют их – стоят возле двери и просто смотрят.

Но уже ничего нельзя было поделать.

Первая решетка с лязгом обрушилась в пяти шагах перед ними, вторая – в трех шагах позади них. Они оказались заключенными в натуральную клетку.

– Око, – твердым, ровным голосом сказала Келина. – Доставайте Око, господин Сварог. И я им устрою день гнева. Мы не проиграли.

Достать Око было делом секундным, но Сварог замер в полной прострации, так и не дотронувшись до «кристалла».

И обалдеть было от чего, ей-богу. Сварог почувствовал, как челюсть его предательски отвисает на грудь.

Еще одна из коридорных дверей распахнулась, и послышался знакомый брюзжащий голос:

– Что ж это вы, маскап, сразу драться-то начинаете, а? Не разобравшись, не поинтересовавшись, не спросив... Ай-ай-ай, разбалывались вы в этой своей Монитории. В меня не стреляйте, хорошо?

Из кабинета, вытирая руки салфеткой, неторопливо вышел высокий худощавый человек.

– А я, признаться, успел соскучиться по вас, мастер Сварог, – сказал Гор Рошаль.

ГЛОССАРИЙ

Некоторые любопытные сведения о Короне,
Великой Империи Четырех Континентов

О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

1. Новое летосчисление было введено в Короне триста два года назад, в год провозглашения правившего тогда короля Пер-Лошега первым императором Короны. За единую точку отсчета как раз и приняли год провозглашения Короны империей. Поэтому в официальных документах принято указывать: «такой-то год от Первой Империи», хотя в разговорной речи зачастую можно услышать: «От первого императора», – или: «От Объединения». События, происходившие до означенной точки отсчета, помечают в официальных документах как «такой-то год до Первой Империи».

Сейчас, таким образом, 302 год от Первой Империи.

До этого не существовало упорядоченной хронологии, чуть ли не у каждого государства была своя система летосчисления, но все же наибольшее распространение имел так называемый Храмовый отсчет. Согласно Храмовому канону, Книга Истинного Света была ниспослана человечеству восемьсот сорок семь лет тому назад – это и есть нулевая дата. Храм и по сию пору при составлении бумаг внутрицерковного хождения пользуется своим летосчислением – Храмовым отсчетом.

К историческим курьезам можно отнести бытовавший в поглощенном Короной крохотном государстве Верхний Годли-Отт счет годов, который вели «со дня первой брачной ночи». Имелась в виду первая брачная ночь легендарных перволюдей Олии-Отт и Годли-дан-Ротан, в которую был зачат первый верховный вождь Годли-Отт, согласно преданию и основавший государство Верхний Годли-Отт. По этому летосчислению сейчас идет 5891 год от первой брачной ночи.

А пророк Многоуст, живший в 136-103 годах до Первой Империи, предложил вести счет годам от «рождения звезды Ротритар». Сей пророк утверждал, что «когда звезда Ротритар зажглась в небеси, Бог явил себя первый и последний раз в обличье человеком, а после превратил свое сердце в светоносный Гелис, а свое тело – в Свет». Звезда Ротритар появилась на небе, по утверждению пророка Многоуста, 1740 лет назад. Разумеется, последователи Многоуста, которых особенно много на Гви-

доре, считают годы в соответствии с заветами своего учителя.

2. Официальная историческая наука Короны выделяет следующие периоды всемирной истории: эпоха Всеобщей Дикости, эпоха Первых Королей, эпоха Утверждения Храма, эпоха Великих Войн, эпоха Владычества Империи и Электричества.

Правда, в последнее время завоевывает популярность предложенная соректором университета города Некушд классификация эпох по доминирующему способу жизнеобеспечения: эпоха Лесов, эпоха Пашен, Кузнечная эпоха, эпоха Ремесла, эпоха Электричества.

КАЛЕНДАРЬ

Год на Гаранде состоит из четырех сезонов: Жаркий сезон, Пасмурный сезон, Холодный сезон, Ранний сезон. Каждый сезон насчитывает двенадцать коротких недель (по семь дней) и одну длинную (восемь дней). Недели официально называют по порядковым номерам, допустим, «первая неделя Раннего сезона», «десятая неделя Пасмурного сезона». В народе распространены также обиходные названия недель: «больная неделя» (первая), «смешная неделя» (шестая), «резиновая неделя» (тринадцатая), «свадебная неделя» (седьмая неделя Пасмурного сезона) и так далее.

Разумеется, в фольклоре народов империи по поводу каждой из недель существуют свои пословицы, поговорки, присловья, суеверия и приметы. Например, считается, что на тринадцатой неделе любого сезона нельзя ни в коем случае признаваться в любви, играть свадьбы, заключать сделки и заготавливать продукты впрок. Кое-где, скажем, в провинции Дакмор все четыре тринадцатые недели – выходные. А вторая неделя Раннего сезона издревле считается гадательной или определительной. Во время этой недели каждое событие, происходящее с человеком, истолковывается с прицелом на весь год. К примеру, если кто-то заболит на этой неделе, то ему надлежит весь год самым бережным образом обходиться со своим здоровьем, побольше отдыхать, ничем не злоупотреблять, и только через год аналогичная неделя покажет, можно ли ему ослабить самоконтроль. А если кто на этой неделе потерпит неудачу в любви, то со свадьбами-женитьбами в этом году ему торопиться не стоит, лучше год переждать.

ПРАЗДНИКИ

В Короне четыре главных праздника.

1. *День рождения Императора.* Сейчас отмечается в третий день одиннадцатой недели Пасмурного сезона – в этот день родился правящий ныне Император. К этому дню обычно приурочены награждения, повышения по службе, амнистии, торже-

ственные открытия новых дорог, каналов, строительных объектов, спуск на воду кораблей и прочие официальные мероприятия. В этот день в столице, мегалополисе Вардрон, обязательно проводится парад авиаторов и Большой Дворцовый Прием, а в каждом из городов империи в честь Императора по главной улице проходит утреннее праздничное шествие. Простые люди в этот день празднично обедают в кругу семьи и дожидаются пятнадцатой стражи, когда на главные площади городов выкатывают оплаченные императорской казной бочки с вином. А с наступлением темноты на площади сжигают соломенное чучело, символизирующее беды, болезни и напасти, какие могут свалиться на Императора – сжигают, чтобы отвести эти напасти.

С некоторых пор еще сжигают и чучело мага Визари.

2. *Новый год.* Его справляют на стыке Холодного и Раннего сезонов. Главные торжества происходят в последнюю ночь Холодного сезона. На столе в эту ночь обязательно должен быть жареный двухмесячный поросенок и бочонок шарши (десятиградусный напиток на лесных ягодах). Обязательный новогодний ритуал – розыгрыш подарков. Все подарки складывают в сундук, поочередно достают, спрашивают: «Кому?», – человек с завязанными глазами называет имя. Доставшийся подарок нельзя передарить, от него нельзя отказаться. Традиция несет в себе элемент шуточного гадания. Какой по-

дарок получишь – так год и проживешь. Новогодние праздники длятся шесть дней: три последних дня Холодного сезона и три дня Раннего сезона.

3. *День Первой Империи.* Отмечается в четвертый день шестой недели Жаркого сезона. Из традиций, закрепленных за этим днем, можно отметить лишь певческие состязания, которые проходят во всех крупных городах империи. На бытовом уровне праздник сложился как день памяти. Люди посещают могилы своих родных, поминают ушедших в мир иной.

4. *Праздник Истинного Света:* религиозный праздник, возведенный в ранг государственного.

Его история такова: двести пятьдесят лет назад на материке Корона осталось лишь одно крупное государство, не признавшее над собой власть империи – страна Длиссов. Долгое время сосуществование государств носило взаимотерпимый характер. Государство Корона было занято интеграцией в империю только что покоренных стран, где сплошь и рядом вспыхивали мятежи, имели место саботаж и другие акции неповиновения, государство страна Длиссов не решалось нападать на могущественного соседа. Однако власти обеих стран понимали, что так не может продолжаться вечно, рано или поздно военный конфликт неизбежно произойдет.

Правители и военачальники страны Длиссов отдавали себе отчет, что у них нет никаких шансов

победить в позиционной войне, слишком уж велико отставание одного государства от другого по части военной техники. У них оставался единственный шанс на победу – молниеносный, кинжальной остроты и точности удар в наиболее уязвимое место Короны. Таковым являлась военная база Ош-Голонг, расположенная на побережье океана. Там размещалось крупное соединение военного флота, там под охраной флота находились большие склады оружия и военного снаряжения. Удача в военной операции позволила бы правителям страны Длиссов не только захватить стратегически ключевой пункт и богатые трофеи, но и выиграть время, за которое они надеялись ликвидировать отставание в техническом развитии.

В безлунную ночь тысячи небольших лодок-плоскодонок выплыли из устья реки Опар и вдоль побережья устремились к базе Ош-Голонг. Десятки тысяч отборных воинов страны Длиссов, одетых в черные одежды, ждали той минуты, когда борта их плоскодонок стукнут о борта больших военных кораблей, можно будет вскарабкаться наверх и ворваться в подпалубные помещения, можно будет высыпать на набережные и устремиться к арсеналам. Блестящие части их оружия были замотаны темной материей, чтобы ни малейшим случайным отблеском не выдать своего приближения.

Когда авангард лодочного десанта находился в нескольких весельных гребках от первых кораблей императорской эскадры Короны, в небе вдруг вспых-

нул яркий свет, осветивший разом всю гавань. Стало светло как днем. Эффект внезапности мгновенно сошел на нет, враг был обнаружен одновременно всеми часовыми и вахтенными, на кораблях и на суше поднялась тревога, в считанные секунды пришли в состояние боевой готовности корабли и береговая артиллерия. А потом состоялся полнейший и форменный разгром. Лодочная флотилия страны Длиссов была уничтожена полностью, уничтожена безжалостно. Пленных не брали. В той бойне уцелело лишь несколько сотен воинов страны Длиссов, спасшихся вплавь.

Это не легенда, события на самом деле имело место, что подтверждено тысячами свидетельств очевидцев. Разумеется, вспыхнувший в небе загадочный свет был объяснен исключительно с религиозной точки зрения. Жители страны Длиссов, тоже исповедовавшие Учение об Истинном Свете, уверовали, что высшая сила на стороне империи, а не на их стороне, их моральный дух был подавлен напрочь, и вскоре после событий на базе Ош-Голонг вошедшие в страну Длиссов войска Короны не встретили на своем пути почти никакого сопротивления.

С тех пор четвертый день восьмой недели Жаркого сезона отмечается как день благоволения к империи высших сил и носит официальное название Праздник Истинного Света. В этот день во всех Светлых Домах проходят торжественные службы, прихожане приносят Храму богатые дары, а священнос-

лужители чистым светом очищают прихожан от житейской греховной грязи. Дальнейшее празднование носит преимущественно семейный характер. По традиции в этот день много едят и выпивают большое количество легкого вина. Молодежь вечером выходит на гулянье с играми и танцами. Между прочим, свадебные предложения принято делать именно на Праздник Истинного Света.

Попытки ученых объяснить события той ночи с научной точки зрения (например, предлагалась версия о падающем метеорите) всегда встречали жесткий отпор со стороны священников Храма...

Лишь эти четыре официальных праздника являются всеобщими выходными днями. В провинциях и в отдельных городах существуют свои праздники, их множество по всей Короне. Самые известные и популярные из них:

1. *Фестиваль шарши* (напомним: десятиградусный напиток на лесных ягодах), проходящий в городе Ешхат. Знаменит питейными состязаниями, которые не раз пытались запретить после нескольких трагических случаев, вызванных злоупотреблением шарши, но безрезультатно.

2. *Праздник камней*. Проходит во всех городах и деревнях провинции Акчиндай (Гвидор). Обязан своим происхождением общинным временам и обычаю возводить общественные здания и частные дома всем миром. В полдень жители городов и деревень собираются за городской чертой всегда в одном и том же месте. Каждый приносит с собой камень,

камни складывают в кучу, которая год от года растет. После чего возле так называемого Мирового кургана проходят конные состязания, а затем начинаются народные гулянья, которые длятся всю ночь до утра. Женщины в этот день украшают головы венком из полевых цветов.

3. *Большой фестиваль борьбы Джаутай.* Начинается в первый день первой недели Жаркого сезона и длится неделю. Проходит в городе Нешуд, сперва проводился под городом, под открытым небом на Кротовом поле, теперь – в недавно отстроенном Дворце Состязаний, вмещающем пятьдесят тысяч человек. Ежегодно съезжается до полутора тысяч участников и несколько сотен тысяч зрителей. Помимо основных соревнований за Золотой Пояс проходят многочисленные состязания любителей борьбы. Любое заведение, от захудалого трактира до дорогой гостиницы, выставляет приз, оборудует площадку и проводит состязания для всех желающих, исключая профессиональных борцов.

Народные, семейно-бытовые праздники: в честь рождения ребенка, в честь первого зуба у ребенка, день совершеннолетия (достижение шестнадцати с половиной лет), свадьба, день рождения, пятидесятилетие (отмечается пышно, с приглашением всех родственников), праздник урожая (сельская местность, но многие горожане любят в этот день посещать деревни), день первого пения птиц и другие.

РЕЛИГИЯ

Большинство верующих исповедует Учение об Истинном Свете и принадлежит к Храму, к официальной церкви Короны. Формально религия в Короне отделена от государства, однако на деле Храм всецело подчинен и подконтролен государству. Даже в Верх-совете Храм представлен своим верх-советником по делам веры и духовности, имеющий равный голос с остальными членами Верх-совета.

Итак, господствующей религией в Короне является Учение об Истинном Свете. Оно возникло чуть более восьми столетий назад и обязано своим появлением Книге Истинного Света, которую, согласно Храмовому канону, 847 лет назад ниспослал людям Творец Истинного Света, сам Светом же и являющийся. Это главный постулат Учения: Творец суть Свет, проливающийся на нас, дающий тепло и жизнь. (Например, одна из самых злостных ересей пророка Многоуста как раз и заключается в утверждении, что Творец, до того как обратился в Свет, являл себя в человеческом облике. Храм этого категорически не признает и решительно борется с теми, кто считает, что Творец когда-то хоть в чем-то уподоблялся человеку).

Происхождение мира Учение об Истинном Свете объясняет так. Сначала было Ничто, или Пустота, потом зажегся Свет, заполнил собой все Пределы. Свет стал творить мир, людей, животных, рас-

тения, твердь и воду, огонь и холод – все. Поскольку слишком много Света ушло на сотворенное, его перестало хватать на все Пределы, и недостаток Света заполнила Тьма. Творец остановил творение на половине пути к совершенству, ибо тогда Тьмы в мире стало бы больше, чем Света и нарушилось бы равновесие. Творец наказал людям добиться совершенства самим и довести до совершенства обитаемый мир. Он помогает людям Светом. Он помогает людям не попадать под власть Тьмы, устроив жизнь так, чтобы люди спали, когда в мире владычествует Тьма.

В Книге Истинного Света всего семь заполненных страниц и двести пустых. Исконная Книга, ниспосланная Творцом и написанная Светом, существует в единственном экземпляре и хранится в Главном Светлом доме в мегалополисе Вардрон. Это главная реликвия Храма. Считается, что на пустых страницах однажды появится новый текст, и случится это не раньше, чем люди очистятся от Тьмы, поселившейся в их душах. Тогда им будет начертан следующий шаг к совершенству.

Во главе Храма стоит верх-понтификат, эта должность пожизненная. Его ближайшее окружение составляют четыре светоносца, один из которых впоследствии становится верх-понтификатом. Дальше по иерархической лестнице следуют крон-патрии, про-патрии и патриии. Священнослужителям разрешено жениться и заводить детей, но строго запрещено употребление алкоголя и табакокурение. За

нарушение этих двух запретов, равно как и за прелюбодеяние до брака и вне брака, священники лишаются сана навсегда, без права на обжалование и помилование.

Патрии, то есть рядовые священники, надевают на службу длинные, до пят, белые плащи, просторные куртку и штаны, похожие на кимоно, и головной убор под названием «пату» (опушенная беличьим мехом круглая белая шапочка). У про-патриев на плаще имеется вышитый золотом ромб – символ открытой Свету души. У крон-патриев головной убор высокий, по краям плаща пущена золотая канва, а еще им надлежит носить белые перчатки. Священнослужителям первых трех ступеней разрешено за пределами Светлых Домов носить обыкновенную мирскую одежду. Священники двух высших ступеней всегда носят только церковную одежду, которая называется «вари» и представляет собой сложное сооружение из белой материи – ее невозможно надеть без посторонней помощи.

При Храме существует так называемая Служба Рвения, коей вменяется в обязанность надзирать за священнослужителями, дабы те не порочили Храм, помогать миссионерам в обращении язычников в Учение Истинного Света и бороться с ересями. С момента образования империи еретиков не подвергают смертной казни (а до этого им рубили головы и головы эти выставляли на всеобщее обозрение – чтоб другие призадумались, пока есть чем), ныне вопросы жизни и смерти че-

ловека находятся исключительно в ведении суда. С еретиками Служба Рвения борется доступными ей средствами: переубеждением, разоблачением, иногда прибегая к обыкновенному подкупу – Храм не жалеет средств, когда дело касается вопросов веры. Ну а если кто-то из искажителей Учения переходит границы дозволенного, Служба Рвения прибегает к помощи Каскада, с которым давно и плотно сотрудничает.

Светлые Дома, то есть здания для молитв и проповедования Учения Истинного Света, существуют во всех городах Короны и в деревнях, где насчитывается больше полутысячи жителей. Отличительной особенностью Светлых Домов является обилие окон. По Храмовым канонам их не может быть менее тридцати, но обычно гораздо больше. В Светлых Домах современной постройки устанавливают прозрачный купол из прочного стекла. Сейчас и многие Дома старой постройки реконструируются – как раз для того, чтобы установить прозрачный купол. Внутри Светлых Домов стоят деревянные скамьи белого цвета, колонн нет совсем, имеются лишь полуколонны, по стенам висит множество зеркал и цветных витражей. Полы, как правило, мозаичные из камней светлых пород. Во время служб в Светлых Домах включают все электричество, а возле алтаря зажигают свечи. Это носит символический смысл: изгнание Тьмы, чем больше Света, тем меньше Тьмы. За алтарем в Светлых Домах располагается иконостас, где обязательно имеется изображение всех со-

рока пророков – тех, что несли людям слова Книги Истинного Света. Самый уважаемый Храмом пророк – Тор-Вардр, Тот, кто сберег Книгу.

Пророк Тор-Вардр

Согласно Храмовому канону Тор-Вардр был обыкновенным письмоношцем. Однажды он, как обычно, нес сумку с письмами из одного города в другой, и путь его был далек. Тор-Вардр остановился на ночлег в полуразрушенной хижине в горах – там, где останавливался всегда. Он собрал хворост, разжег очаг и вдруг обнаружил на пыльной каменной полке толстую книгу в кожаном переплете, которой не было тут неделю назад, когда он последний раз проходил этим маршрутом.

Тор-Вардр раскрыл ее, начал читать... и забыл обо всем. Он перечитывал и перечитывал книгу всю ночь напролет. Он осознал, какое сокровище оказалось у него в руках, и понял, что избран высшей силой для его сбережения. Но Книгу мало было сберечь, необходимо было сделать ее достоянием всех людей. Еще же Тор-Вардр со всей отчетливостью понял, что раз есть кому сберегать, найдется и кому отнимать. Конечно же, силы Тьмы рано или поздно узнают про Книгу и сделают все, чтобы ее уничтожить. Так и вышло.

Утром, положив Книгу в сумку с письмами, Тор-Вардр покинул горную хижину, как выяснилось, за тем, чтобы остаток дней провести в дороге. О странствиях Тор-Вардра известно не просто много, а *слиш-*

ком много. Чрезмерность всяких историй, домыслов, версий и легенд заставила Храм в двухсот третьем году от Первой Империи издать оллү (указ верх-понтификата), коей предписывалось считать каноническим текстом «Житие пророка Тор-Вардра, записанное с его слов странником Корти-Голлиго».

Согласно этому, признанному наиболее правдивым, жизнеописанию Тор-Вардр отправился в город Мааринг, где проживал его дальний родственник, работающий переписчиком книг. По дороге Тор-Вардр выучил Книгу наизусть, прекрасно сознавая, что этим выносит себе смертный приговор – отныне силы Тьмы не смогут ограничиться отъемом Книги, отныне они должны будут уничтожить и человека, что хранит в голове священный текст.

Нелегким выдался для пророка путь. Силы Тьмы начали охоту за ним, едва он покинул горную хижину. Однако по горам и лесам, по болотам и пустыням, пешком, верхом и вплавь Тор-Вардр все же продвигался вперед, несмотря ни на что. Он постоянно встречал на своем пути препятствия и опасности, одако уходил от них, проявляя поразительную силу духа, чудеса хитрости и изворотливости, недюжинные способности ума.

Например, в пустыне Акс-Машут путь к колодцу преградили трое вооруженных людей. «Мы – стражи колодца», – сказали они. «Кто вас поставил?» – спросил Тор-Вардр. «Нас поставили люди, – ответили они. – И ты должен поделиться с людьми, если тебя мучает жажда». Тор-Вардр умирал от жажды,

он понимал, что до следующего колодца ему не дойти, но единственное, чем он мог расплатиться – Книгой Истинного Света. «Хорошо, – сказал Тор-Вардр, – ваша взяла. Я очень хочу пить и готов заплатить за каждый глоток по десять золотых монет. Я сделаю десять глотков, таким образом вы получите сто золотых монет». Глаза у стражников колодца или попросту говоря, у разбойников, разгорелись, потому что сто золотых монет была огромная сумма, на которую можно было безбедно прожить целый год, ни в чем себе не отказывая. Пророк Тор-Вардр дал алчности проникнуть поглубже в разбойничьи сердца, потом сказал: «Только расплачусь я с вами потом, на обратном пути. Клянусь небом, Светом, матерью и моим честным именем: когда я пойду обратно, вы получите свои сто монет. Или же можете сейчас убить меня, забрать все, что есть у меня при себе, а это едва потянет и на пять медяков. Выбирайте. Или пять медяков, но сейчас, или сто золотых монет, но на обратном пути».

Разбойники почесали затылки, выбрали сто монет, но на обратном пути, и дали Тор-Вардру напиться. Может, пророк и отдал бы разбойникам обещанные сто золотых монет, но он так никогда и не пошел обратным путем через пустыню Акс-Машут.

Фраза пророка: «Или пять медяков, но сейчас, или сто золотых монет, но на обратном пути», – стала самой употребляемой в Короне пословицей, ее смысл можно перевести как: «Что лучше, синица в рукаве или журавль в небе?»

Еще пример из книги «Житие пророка Тор-Вардра...».

У самого города Мааринг его захватил в плен некий землевладелец, по чьим землям он проходил. «Чернокнижник! – кричал землевладелец, гарцуя вокруг Тор-Вардра на лошади и размахивая саблей. – Ты хочешь наслать порчу на мой скот и на мои посевы, на моих людей ты насылаешь болезни!» Землевладелец погнал Тор-Вардра в свой замок, где велел развести костер. Обезумевший не без влияния сил Тьмы хозяин замка и окрестных земель собрался немедленно сжечь чернокнижника и его черную книгу, которую тот таскал с собою в сумке для носки писем. «Хорошо, – сказал Тор-Вардр, уже привязанный к столбу, который слуги землевладельца обкладывали хворостом, – твоя взяла. Только исполни мою последнюю маленькую просьбу». «Только если она не помешает казни», – насторожился землевладелец. «Сущий пустяк, – сказал пророк. – Я бы хотел в последний раз в жизни сыграть в свою любимую игру – подброс монетки. У меня есть медяк, я бы хотел его проиграть или выиграть еще один». «Ну только один раз», – усмехнулся землевладелец. По его приказу Тор-Вардра развязали, пророк достал из кармана медную монету самого мелкого достоинства. Землевладелец сам вызвался на игру и ему подали такую же монету. Они сыграли раз и Тор-Вардр выиграл. Тогда землевладелец сам пожелал сыграть еще раз и еще раз проиграл. Они играли целый день и еще день. Землевладелец проиграл свой замок,

поместье и жену. Он не мог уже казнить Тор-Вардра, потому что свидетелями игры были сотни человек его двора и гости его замка – потом вмиг во все пределы разнеслась бы молва о неблагородном поведении этого землевладельца, о его запятнанной чести. «Пора остановиться, – вдруг сказал Тор-Вардр. – Предлагаю тебе выкуп за свою свободу – все выигранное мною». Землевладелец, разумеется, согласился и пророк получил свободу. «Как тебе удалось все время выигрывать? Колдовство?» – спросил напоследок землевладелец. «Нет, – ответил пророк. – Мне помогала вера в Истинный Свет». На самом деле медяк подарил Тор-Вардру один из тех, кто благодаря пророку принял Истинный Свет и оставил свое прежнее ремесло – жульничество в азартных играх. Подарил со словами: «Это заговоренный медяк, который никогда не проигрывает. Боюсь соблазна, а выбросить жаль». Тор-Вардр принял медяк со словами: «Нет плохих и хороших вещей. Все зависит от того, чему они служат». Этот медяк послужил Истинному Свету.

Тор-Вардр добрался до города Мааринг, где его дальний родственник, переписчик книг, сделал десять копий Книги Истинного Света. Больше копий он сделать не сумел – скончался во сне от сердечного приступа, хотя никогда ранее на сердце не жаловался. Тор-Вардр взял десять копий и вновь отправился в путь, чтобы обойти разные земли и разные государства, отдавая копии в надежные руки с наказом копировать Книгу снова и снова и знакомить с

нею как можно большее число людей. Тор-Вардр странствовал всю свою жизнь, а прожил он по разным сведениям от сорока до шестидесяти лет. Кстати, каноническое «Житие пророка Тор-Вардра» не сообщает, на каком году ушел из жизни пророк, но рассказывает о том, как это было. Тор-Вардр, прошедший жизнь в дороге, совершил свой последний переход – до маленькой горной хижины, в которой он когда-то обнаружил Книгу. У хижины уцелели лишь стены и фундамент, крыша же сгнила и провалилась. Но уцелела и печь, которую Тор-Вардр растопил, посидел возле нее, вспоминая свою жизнь, потом лег в углу, где обычно ложился в те годы, когда еще служил письмоношцем. И уснул навсегда.

Тор-Вардр сберег исконную Книгу Истинного Света, незадолго перед смертью он отдал ее в первый Светлый Дом, построенный в городе Додишуд, в бывшей столице ныне не существующего государства Блогдарак. Когда Додишуд примкнул к империи, признав над собой власть Короны, то правитель Додишуда в знак верности преподнес Книгу Императору. С тех пор она хранится в столице, в главном Светлом Доме империи.

В прошлом году вышла скандальная синемаграфическая лента «Муки Тор-Вардра», в которой пророк побеждает своих врагов не силой духа и гибкостью ума, а грубой силой мышц и при помощи приемов борьбы джаутай. Например, эпизод с колодцем и разбойниками решен просто: Тор-Вардр расшвыривает разбойников (которых, к слову, в лен-

те не трое, а добрая дюжина) приемами джаутай, а свою знаменитую фразу «Или пять медяков, но сейчас, или сто золотых монет, но на обратном пути» он произносит, свалив с ног ударом ноги последнего разбойника, отчего фраза абсолютно обесмысливается. Храм препятствовал выходу ленты, вопрос решался на Верх-совете, но у фильма оказались сильные покровители (по слухам, часть ленты была оплачена напрямую из императорской казны и несколько верх-советников связывали с фильмом свои коммерческие интересы). Храм не смог помешать выходу ленты на экраны, но упрямо продолжал борьбу и кое-чего все же добился: во-первых, текст к фильму должен быть переписан под надзором священнослужителей Храма, во-вторых, кандидатуры чтецов для синемаграфических залов должны согласовываться с Храмом, в-третьих, лента должна идти без музыкального сопровождения.

Сумка письмоносца, в которой Тор-Вардр носил Книгу Истинного Света, сохранилась и находится в городе Некшуд в Светлом Доме памяти Тор-Вардра. Это вторая по значению реликвия Храма.

Кроме Храма, существуют еще два монашеских ордена:

1. *Хранители Книги*. Носят коричневые плащирясы, коричневые клобуки, лиц не бреют. Орден возник как союз продолжателей дела Тор-Вардра по сбережению Книги Истинного Света.

2. *Орден Странников*. Возник как союз повторителей странствий Тор-Вардра, целью своей орден

провозгласил – рассказывать людям об Учении Истинного Света и бороться с искажителями Учения. Члены Ордена одеваются, как миряне, но носят на груди на медной цепи знак принадлежности к ордену в виде заключенного в круг орла – символа всевидения.

ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА

Основная денежная единица – гриффон.

1 гриффон = 100 сфинksam.

Гриффоны чеканят из сплава золота с другими металлами, сфинксы – из сплава меди с другими металлами.

В обращении монеты следующего достоинства: 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100 гриффионов и 1, 2, 3, 5, 10, 15, 20, 50 сфинксов.

Еще в обращении: 1 серебряный дракон = 5 гриффонам, 1 золотой единорог = 50 гриффонам.

Все монеты (гриффон, сфинксы, единороги, драконы) круглые. На реверсе – изображение мифологического животного, по кругу надпись: «Величие императора в благоденствии его подданных», на аверсе – цифра, по кругу – венок из дубовых листьев.

Некоторым провинциям на Гвидоре разрешено чеканить свои монеты, которые имеют равное с основной денежной единицей Империи хождение, но только на территории Гвидора. Наиболее уважаемой валютой помимо имперской является так на-

зываемая «башня», которую чеканят в провинции Гошлог. «Большая башня» = 40 гриффонам, «средняя башня» = 20 гриффонам, «малая башня» = 7 гриффонам. Монеты «башни» шестиугольные, с круглым отверстием посередине, изготовлены из сплава золота с другими металлами. Остальные монеты Гвидора пользуются спросом в основном у коллекционеров, в торговых предприятиях их не принимают.

Сорок лет назад в обращение вошли бумажные деньги. Печатают только гриффоны достоинством в 5, 10, 25, 50, 100 гриффонов. Бумажные деньги в народе называют «тапарки» – от имени верх-советника по финансам Рогт-Тапара, благодаря которому эти деньги и появились в обращении. На Гвидоре бумажные деньги принимают неохотно, равное хождение с монетами они имеют лишь в крупных и портовых городах Гвидора.

Имперские «гриффоны» обеспечены всем богатством Короны – Империи Четырех Континентов.

Деньги, имевшие хождение в доимперский период, и те, что чеканили при Империи, но которые по тем или иным причинам вышли из обращения, имеют большую коллекционную ценность. Особенно ценятся деревянные монеты под названием «эжэл», которые имели хождение в давно исчезнувшем государстве Дрштег. Эти монеты изготавливались из «черного дерева», произраставшего только на островах Тьон-Шопри и полностью уничтоженного браконьерской вырубкой.

ОРДЕНА И НАГРАДНЫЕ КОЛЬЦА

Главная награда Империи – *Орден Золотой Короны*. Им награждаются за выдающиеся заслуги перед страной и лично перед Императором. Носится на груди на золотой цепи. К ордену прилагается церемониальная шпага и пояс с золотым вплетением. Среди привилегий, которые дает орден, – пожизненный доступ на ежегодный дворцовый бал в День Рождения Императора.

Военные ордена

Орден «Рубиновая молния»: носится на шее на серебряной цепи, вручается за долгую беспорочную службу;

орден Светлой отваги: прикалывается к груди, вручается за храбрость и героизм, проявленные на полях сражений;

орден Черного Грома: прикалывается к груди, крепится на черный бант, присваивается посмертно за самопожертвование во имя страны и императора, вручается родным или близким павшего с правом ношения;

орден Беззаветной Славы: прикалывается к груди, вручается за мужество и отвагу;

орден Алмазного Щита: носится на шее на серебряной цепи, вручается работникам тыла и за участие в обороне городов, в мирное время – за выдающийся вклад в поддержание мира и стабильности. Наиболее чтимый Каскадом орден;

орден «Пламя Ош-Голонг»: носится на шее на бронзовой цепи, вручается за огромные заслуги и отважные подвиги на военно-морском поприще.

Гражданские ордена

Орден Мудрости и Верности, трех степеней. Десять лет беспорочной службы во славу империи – 1-я степень, двадцать лет – 2-я степень, тридцать лет – 3-я степень. Прикалывается к груди;

орден Гражданской Доблести, двух степеней. Вручается за достижения в области науки, инженерии, искусств, за новые рекорды в области авиаторства и мореходства. Прикалывается к груди;

орден «Бирюзовая ветвь». Прикалывается к груди, крепится на сиреневом банте. Вручается за приумножение богатства Империи и деяния во славу ее дальнейшего благосостояния;

орден Тор-Вардрона. Вручается за деяния на поприще распространения Учения Истинного Света, за большой вклад в духовное развитие подданных Империи. Носится на шее на бронзовой цепи.

Наградные кольца

Золотые:

«Звезда Единорога»: главный почетный знак полицейских и судебных чинов.

«Огненный лев»: главный почетный знак служащих пожарной службы.

«Коготь дракона»: главный почетный знак чиновников императорских канцелярий.

«Сердце гепарда»: главный почетный знак служащих медицинской и почтовой служб.

Серебряные:

«Глаз Орла»: второй по значимости почетный знак полицейских и судебных чинов.

«Крыло Ворона»: второй по значимости почетный знак служащих пожарной службы.

«Полет Ястреба»: второй по значимости почетный знак чиновников императорских канцелярий;

«Перо Альбатроса»: второй по значимости почетный знак служащих медицинской и почтовой служб.

Медные:

«Дубовый венок»: третий по значимости почетный знак полицейских и судебных чинов.

«Оливковая ветвь»: третий по значимости почетный знак служащих пожарной службы.

«Пшеничный колос»: третий по значимости почетный знак чиновников императорских канцелярий;

«Лист орешника»: третий по значимости почетный знак служащих медицинской и почтовой служб.

ФЛАГИ

Флаг Короны: алая и белая поперечные полосы, по центру полотнища — золотая корона с четырьмя

зубцами, символизирующими четыре континента. Алый цвет символизирует честь и благородство, белый – цвет приверженцев Истинного Света.

Военно-морской флаг: синее полотнище с белым силуэтом скоростника, расположенным почти по центру, чуть ближе к верхнему краю.

Флаг торгового флота: зеленое полотнище с черным ромбом в правом верхнем углу, надпись по верхнему краю флага: «Богатство в морской волне».

ГЕРБ КОРОНЫ

Форма гербового щита:

Цвета:

До сужения разделен на четыре квадрата: верхние слева направо – белый и алый; нижние слева направо – золотой и черный. Нижняя суживающаяся часть щита красного цвета. В белом квадрате – алая книга (символизирует оберегающее империю Учение Истинного Света). В алом – серебряный единорог (символ императорской власти). В золотом – рука, сжимающая черный меч острием вверх (символ всепокоряющей мощи Империи). В черном – золотая чаша (символ мудрости и знаний). В нижней суживающейся части – фиолетовый кон-

тур весов, обрамленных дубовыми ветвями (символизирует общественный порядок и благоденствие).

О ПОЯСАХ

Сейчас в Короне большое значение имеет такая деталь одежды, как пояс. Впрочем, это гораздо больше, чем деталь одежды – это показатель социального статуса человека. Без пояса появляться на людях может позволить себе лишь отверженный обществом бродяга. Такого человека не пустят ни в одно заведение, такому не откроют дверь дома. Пояса не выдают, их покупают в магазинах и лавках, торгующих одеждой, но надеть пояс с эмблемой и знаками, не соответствующими твоему положению в обществе, считается серьезным проступком. Если человек завышает свой социальный статус, то это может быть даже приравнено к мошенничеству и стать предметом уголовного преследования. Если занижает (а такое хоть реже, но все же встречается), то подобный человек становится объектом насмешек и общественного осуждения.

О ЛОШАДЯХ

Лошади как средство передвижения используются только на Гвидоре. Во-первых, на Гвидоре

крайне мало дорог, пригодных для движения электромобилей, во-вторых, там нет электромобильной промышленности, мобили везут морем и стоят они огромнейших денег. В-третьих, Гвидор во всем пытается противопоставлять себя Короне, отсюда и некоторая показная тяга к патриархальности во всем.

На Короне лошади превратились в аттракцион для знати. Несколько лет назад вошел в моду такой вид отдыха, как катание на лошадях в заповедниках для езды верхом, благодаря чему на Короне вновь ожили конезаводы.

ИМЕНА

Имена подданных Империи делятся на первое имя и второе.

Первое имя употребляется в основном в семейном кругу и среди близких друзей. Служивцы зачастую даже и не знают первое имя того, кто работает рядом с ними. Спрашивать об этом считается неприличным. Представляясь незнакомому человеку, первое имя не называют.

Второе имя – официальное, представительское. Это имя связывает человека с его родом, указывает на происхождение его фамилии.

К примеру, полное имя человека Паллий Лекс-Чевлог. Первое имя – Паллий. Второе имя – Лекс-Чевлог. Представляясь, носитель имени никогда не

скажет (если он приличный человек): «Меня зовут Паллий Лекс-Чевлог», – он скажет: «Меня зовут господин Лекс-Чевлог».

Происхождение имен

Сперва расскажем о *первых* именах, которые вошли в употребление относительно недавно – сто-сто пятьдесят лет назад. Их появление было вызвано выдачей всем подданным Императора удостоверений личности – «патташе». Чтобы избежать путаницы – а она была бы неизбежна, ведь сколько родственников носит одно и то же имя, плюс однофамильцы – пришлось при выдаче «патташе» требовать от подданных придумывать себе первое имя. Как правило, в первые официальные документы попадали семейные прозвища, например, «любимчик», «медведь», «злюка». Иногда люди просто записывали в графу «первое имя» – «старший», «младший» или «средний». Очень немногие из бывших прозвищ остались в употреблении по сей день как первые имена, а если и остались, то зачастую измененными до неузнаваемости. Ну скажите, кто может узнать в имени Паллий некогда распространенное в семьях прозвище «Палец» (его, как правило, получали члены семьи, отличавшиеся чрезмерным любопытством, вспомните пословицу: «Любопытного всегда узнаешь по прищемленным пальцам»)?

Каждая эпоха диктовала свою моду на первые имена. Одно время в моду даже вошли имена, распространенные среди туземцев Ханнры – когда была

предпринята попытка их подчинения (она окончилась неудачей, и моде на все туземное тут же пришел конец). В первые годы триумфального шествия по Короне синематографа, разумеется, установилась мода на имена любимых героев из синематографических лент. А сейчас модно давать мальчикам имена древних героев и знаменитых исторических персонажей, девочкам – имена королей доимперских государств.

С наречением первым именем стараются не затягивать. Как правило, имя выбирается родителями задолго до рождения, а записывают его в документы не позже, чем через неделю после рождения. Потому что бытует поверье – если не запишешь первое имя в течение недели, в мальчике может пробудиться страсть к бродяжничеству, а девочка может вырасти легкомысленной и ветреной.

Большинство *вторых* имен или собственно имен происхождением своим уходят в доимперскую эпоху.

Вторые имена делятся на одночастые и двучастные.

Двучастные, гораздо более распространенные (например, Лекс-Чевлог, Юж-Крафт, Тор-Вардр и пр.), происходят от так называемых двупоколенных имен. Носителями таких имен в доимперский период были исключительно жители Короны.

Покажем, как строилась конструкция двупоколенного имени. Для примера возьмем имя «Юж-Крафт». Основу двупоколенного имени составляло имя отца, в нашем случае – «Крафт». Префикс «Юж» происходил от сокращения имени деда (его основы). Причем

сокращение носило достаточно произвольный характер. В выбранном нами случае деда могли звать «...— Южмар». Или «...— Урфарюж». Префикс имени деда обозначен в примере точками, потому что значения в передаче имени следующему поколению не имел — еще раз повторимся, что сокращалась только основа, префикс же просто утрачивался.

Таким образом, именем выстраивалась цепочка от носителя имени к отцу его отца, чем подчеркивалась преемственность поколений, неразрывность кровных связей — и это имело огромное значение в клановый период развития общества. Но прогресс, открытие электричества, становление городов, упрочение императорской власти при ослаблении власти местечковых землевладельцев, — все это стало стремительно разрушать клановую систему. И двухпоколенные имена, утратив свой кровно-родственный смысл, неизбежно ушли бы в прошлое, так как были чересчур громоздки и сложны в образовании, если бы этой именной конструкции не был придан новый смысл.

Новым смыслом стала лояльность по отношению к империи. Принятием свойственной Короне именной конструкции другие государства, присоединяемые к образуемой империи, и их жители как бы приносили присягу на верность. А непринятие сей конструкции логичным образом стало восприниматься как вольнодумство, как бунтарские настроения.

Разумеется, двухпоколенные имена практически сразу «застыли», что-то отсекать и вновь пристыко-

вывать уже представлялось людям утомительным и ненужным. Эти имена вскоре превратились в многопоколенные, иными словами, превратились в общесемейные имена. Но традиционный вид – двучастность – они сохранили и по сей день. Более того, двучастность стала повсеместной обязательной нормой, а одночастность – исключением, которое требуется подтверждать документально.

Одночастные (например, Дастарг, Бромранг, Досшергон) редки. Они закрепились за семьями во время правления Третьего Императора, который стал награждать привилегией носить одночастное имя – за заслуги перед Империей. Как шептались в то время: «Императору дешево стоит, но народу нравится». Действительно, народу нравилось: во-первых, потому что подобное имя сразу выделяло его носителя из общей массы, во-вторых, привилегией одаривались не только дворяне, но и лица всех прочих сословий. Следующий, Четвертый Император перестал одаривать правом на одночастное имя, однако тем семьям, что получили привилегию при предыдущем правлении, было разрешено сохранять ее за собой бессрочно.

О ДВОРЯНАХ КОРОНЫ

Дворяне Короны носят следующие титулы:

1. Принц Короны
2. Крон-герцог

3. Герцог
4. Юрмирон
5. Граф
6. Стат-барон
7. Виконт

Дворянство в Короне изживает себя. Родовые поместья обложены большим налогом. Чтобы платить его, дворяне вынуждены сдавать земли в аренду фермерам, разрешать строить на своей земле фабрики, ставить ветряки, рыть каналы, устанавливать причалы или проводить через свои земли электро-мобильные дороги. В случае невыплаты налога поместье отбирается в пользу императорской казны.

Оставшиеся на сегодня у дворянства привилегии носят исключительно декоративный характер, вроде разрешения носить на поясе родовой герб (а женщинам – вставлять в пояс драгоценные камни) или привилегии парковать автомобиль за сто шагов от императорского дворца, когда всем остальным разрешено не ближе чем в двухстах шагах.

Поэтому не удивительно, что дворяне тайно сочувствуют Визари и его сторонникам, потому что видят в них надежду на восстановление прежних патриархальных порядков, при которых возродятся все былые привилегии дворянства.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

ВСЛЕД ЗА СУДЬБОЙ 5

Глава 1

ЭТЮД В БЛЕКЛЫХ ТОНАХ 6

Глава 2

О ТЩЕТНОСТИ ГАДАНИЯ НА КОФЕЙНОЙ ГУЩЕ 20

Глава 3

ПО ВОДЕ... 36

Глава 4

...ПО ЗЕМЛЕ... 54

Глава 5

...И ПО ВОЗДУХУ 62

Глава 6

БЕСШУМНЫЙ БОЙ 74

Глава 7

НИЖНИЙ МИР ПРИДУМАН НЕ НАМИ... 80

Глава 8

МЕЧТА ОТШЕЛЬНИКА 91

Глава 9

ВИЗАРИ, ДУБЛЬ ВТОРОЙ 106

Глава 10

СОВЕТ ПОД ОБЛАКАМИ 126

<i>Глава 11</i>	
ТЕСНЫЕ КОНТРАКТЫ ТРЕТЬЕГО ВИДА	145
<i>Глава 12</i>	
БЕСЕДЫ ПОД ТРЕСК ПОЛЕНЬЕВ	158
<i>Глава 13</i>	
ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ: СВЯЩЕННИК РОН-ГАРДАР	170
<i>Глава 14</i>	
ЗЕРНА И ПЛЕВЕЛЫ: РЕКТОР ПЕР-ДИГРСТАН	190
Часть вторая	
ВО ВЛАСТИ СУДЬБЫ	199
ИНТЕРЛЮДИЯ	200
<i>Глава 15</i>	
ВАГОНЧИК ТРОНЕТСЯ – ПЕРРОН ОСТАНЕТСЯ... ..	208
<i>Глава 16</i>	
ОПЕРАЦИЯ «ШТИРЛИЦ»	222
<i>Глава 17</i>	
КАК ССАЖИВАЮТ БЕЗБИЛЕТНИКОВ	244
<i>Глава 18</i>	
ГОРОД НЕКУШД, РАССАДНИК КОНТРРЕВОЛЮЦИИ	268
ГЛОССАРИЙ	281

Бушков Александр Александрович

Серия «Специальный русский проект»

СВАРОГ. ВРАГ КОРОНЫ

Ответственный за выпуск

Е. Г. Измайлова

Корректор *Л. В. Ворченко*

Художник *С. А. Григорьев*

Оформление обложки *И. А. Андреев*

Верстка *А. Б. Ирашина*

Подписано в печать 08.12.04

Формат 84х108¹/₃₂ Гарнитура «Таймс»

Печать офсетная. Бумага газетная

Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 10,2

Тираж 35 000 экз. Изд. № 04-0696-СП

Заказ № 3536

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, 29

Отпечатано с готовых диапозитивов

в полиграфической фирме «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»

127473, Москва, Краснопролетарская, 16